

Блэк Боб. Вместо работы

2015, источник: [здесь](#). Они были «свободны», чтобы работать. Вот о чем эта книга. Она о том, что работу лучше рассматривать как злокачественное, разрушительное состояние под названием «принудительный труд». Дело не в том, что люди по своей природе хотят работать. Нет, их заставляют работать с помощью моральных уговоров, а затем удерживают в рамках работы с помощью огромных, громоздких, иррациональных, подавляющих дух, экономических, правовых и полицейских рамок.

- [Предисловие Б. Стерлинга](#)
- [I. Упразднение работы](#)
- [II. Первобытное изобилие: постскриптум к Салинсу](#)
- [III. Разрази меня гром! \(Молния в дымовой трубе\)](#)
- [IV. Нет рабочему месту в будущем](#)
- [V. Что не так с этой картиной?](#)
- [VI. Отмена работы снова](#)
- [VII. Почему бы не объявить праздник?](#)
- [VIII. Что значит работа и почему это важно](#)
- [IX. Послесловие к упразднению работы](#)

Предисловие Б. Стерлинга

Мы с Бобом Блэком - современники, и мне очень не хочется писать свое предопределенное воспоминание об этой его старой книге из-за призрачного намека на то, что ни он, ни я никогда не напишем ничего лучше.

И все же я расскажу об исчезнувшем культурном окружении этой книги, потому что исторический контекст всегда полезен. Я романист и журналист, а не из среды политических теоретиков Боба. Сомневаюсь, что наши писательские пути когда-нибудь пересеклись бы, если бы не наш общий интерес к людям, которых Боб метко называл «маргиналами».

«Маргиналы» - это по существу самопубликующиеся деятели, авторы и распространители «зинов». Зины - это любительские журналы, выходившие небольшими тиражами и посвященные различным эксцентричным темам. Зины появились в изобилии, потому что технический прогресс в области фотокопирования бумаги уничтожил многие барьеры на пути мелких изданий. В результате спонтанно появилось множество писателей и пропагандистов: людей из маргинальных слоев общества, о которых редко можно было услышать в печати.

Благодаря своему журналистскому образованию я обладал очень высокой терпимостью к такого рода текстам. Вместо того чтобы жадно читать великих писателей, которыми я восхищался или которым завидовал (что обычно делают романисты), я научился приобретать и пробовать тексты более объективно, в культурном поиске новостных тенденций. Дж. Г. Баллард, другой романист, который также был журналистом, как и я, называл это «невидимой литературой». Баллард использовал этот радикально нелитературный материал, чтобы освежить свои собственные вымышленные произведения, и Баллард был гуру для писателей моего поколения.

Баллард работал в британской прессе, посвященной химической промышленности, и собирал непонятные, сверхспециализированные материалы, такие как отчеты о медицинских авариях. Я был остинской богемой, поэтому специализировался на таких необычных материалах, как андеграундные комиксы, непонятная поп-музыка, а также безумные, культовые эксперименты с наркотиками. В маргинальной среде было множество таких вещей, подобно огромным чернильным извержениям. Все это подавлялось силами приличия, которые владели обычными СМИ. Однако внезапно вы могли получить все, что хотели, если могли заплатить за почтовые расходы.

Так что у меня накопилось много такого, наряду с другими типичными «маргинальными» произведениями, которые по сути были слишком разрекламированными дневниками: поездка гика на соревнования по стрельбе из лука, горе подростка по поводу смерти котенка и тому подобная муть. Конечно, в основном это была ерунда, но это ничего. Я не возражал. Писатель должен знать такие вещи. Это было что-то вроде житейского

образования. Потом был Боб Блэк, еще один парень, усердно эксплуатирующий этот вид издательского бизнеса. В отличие от большинства «маргиналов», Боб Блэк явно был настоящим диссидентом. Он был ясным писателем с юридическим образованием, не политическим чудаком или заблуждающимся мистиком, а последовательным мыслителем, который действительно, по-настоящему, сильно отличался от других.

Боба заключался в том, что он - и все мы на самом деле - существовали в условиях психически калечащего, систематического угнетения. Мы не знали этого, потому что не осмеливались назвать своего угнетателя, так же как диссиденты из Восточной Европы, жившие в то время, не могли смело назвать коммунистическую партию и КГБ авторами своих ежедневных бед. Но нашим угнетателем была «работа».

«Никто не должен работать». Боб был эссеистом довольно широких взглядов, но это звучало как знамя идеологии черных. Никакой работы. Его анализ изучал фактические ограничения нашей свободы. Не структуры власти в различных государствах, не права, якобы гарантированные конституциями, не влияние расовых или гендерных предрассудков, а действительно, просто жизнь: прожитые часы ваших драгоценных дней. Куда же на самом деле ушла ваша жизнь? В «свободном мире» большинство людей всю жизнь работали.

Они были «свободны», чтобы работать. Вот о чем эта книга. Она о том, что работу лучше рассматривать как злокачественное, разрушительное состояние под названием «принудительный труд». Дело не в том, что люди по своей природе хотят работать. Нет, их заставляют работать с помощью моральных уговоров, а затем удерживают в рамках работы с помощью огромных, громоздких, иррациональных, подавляющих дух, экономических, правовых и полицейских рамок. Боб отметил, что работа - это не просто «выполнение обязанностей», потому что от вас требуется оставаться на рабочем месте в течение всего рабочего времени, независимо от того, выполнены ли необходимые задачи или нет. Работникам никогда не разрешалось уходить с работы, так же как ребенку в школе не разрешалось уходить играть после того, как он выучил уроки по учебнику. И школа, и рабочее место были механизмами дисциплины. Это были огромные аппараты, которые имели довольно мало общего с их предполагаемыми целями - образованием или производством. Боба Блэка ужасал именно «принудительный труд», а не продуктивная деятельность как таковая. Боб не поощрял инертное безделье. Он имел в виду совсем другое устройство цивилизации, так называемый «игровой труд», где общество будет поддерживать себя за счет людей, делающих то, что они хотят делать.

Конечно, такая перспектива звучит довольно глупо: Аристотель высмеивал эту идею еще в античные времена. Аристотель оправдывал греческое рабство тем, что челнок не соткает одежду, а лира не сыграет музыку сама по себе. Поэтому мы должны быть практичными, жесткими и иметь рабов. Однако Бобу Блэку было ясно, что в современной цивилизации наши фабричные станки действительно ткут автономно одежду, а наши радиоприемники сами по себе играют музыку. И все же, несмотря на весь этот огромный производственный потенциал, наемное рабство по-прежнему широко распространено.

Итак, принудительный труд не был связан с одеждой, профессор Аристотель. Нет, принудительный труд был связан с силой. Рабство было само по себе оправданием.

Безделье - это мастерская дьявола. При достаточном количестве безделья церкви могли рухнуть. Нет священников - нет хозяев. С отменой «работы» спонтанно возник бы совершенно иной экономический порядок. Все всегда утверждают, что анархисты не понимают реальной экономики. Вероятно, это так, поскольку в любом случае о правде судят штатные экономисты. Однако я бы отметил, что Facebook и Google сегодня - это колоссальные, сверхбогатые коммерческие империи, которые не платят большинству своих работников никакой зарплаты. И Google, и Facebook бесплатны для миллионов пользователей, потому что пользователи просто находятся внутри них, играют, преследуя свои частные интересы, в очень похожем на Боба Блэка лудистском стиле.

Так что да, оказывается, неоплачиваемый, неформальный, не принудительный труд на самом деле очень продуктивен с экономической точки зрения. Он стоит чертовски много денег. Каждый раз, когда вы выполняете поиск в Google, вам незримо помогают тысячи других людей, нажимающих на кнопки. Эти блестящие коллективные империи больших данных, безусловно, являются доминирующими экономическими титанами нашей современной эпохи - если не считать властных тюрем, смертоносных военных и зловещих нефтяных компаний, разрушающих климат. Однако здесь я скорее предвосхищаю рассказ самого Боба: «Отмена работы» была написана давным-давно, еще в эпоху ручных пишущих машинок и ксероксов. Боб не виноват в том, что Facebook, Amazon и Google существуют (пока что), и мы все обогащаем их, а это не называется работой, и мы не получаем за это зарплату. Боб был одиноким, маргинальным крестоносцем, отстаивающим свое уникальное видение свободы и социальной справедливости. Он никогда не был разрушительным венчурным капиталистом. Однако в его работах были полезные, широкие намеки на то, что его область маргиналии была в целом авангардной. Я так и не стал учеником Боба Блэка, хотя время от времени писал и отправлял ему бумажные письма.

В основном я просто восхищался и пытался подражать его концептуальной свободе. О ситуационистах я узнал благодаря Бобу Блэку: эти французские ультралевые считали, что внешне прочный буржуазный мир - всего лишь зрелище. Ситуационисты любили притворяться, что парижские улицы не были настоящими улицами, что они были бескарточной сеткой абсолютных возможностей: можно было дрейфовать по улицам наугад и обнаруживать чудеса, можно было раскопать твердые булыжники, и под ними оказался бы пляж. Было здорово, что Боб с такой легкостью понял эту глубоко чуждую философию, а также подумал, что ситуационисты - это запутавшиеся европейцы, которых мы, американцы, могли бы как-то преодолеть. Ситуационисты были очень похожи на озлобленных, разгневанных, бросающих бутылки с зажигательной смесью писателей-фантастов.

Распространение полезной информации такого рода среди тех, кто ее искал, было лишь одним из многих похвальных общественных заслуг Боба. В моей собственной среде американского популярного романа средней руки всегда были ребята, которые считали, что писать фантастику должно быть тяжелым трудом. В моей профессии это были герои Грэдграйнда, мрачные одержимые, которые вставали в пять утра, пробегали четыре мили, принимали холодный душ и каждый день безотказно писали свои 2000 слов.

При их методе работы Муза была для слабаков; творчество приходило, если вы срывали сроки; ваш массовый роман в мягкой обложке был промышленным развлекательным продуктом в прямой конкуренции за деньги потребителя на пиво. По сути эти парни были художниками, проглотившими яд принудительного труда, который осуждал Боб Блэк. Они были самозанятыми, но жестоко стремились стать своими собственными жестокими боссами. Мне нравилось писать художественную литературу, и я подумал, что, возможно, в этом суровом дисциплинированном трудовом подходе есть что-то особенное; прочитав Боба Блэка, я решил отбросить эту идею. Я решил, что моя литература не будет коммерческим продуктом, призванным эффективно развлекать читателя. Нет, это будет гораздо больше похоже на то, что писал Боб Блэк: странное, провокационное, может быть, радикально неправильное, но что-то умное, свежее и нестандартное, не тратящее драгоценные часы, отведенные читателю. Как и в случае с Бобом Блэком, мои статьи могут быть не совсем прагматичными по замыслу, но в них будет чувство убедительности Боба, его непонятная срочность. В прозе я бы использовал его откровенно декларативное чувство оруэлловской точности:

“ «Переосмысление повседневной жизни означает выход за пределы наших границ».

“ «Чтобы перестать страдать, мы должны перестать работать».

“ «Вы - это то, что вы делаете. Если вы делаете скучную, глупую, монотонную работу, есть шанс, что в итоге вы станете скучным, глупым и монотонным».

Когда я только начинал читать Боба Блэка, у меня была подработка. Это была неплохая работа, но я ее бросил. Я понял, что работа всегда будет мешать мне. И дело не только в том, что работа ограничивала мое свободное время для писательства - честно говоря, я писал свой второй роман на работе и не очень-то страдал от любезного начальника и забавных сослуживцев, - но и в том, что ежедневное принуждение к работе ограничивало мое воображение. Ты - то, что ты делаешь, а мне нравилось писать свободные, полные воображения романы. В итоге я остался без работы. И никакого конкретного резюме или набора навыков. Ни дома, ни кучи имущества, ни конкретного домашнего адреса. Сейчас мой паспорт пестрит штампами, и я, вероятно, наиболее известен не своими романами, за которые люди платят мне деньги, а бесплатными афоризмами, которые я выкладываю в социальные сети. Так что это не такой уж и неправдоподобный образ жизни, эта схема Боба Блэка «никогда не работай». Такова жизнь людей в возрасте моих собственных взрослых детей. Это «нестабильное» поколение: они полу-, недо- или безработные, у них нет пригородных домов с белыми калитками, ведер с обедом и профсоюзных карточек. Поэтому

сейчас я просто живу так, как живет современный человек. Это значит, что когда я говорю о реальной жизни с людьми вдвое моложе меня, мы можем говорить как современники. За это я всегда буду очень благодарен Бобу Блэку.

Брюс Стерлинг

Белград, 2015

I. Упразднение работы

Никто и никогда не должен работать.

Труд — источник чуть ли не всех человеческих несчастий. Назовите любое почти зло — оно происходит из-за труда или из-за того, что наш мир построен вокруг труда. Чтобы перестать страдать, надо перестать работать.

Это не значит, что мы должны перестать что-либо делать. Это значит, что надо создать новый образ жизни, основанный на игре; другими словами, это значит луддитскую революцию. Под «игрой» я понимаю также празднества, творчество, содружество, сообщничество, может быть даже искусство. Игра это больше, чем детская игра — как бы достойна ни была последняя. Я призываю к обобщенной радости и поистине свободному безрассудству. Игра это не пассивный отдых. Без сомнения, даже просто обычной лени и безделья нам нужно гораздо больше, чем мы сейчас можем себе позволить, каков ни был наш доход и профессия. Но, как только пройдет навязанное трудом истощение, почти каждый предпочтет действовать. Обломовщина и стахановщина — это две стороны одной и той же фальшивой монеты.

Луддитская жизнь совершенно несовместима с существующей действительностью. Тем хуже для «действительности» — черной дыры, высасывающей последние соки из того немного, что пока еще отличает жизнь от выживания. Забавно — а может, и не очень — что все старые идеологии по сути консервативны, поскольку верят в труд. Некоторые из них, такие как марксизм и большинство сортов анархизма, верят в труд особенно страстно, потому что мало во что еще верят.

Либералы утверждают, что надо устранить дискриминацию при приеме на работу. Я утверждаю, что устранить надо саму работу. Консерваторы поддерживают законы о праве на труд. Следуя Полю Лафаргу, беспутному сыну Карла Маркса, я поддерживаю право на лень. Леваки требуют полной занятости. Как сюрреалисты, я требую полной незанятости — только я не шучу. Троцкисты призывают к перманентной революции, я призываю к перманентному буйству. Но, хотя все идеологи утверждают труд — и не только потому, что рассчитывают свою порцию свалить на кого-то еще — они странным образом стесняются прямо в этом признаться. Они бесконечно твердят о зарплате, рабочих часах, условиях труда, эксплуатации, производительности, рентабельности. Они рады рассуждать о чем угодно, кроме работы как таковой. Эти эксперты, предположительно думающие за нас, крайне редко делятся с нами своими заключениями по поводу работы — несмотря на то, как это для всех нас важно. Замкнувшись в своем кругу, они бесконечно обсасывают детали. И профсоюзы, и работодатели согласны, что мы обязаны продавать часы нашей жизни за право на выживание, и спорят только из-за цены. Марксисты думают, что начальствовать над нами должны бюрократы. Либертарианцы полагают, что бизнесмены. Феминисткам плевать, как именно называются начальники, лишь бы они были женского пола. Очевидным

образом все эти идеологизаторы серьезно расходятся во мнениях по поводу того, как делить полученное с помощью власти. Столь же очевидным образом, никаких возражений против собственно власти у них нет. И все они хотят, чтобы мы работали.

Вы наверно пытаетесь понять, шучу я или говорю серьезно. И то, и другое. Быть луддитом — не значит быть дебилом. Игра не обязана быть ни к чему не обязывающей, хотя и безответственность не значит банальность — очень часто к безответственности следует относиться серьезно. Я хочу, чтобы жизнь стала игрой — но игрой с высокими ставками. Я намерен играть на выигрыш.

Альтернатива труду — не безделье; Лудд это не квалуд. При всем моем уважении к радостям тупой прострации, приятнее всего она тогда, когда перемежает собой развлечения и радости другого рода. И тем более я не хочу рекламировать управляемую, рассчитанную по часам отдушину, известную как «досуг». Досуг — это когда не работают во имя работы. Досуг это время, потраченное на выздоровление от работы и отчаянные, но безнадежные попытки забыть о ней. Как много людей возвращается из отпуска настолько вымотанными, что с радостью бегут на работу, чтобы отдохнуть! Основная разница между работой и досугом — это что на работе за вашу нервотрепку и отчуждение вам по крайней мере платят.

Я совершенно не хочу играть с определениями. Когда я говорю, что призываю к упразднению работы, я имею в виду ровно то, что говорю — но я хочу высказать то, что имею в виду, используя термины, очищенные от побочных ассоциаций. Мое минимальное определение работы — принудительный труд, иными словами, недобровольная производительная деятельность. Оба элемента важны. Труд, или работа — это производство, вынуждаемое политическими или экономическими средствами, кнутом или пряником. (Пряник — это просто кнут, которым бьют с другого угла.) При этом не любое производство это работа: работу никогда не выполняют саму для себя. Целью всегда является продукция, какой-то еще результат — что-то, что получает работник (или, что чаще, кто-то еще). Именно этим она с необходимостью является; причем определить ее так — уже значит ее заклеить. Но в реальности все обычно еще хуже, чем предполагает определение. Внутренне присущая работе динамика доминации со временем усложняется. В действительно пораженных трудом обществах, таких как любое индустриальное общество, капиталистическое либо «коммунистическое», работа неизбежно приобретает дополнительные свойства, которые делают ее еще более безобразной.

Обычно — в «коммунистических» странах, где государство есть единственный работодатель, даже больше, чем в капиталистических — люди работают по найму, за зарплату, иными словами, продают себя отмеренными ежемесячными порциями. Тем самым, 95% работающих американцев работают на кого-то (или на что-то). В СССР, в Югославии, на Кубе, в любом другом альтернативном обществе, которое может придти в голову, эта цифра достигает всех 100%. Только кое-где в третьем мире, осажденные бастиины крестьянства — Мексика, Индия, Бразилия, Турция — все еще дают временное пристанище заметным количествам сельскохозяйственных работников, которые живут по традиции последних нескольких тысячелетий — а именно, платят налоги (т. е. выкуп) государству, или оброк паразитам-землевладельцам за то, чтобы их оставили в покое. По нынешним временам,

даже такой грабеж начинает выглядеть привлекательно. Все работающие в промышленности (и в офисах) работают по найму, под слежкой, плодящей услужливость.

Но современная работа предполагает и худшее. Люди не просто работают, у них есть «профессии». Каждый конкретный человек постоянно выполняет конкретные отведенные ему функции, безо всякой альтернативы. Даже если функции эти хоть как-то интересны сами по себе (а все больше профессий не предполагают и этого), монотонное и обязательное их повторение в ущерб любой другой деятельности напрочь лишает их потенциальной привлекательности. «Профессиональные обязанности», которые сами по себе могли бы занять того или иного человека на какое-то разумно ограниченное время, ложатся тяжким бременем на любого, кто должен посвящать им сорок часов в неделю и кого совершенно не спрашивают, как именно он хотел бы их выполнять — все это ради выгоды хозяев, которые сами в работе никак не участвуют, и не имея возможности как-то объединить усилия или перераспределить отдельные задания между теми, кто на самом деле их выполняет. Вот он, настоящий мир труда — мир бюрократического идиотизма, навязчивых сексуальных домогательств, дискриминации, тупых начальников, эксплуатирующих подчиненных и их же обвиняющих во всех грехах — тех самых подчиненных, которые, по любому разумному критерию, должны бы сами принимать все решения. Вот только в реальном мире капитализм жертвует разумным увеличением производительности и доходности производства ради простоты управления им.

Унижения и деградацию, которые работа приносит большинству работающих, можно суммировать под общим наименованием «дисциплины». Фуко [В «Surveiller et punir», которое по-английски называется «Discipline and punish».] переусложнил это явление, которое само себе чрезвычайно просто. Дисциплина — это все проявления тоталитарного контроля на рабочем месте: постоянное наблюдение, рабочие часы, навязанные темпы работы, нормы выработки, наказания за опоздания и т. д. и т. п. Дисциплина — это то, что роднит фабрику, офис или магазин с тюрьмой, школой и психиатрической больницей. Это нечто ужасное, и в истории не встречающееся. Нечто, превосходящее все возможности таких демонических диктаторов прошлого, как Чингиз-хан, Нерон и Иван Грозный. При всех их поползновениях, у них просто не было таких механизмов контроля над подданными, как у наших современных деспотов. Дисциплина — это отчетливо дьявольский и современный способ правления, новшество, которое при первой возможности надо полностью запретить.

Так же, как и «работа»; которой в точности противоположна — игра. Игра всегда добровольна. Аксиома: то, что могло бы быть игрой, превращается в работу, если делается по принуждению. Берни де Ковен определял игру как «временное забвение последствий». Если понимать под этим, что игра ни к чему не ведет, то это определение неприемлемо. Не в том дело, что игра ни к чему не ведет. Говорить так — это принижать понятие игры. Дело в том, что любые результаты даются даром. Понятия игры и дара тесно связаны; это поведенческие и транзакционные проявления одного и того же игрового инстинкта. Их роднит аристократическое презрение к результату. Игрок что-то получает от игры; затем и играет. Но основное вознаграждение — это сами производимые действия (каковы бы они ни были). Некоторые в общем внимательные исследователи игры, такие как Йохан Хейзинга («Homo ludens»), определяют ее как партию, как розыгрыш по определенным правилам. При всем уважении к эрудиции Хейзинги, я решительно отвергаю вводимые им ограничения.

Полно отличных игр с четкими правилами — шахматы, бейсбол, монополия, бридж — но понятие игры гораздо шире. Беседа, секс, танцы, путешествия — все это никаким правилам не подчиняется; но если это не игра, что тогда игра? А правила — ну, с ними можно играть ничуть не хуже, чем со всем остальным.

Работа превращает свободу в издевательство. Партийная линия гласит, что все мы имеем права и живем при демократии. Другие, несчастные, в отличие от нас несвободны и живут в полицейских государствах. Эти жертвы обстоятельств вынуждены подчиняться приказам, сколь бы абсурдны и произвольны они ни были. Власти держат их под постоянным наблюдением. Государственные чиновники регулируют все, даже самые мельчайшие стороны повседневной жизни. Бюрократы, ими распоряжающиеся, не отвечают ни перед кем, кроме вышестоящих бюрократов, либо публично, либо приватно. В любом случае, несогласие и неподчинение наказуемы. Информаторы регулярно все сообщают властям. Все это, как предполагается, ужасно.

И это действительно ужасно — только это всего лишь описание условий на современной работе. Либералы, консерваторы и либертарианцы, оплакивающие ужасы тоталитаризма — лицемеры и обманщики. В любом слегка-десталинизированном диктаторском режиме свободы больше, чем на рабочем месте обычного американца. В офисе и на фабрике царит дисциплина и иерархия того же сорта, что в тюрьме или в монастыре. На самом деле, как продемонстрировали Фуко и другие, фабрики и тюрьмы появились примерно одновременно, а управляющие ими сознательно заимствовали друг у друга методы управления. Работник — это раб на пол-ставки. Работодатель говорит вам, когда явиться, до какого времени не уходить, и что делать в промежутке. Сколько работы выполнять, и с какой скоростью. При желании, он может довести свою власть до оскорбительных пределов — регулируя, если захочется, вашу одежду и количество разрешенных посещений туалета. С небольшими исключениями, он может уволить вас по любой причине или вовсе без таковой. Он напускает на вас стукачей и непосредственных начальников, которые за вами следят, и собирает на вас досье. Возражения называются «неподчинением» — как будто работник это непослушный ребенок — и за них вас могут не только уволить, но и лишить пособия по безработице. Не имея в виду безусловно утверждать, что и для них это обосновано, хочу заметить, что точно так же дома и в школе обращаются с детьми — мотивируя это их «незрелостью». Что же тогда сказать об их работающих родителях и учителях?

Описанная мной унижительная система доминации подчиняет себе большинство женщин и подавляющее большинство мужчин половину их активного времени — причем десятилетиями, большую часть их жизни. В определенном смысле, неправильно называть нашу систему капитализмом, или демократией, или — еще хуже — индустриальным обществом; ее настоящие имена — фабричный фашизм и офисная олигархия. Всякий, кто называет этих людей «свободными» — или дурак, или врет. Ты это то, что ты делаешь. Если ты делаешь скучную, тупую, монотонную работу, скорее всего ты сам станешь скучным, тупым и монотонным. Работа объясняет видимую повсюду ползучую дебилизацию гораздо лучше, чем гипотетические зомбирующие механизмы вроде телевидения или образования. Люди расчерчены по линейке всю свою жизнь — школа переходит в работу, с ограничителями в виде семьи вначале и дома для престарелых в конце; они приучены к иерархии и психологически поработаны. Способность к независимому существованию

атрофирована у них настолько, что страх свободы — одна из немногих фобий, имеющих под собой реальную почву. Послушание, намертво вбитое в людей на работе, выплескивается в семьи, которые они сами создают, воспроизводя таким образом систему дополнительным путем — а также в политику, культуру и все прочее. Лиши жизненной силы людей на работе — они и во всем остальном будут подчиняться иерархии и чужим мнениям. Им так привычнее.

Мы смотрим на мир труда из такой непосредственной близости, что не видим его таким, как он на самом деле есть. Чтобы осознать, как далеко и до какой патологии дошло дело, приходится полагаться на тех, кто смотрит со стороны — из другого времени, из другой культуры. В нашем собственном прошлом было время, когда «рабочая этика» была немыслима. Возможно, Вебер действительно не зря связал ее появление с религией, а именно, с кальвинизмом — который, появившись он сейчас, а не четыре века назад, был бы сразу и справедливо квалифицирован как тоталитарная секта. В любом случае, чтобы посмотреть на труд в перспективе, достаточно воспользоваться мудростью древних. Они знали, что из себя на самом деле представляет работа, и взгляд их, несмотря на трещины, проделанные кальвинизмом, оставался в силе вплоть до индустриализации — и был отмечен и отчасти поддержан даже ее пророками.

Давайте на минуту забудем о том, что работа превращает людей в обездвиженных подчиненных. Сделаем вид, что, вопреки всем разумным психологическим и идеологическим теориям, она никак не влияет на формирование личности. И допустим, что она не так скучна, унизительна и утомительна, как на самом деле. Даже в этом случае, она все равно превращает в издевку все гуманистические и демократические идеалы — просто потому, что отбирает так много нашего времени. Сократ говорил, что занимающиеся ручным трудом — плохие граждане и плохие друзья, потому что у них нет времени выполнять гражданский и дружеский долг. И он был прав. Из-за работы мы, что бы мы ни делали, всегда глядим на часы. Единственная «свобода» в так называемом свободном времени — это свобода работодателя от оплаты. Свободное время в основном посвящено подготовке к работе, поездке на работу, возвращению с работы и приведению себя в чувство после нее. Свободное время — это эвфемизм; он описывает странные свойства труда, который, будучи средством производства, не только доставляет себя с работы и на работу за свой счет, но и сам заботится о собственном ремонте и поддерживает себя в рабочей форме. Ни уголь, ни сталь этого не делают. Ни токарные станки, ни пишущие машинки. Это делают только работники. Не удивительно, что Эдвард Д. Робинсон в одном из своих гангстерских фильмов заявлял: «Работа — это для лохов!»

И Платон, и Ксенофонт приписывают Сократу — и сами очевидным образом разделяют — осознание того, как плохо работа сказывается на гражданских и человеческих качествах работающего. Геродот обозначил презрение к труду как одно из качеств классической Греции в период ее расцвета. В качестве одного только римского примера, процитируем Цицерона: «тот, кто предлагает труд за деньги, продает себя и ставит себя в положение раба». Такая откровенность сейчас встречается редко — но в современных примитивных обществах, на которые мы привыкли смотреть сверху вниз, находится достаточно людей, могущих кое в чем просветить западных антропологов. Капауку в западном Ириане, по сообщению Поспосила, считают необходимым поддерживать равновесие в жизни, а потому

работают только через день, день отдыха посвящая «восстановлению здоровья и силы». Наши предки, даже в восемнадцатом столетии, пройдя уже так далеко по пути к нашим теперешним несчастьям, по крайней мере осознавали еще то, что потеряли — оборотную сторону индустриализации. Их религиозное почтение к «святому понеделнику» — тем самым, установление de facto пятидневной рабочей недели за 150-200 лет до ее официального признания — было настоящей головной болью для фабрикантов той поры. Очень долго пришлось приучать их к гудку — предшественнику будильника. Вплоть до того, что на одно или два поколения взрослых мужчин пришлось заменить на женщин, приученных подчиняться, и на детей, который можно было воспитать для фабричной работы. Даже эксплуатируемые крестьяне времен *ancient regime* выкраивали заметное время для себя из того, что шло на помещичью работу. Согласно Лафаргу, четверть календаря французских крестьян занимали воскресенья и праздники. По статистике Чаянова, в деревнях царской России — не то, чтобы очень прогрессивном обществе — крестьяне также отдыхали от четверти до одной пятой дней. При всем нашем управлении, нацеленном на производительность, мы очевидным образом далеко позади этих отсталых обществ. Эксплуатируемые мужики спросили ли бы, зачем мы вообще работаем? И мы должны задать тот же вопрос.

Однако, чтобы увидеть всю глубину нашего вырождения, давайте рассмотрим самое изначальное состояние человечества, то, когда мы бродили как охотники и собиратели, не зная ни собственности, ни правительств. Гоббс предполагал, что жизнь тогда была неприятна, жестока и коротка. Другие считают, что жизнь состояла в безнадежной и непрерывной борьбе за существование, войне с жестокой Природой, в которой несчастье и смерть поджидали каждого, кому не повезло, или кто оказался неспособен к борьбе за существование. В реальности, это была не более чем проекция собственного страха — страха остаться без власти правительства в обществе, которое не привыкло без нее обходиться, вроде Англии Гоббса во время гражданской войны. Соотечественники Гоббса тогда уже встречались с альтернативными способами организации общества, дающими другой образ жизни — в особенности в Северной Америке — но это явление оказалось уже слишком далеко за чертой привычного, и понято быть не могло. (Низшие слои общества, по условиям жизни более близкие к индейцам, понимали их лучше и зачастую находили их образ жизни привлекательным. В течение всего семнадцатого века, английские фермеры дезертировали и уходили к индейцам или, будучи захвачены в плен, отказывались возвращаться домой. Индейцы же уходили к белым поселенцам не чаще, чем немцы лезут через берлинскую стену с запада на восток.) Как показал анархист Кропоткин в своей книге «Взаимопомощь как фактор эволюции», версия дарвинизма, данная Томасом Гексли — «выживание сильнейших» — гораздо лучше описывает экономические условия викторианской Англии, чем естественный отбор. (Кропоткин был ученым — географом — и, будучи сослан в Сибирь, невольно получил отличные возможности для полевой работы; он знал, о чем говорил.) Как и большинство политических и социальных теорий, история, рассказываемая Гоббсом и его последователями — не более, чем завуалированная автобиография.

Антрополог Маршалл Салинс, исследуя данные о современных охотниках-собирателях, в своей статье «Первое общество изобилия» полностью разоблачил гоббсианский миф. Работают они гораздо меньше чем мы — а их работу гораздо труднее отличить от того, что

мы бы назвали игрой. По заключению Салинса, «охотники и собиратели работают меньше нас, поиск пищи вовсе не есть непрерывный труд, но занятие от раза к разу, досуг наличествует в изобилии, а количество часов сна в дневное время на человека в год превосходит все, что можно найти в любом другом общественном слое». Работали они в среднем четыре часа в день — если это вообще можно назвать «работой». «Труд» их, в наших терминах, был трудом квалифицированным, задействующим их физические и интеллектуальные способности; по словам Салинса, неквалифицированный труд в любом заметном объеме возможен только в индустриальном обществе. Тем самым этот труд подходил под определение игры, данное Фридрихом Шиллером — как единственного вида деятельности, в которой человек реализует себя полностью, включая обе стороны двойственной своей природы — и мысль, и чувство. В его формулировке, «животное работает тогда, когда основным стимулом для является недостаток, и оно играет тогда, когда главный стимул это избыток силы, когда жизнь, бьющая через край, сама побуждает действовать». (Современная — и сомнительным образом поданная как «модель развития» — версия того же самого сформулирована Абрахамом Маслоу в виде противопоставления мотиваций «нехватки» и «роста».) Во всем, что касается производства, игра и свобода занимают одно и то же место. Даже Маркс, попавший (несмотря на все благие намерения) в пантеон продуктивизма, замечал, что «царство свободы начинается только тогда, когда пройдена точка, после которой больше не требуется труд, вынуждаемый необходимостью или внешней полезностью». Он так никогда и не смог заставить себя признать эту счастливую грань тем, чем она на самом деле является, а именно, точкой упразднения труда — в конце концов, довольно странно выражать интересы рабочих и требовать упразднения работы. Но мы-то можем себе это позволить!

Желание вернуться к — или, наоборот, достигнуть — жизни, в которой работы нет, очевидно в любой серьезной книге по социальной или культурной истории пред-индустриальной Европы, такой, как «Англия в движении» М. Дороти Джордж или «Народная культура на заре современной Европы» Питера Берка. Также важно эссе Дэниела Белла «Работа и недовольство» — насколько я знаю, это первый текст, в котором явно упоминался «бунт против работы» и (будь он понят) важная поправка к тому безвольному впечатлению, которое обычно остается от содержащего его тома под названием «Конец идеологии». Ни поддерживающие, ни критикующие не заметили, что тезис Белла о «конце идеологии» значит не конец социальной нестабильности, а напротив, начало новой и непознанной ее фазы, не выраженной идеологически и никакой идеологией не сдерживаемой. Это не Белл, а Симор Липсет провозгласил (в то же самое время, в эссе «Человек политический»), что «фундаментальные проблемы индустриальной революции решены» — всего за несколько лет до того, как не то пост-, не то мета-индустриальное недовольство студентов вышвырнуло его из Беркли в относительное (и временное) спокойствие Гарварда.

Как отметил Белл, Адам Смит, в «Богатстве Наций», несмотря на весь свой энтузиазм по поводу рынка и разделения труда, видел неприглядные стороны работы гораздо лучше (и честнее), чем Айн Ранд, или чикагские экономисты, или другие его современные эпигоны. По наблюдению Смита, «представления большей части людей с необходимостью формируются привычным их окружением. Человек, чья жизнь занята выполнением нескольких простейших действий... не получает возможности утруждать свой ум... Как правило, он становится глупым и невежественным настолько, насколько возможно для человеческого

существа.» Вот все мои возражения против работы, в нескольких честных словах. В 1956 году, в Золотой Век эйзенхауеровского кретинизма и американского самодовольства, Белл выявил неорганизованное и неорганизуемое недомогание 70х и всех последующих лет — то, что описано в отчете HEW «Работа в Америке», то, которое ни одно политическое течение не смогло оседлать, то, которое нельзя использовать, и приходится потому игнорировать. Эта болезнь — неприятие работы. Ни в одном тексте ни одного рыночного экономиста — будь то Милтон Фридман, Мюррей Ротбард или Ричард Познер — она не встречается, потому что, как говорили в «Стар Треке», в их терминах проблема «невычислима».

Приведенные возражения против работы основаны на свободолюбии и могут показаться неубедительными для гуманистов прагматического или даже патерналистского склада — но есть и другие, от которых они отмахнуться не смогут. Заимствуя рекламный лозунг, можно сказать что «работа опасна для вашего здоровья». На самом деле, работа это просто массовое убийство и геноцид. Прямо или косвенно, работа рано или поздно убьет почти всех читающих эти строки. В этой стране, ежегодно на рабочем месте погибает от 14,000 до 25,000 человек. Более двух миллионов получают увечья. Причем эти цифры основаны на крайне консервативном определении увечья, связанного работой — поэтому они не учитывают ежегодные пол-миллиона случаев профессиональных заболеваний. Я взял в руки один из учебников по профессиональным заболеваниям — в нем было больше 1,000 страниц. И даже это едва задевает верхушку айсберга. Существующая статистика включает в себя только очевидные случаи — такие, как 100,000 горняков, страдающих черной болезнью легких, из которых каждый год 4,000 умирают — процент летальных исходов выше, чем у СПИДа, которому СМИ уделяют куда больше внимания. (Потому что втайне все думают, что СПИД поражает только извращенцев, которые могли бы и воздержаться, в то время как добыча угля — это нечто священное и общественно необходимое.) Но статистика не учитывает десятки миллионов людей, для которых работа означает сокращение продолжительности жизни — а ведь это и есть по определению человекоубийство. Подумайте о врачах, который дорабатываются до смерти, не дожив до 60летия. Подумайте о других работоголиках.

Если даже тебя не убьют и не изувечат непосредственно во время работы, это вполне может произойти, когда ты идешь на работу, когда ты возвращаешься с нее, ищешь ее, пытаешься про нее забыть. Подавляющее большинство погибших в автокатастрофах — это либо люди, занятые чем-то из вышеперечисленного, либо их жертвы. К этому расширенному списку убитых надо добавить пострадавших от индустриального загрязнения среды, а также от вызванного работой алкоголизма или наркомании. И рак, и сердечно-сосудистые заболевания в большинстве случаев можно доказуемо связать с работой, или косвенно, или прямо.

Итак, работа — это человекоубийство, институционализованное как образ жизни. Как все знают, кампучийцы сошли с ума и устроили автогеноцид. Но мы-то чем от них отличаемся? У режима Пол Пота хотя бы было видение справедливого, эгалитарного мира — пусть мутное. Мы убиваем людей в (по крайней мере) шестизначных количествах ради того, чтобы чтобы продавать выжившим «Биг-Маки» и «Кадиллаки». Наши сорок и пятьдесят тысяч ежегодно погибающих в автокатастрофах — мясо, не мученики. Они погибают ни за что. Вернее, за работу — но погибать за работу это все равно что погибать ни за что.

И факт, печальный для либералов — регулирующее вмешательство государства в этой борьбе не на жизнь, а на смерть совершенно бесполезно. ФАЗБ, Федеральная Администрация Здравоохранения и Безопасности на Рабочем Месте была создана, чтобы регулировать ключевую проблему — безопасность на рабочем месте. Но ФАЗБ была фарсом еще до того, как Рэйган придушил ее Верховным Судом. По старым (и щедрым на сегодняшний день) картеровским стандартам финансирования, каждый работник мог ожидать посещения от инспектора ФАЗБ один раз в 46 лет.

Государственное управление экономикой проблему тоже не решает. В странах государственного социализма работа, пожалуй, еще опаснее, чем у нас. При строительстве московского метро погибли и получили увечья тысячи русских рабочих. Ходят упорные слухи о замолчанных советских атомных катастрофах, по сравнению с которыми Таймс-Бич и Три-Майл Айленд выглядят, как учение по гражданской обороне в начальной школе. [Это написано за три года до Чернобыля.] С другой стороны, модная сейчас дерегуляция не поможет, а скорее всего, и повредит. С точки зрения здоровья и безопасности, работа выглядела хуже всего именно там, где условия максимально приближались к неуправляемому рыночному капитализму. Такие историки, как Юджин Дженовиз, убедительно показали, что — как и утверждали апологеты довоенного рабства — наемные рабочие на фабриках штатов американского Севера и Европы жили хуже, чем рабы на плантациях американского Юга. Похоже, что никакие перестановки и переупорядочивания бизнесменов и бюрократов ситуацию на собственно производстве не меняют никак. Серьезное проведение в жизнь даже тех туманных стандартов, за которыми в теории следит ФАЗБ, скорее всего намертво остановит всю экономику. По-видимому, следящие это осознают — по крайней мере, бороться с самыми злостными из нарушителей они даже и не пытаются.

Все сказанное до сих вообще не должно было бы быть спорным. Большинство работающих сыты работой по горло. Проценты прогулов, увольнений, мелкого воровства и саботажа, спонтанных забастовок и прочего надувательства на работе высоки и постоянно растут. Похоже, что есть и движение к осознанному отказу от работы, а не только инстинктивному ее неприятию. И тем не менее, общее мнение — тотальное среди работодателей и их агентов, и очень распространенное также среди работников — это что работа сама по себе неизбежна и необходима.

Я не согласен с этим. В настоящее время нам вполне по силам упразднить работу и заменить ее, во всех ее полезных аспектах, разнообразной свободной деятельностью нового типа. К упразднению работы надо идти с двух сторон — с качественной и с количественной. С одной стороны, количественной, следует решительно сократить объем выполняемой работы. В настоящий момент большая часть работы совершенно бесполезна, если не хуже, и от нее надо просто избавиться. С другой стороны — и в этом, я думаю, суть проблемы и революционно-новый подход — надо взять ту полезную работу, которая останется, и преобразовать ее в восхитительное разнообразие игр и ремесел — неотличимых от других видов приятного времяпрепровождения, но дающих в конце концов полезный продукт. Уж конечно это само по себе не сделает их менее приятными. После этого, можно будет полностью разрушить искусственные барьеры власти и собственности; созидание станет развлечением. И нам не надо будет больше друг друга бояться.

Я не думаю, что таким образом можно сохранить большую часть работы. Но большую часть работы и не следует сохранять. Лишь малая, постоянно уменьшающаяся часть работы служит какой-то полезной цели, чему-то кроме защиты и воспроизводства системы всеобщего труда с ее политическими и правоохранными придатками. Двадцать лет назад, по оценке Пола и Персиваля Гудманов, лишь пяти процентов всего затрачиваемого труда хватило бы, чтобы удовлетворить наши минимальные потребности в еде, жилье и одежде. Надо полагать, что если эта цифра точна, то сейчас она была бы еще меньше. Они дали только оценку — но сути это не меняет: прямо или косвенно, большая часть работы имеет цели непроизводительные — торговлю и управление обществом. Прямо так, сходу, можно освободить десятки миллионов продавцов, солдат, менеджеров, ментов, брокеров, священников, адвокатов, банкиров, учителей, охранников, квартирных хозяев, рекламных агентов, а также всех, кто работает на них. Это как лавина — каждый раз, когда от работы освобождаешь большого начальника, с ним освобождаются все его подчиненные и лакеи. Экономика схлопывается.

Сорок процентов рабочей силы — это «белые воротнички»; почти всем им достаются самые идиотские и скучные виды работы, какие только можно придумать. Целые области экономики — например, страховой и банковский секторы, а также торговля недвижимостью — целиком состоят из бессмысленного перекалывания бумаг. Не случайно то, что «третичный» сектор, сектор служащих, продолжает расти, в то время как «вторичный» сектор (промышленность) находится в застое, а «первичный» (сельское хозяйство) практически исчез. Поскольку работа нужна только тем, чью власть она поддерживает, работников, для поддержания общественного порядка, легко можно перемещать из относительно полезных областей в относительно бесполезные. Что угодно, лишь бы не вообще ничего. Вот почему когда ты раньше заканчиваешь, ты не можешь пойти домой. Им твое время нужно, столько, сколько нужно, чтобы тебя подчинить — хотя использовать его они по большей части не могут. Как иначе объяснить то, что за последние пятьдесят лет средняя продолжительность рабочей недели уменьшилась лишь на несколько минут?

Далее, переходим к расчленению собственно работы производительной. Отсекаем военную промышленность, атомную энергию, гамбургеры и прочую мусорную еду, интимные дезодоранты для дам — а прежде всего, автомобили. Изредка встречающийся «Форд-Т» или паровик Стэнли — с этим проблем нет; но автоэротизм, на котором вспухли такие язвы, как Детройт и Лос-Анджелес, отмечается без обсуждения. Даже не думая об этом, мы тем самым практически решаем проблему энергоресурсов, проблему окружающей среды, и все вытекающие из них социальные проблемы.

И наконец, мы должны искоренить самую распространенную профессию, с самым долгим рабочим днем, самой маленькой зарплатой, самыми неприятными порой обязанностями — работу домохозяйки: поддержание очага и уход за детьми. Упразднив наемный труд и добившись полной незанятости, мы подрываем основы полового разделения труда. Базовая семья, как мы ее знаем — это всего лишь неизбежное приложение к тому разделению труда, которого требует современная система работы по найму. Нравится вам это или нет, но последний век или два экономически разумно именно то, что мужчина зарабатывает на хлеб, женщина копается в дерьме, обеспечивая ему безопасное убежище в бессердечном мире, а дети строем идут в молодежные концентрационные лагеря, называемые «школами»

— в основном для того, чтобы не мешать маме, оставаясь тем не менее под контролем, но заодно и чтоб научиться пунктуальности и послушанию — качествам, необходимым для работника. Если хочешь избавиться от патриархата, прежде всего избавляйся от базовой семьи — потому что неоплачиваемая семейная «теневая работа», как назвал ее Иван Иллич, делает возможной работу оплачиваемую, а та, в свою очередь, заставляет вводить базовую семью. Вторая половина предлагаемого нулевого варианта — упразднение «детства» и уничтожение школ. В этой стране учащихся полный день больше, чем на полную ставку работающих. Наши дети нужны нам как учителя, не как ученики. Им есть что добавить в луддитскую революцию, просто потому, что они гораздо лучше взрослых умеют играть. Взрослые и дети это не одно и то же — но взаимозависимость делает их равными. Барьер между поколениями можно преодолеть, только играя.

Пока что я даже не упоминал о возможности на порядок сократить оставшуюся малую, но необходимую часть работы через автоматизацию и кибернетизацию. Ученые, инженеры и техники, которым больше не нужно будет отвлекаться на военные программы и заранее планировать технику так, чтоб она через два года морально устаревала, получают огромное удовольствие, разрабатывая способы уничтожить усталость, скуку, обезопасить такие виды деятельности, как горные разработки. И уж конечно они придумают массу других проектов, чтобы себя занять. Может быть, создадут всеобъемлющую всепланетную мультимедийную коммуникационную сеть. Может быть, построят колонии на других планетах. Может быть. Сам я не большой поклонник технических штук. Электрический рай с кнопками — не для меня. Я не хочу, чтобы за меня работали роботы; я все хочу делать сам. Мне кажется, что место в будущем для трудосберегающих технологий есть, но небольшое. Исторические и доисторические прецеденты говорят не в их пользу. Когда технология производства от охоты и собирательства развилась до сельского хозяйства, а затем до промышленности, количество работы возросло, а умений и самоопределения стало меньше. Дальнейшая индустриализация лишь подчеркивает то, что Гарри Браверман называл «деградацией труда». Думающие наблюдатели всегда это осознавали. Джон Стюарт Милль писал, что все трудосберегающие изобретения, когда-либо предложенные, так и не сберегли ни минуты труда. Карл Маркс писал, что «можно написать целую историю изобретений, сделанных, начиная с 1830х годов, исключительно для того, чтобы дать капиталу оружие борьбы с пролетариатом». Энтузиасты-технофилы — Сен-Симон, Конт, Ленин, Б. Ф. Скиннер — все были бессовестно авторитарны; все они были технократами. К обещаниям компьютерных мистиков надо подходить с большим скепсисом. В конце концов, сами они пашут, как волю — скорее всего, дай им волю, нам тоже житья не будет. Однако любые конкретные предложения — если человеку от них больше пользы, чем обычно бывает от продуктов хай-тека — все это обязательно надо выслушать.

Но чего я действительно хотел бы — это увидеть, как работа превратится в игру. Первый шаг в этом — отбросить понятия «профессии» и «рода занятий». Даже деятельность, не лишенная игрового содержания, напрочь теряет его, когда превращается в профессию — то, что определенные люди, и только они, обязаны делать в ущерб всему остальному. Не странно ли — современные крестьяне в поте лица, по принуждению трудятся на полях, а современные, защищенные кондиционерами помещики каждые выходные добровольно едут на дачу и копаются в огороде? Установив непрерывные выходные как образ жизни, мы получим такой Золотой Век дилетантизма, какой и не снился эпохе Возрождения.

Профессий больше не будет — только вещи, которые надо сделать, и люди, которые хотят их делать.

Как показал Шарль Фурье, ключ к тому, чтобы превратить работу в игру — это перераспределить необходимые виды деятельности так, чтобы максимально использовать то, что разные люди в разное время на самом деле хотят делать. Многие получают возможность заняться тем, что им нравится — стоит просто устранить те иррациональные искажения, которые введены в соответствующие виды деятельности из-за того, что их превратили в работу. Я, например, с удовольствием некоторое (не очень большое) время занимался бы преподаванием — но мне не нужны студенты, которых заставляют учиться, и я не хочу угождать жалким педантам в погоне за постоянной позицией.

Далее — есть вещи, которые люди хотели бы делать иногда, но не слишком долго, и уж точно не все время. Сидеть с детьми несколько часов в день может быть очень здорово, просто потому что с детьми интересно — но точно не столько времени, сколько делают это родители. Родители, с другой стороны, будут крайне признательны за то время, которое они получают для себя — хотя они будут волноваться, если забрать детей на слишком долгое время. Именно такие различия между людьми и делают возможной свободный, игровой образ жизни. Тот же принцип применим ко многим другим видам деятельности — в особенности к основным, базисным. Так, многие с удовольствием готовят в свободное время — но мало кому нравится поставлять топливо для идущих на работу человеческих тел.

Наконец — при прочих равных — вещи, которые неприятно делать одному, или в плохих условиях, или по приказу начальства, вполне могут стать хотя бы на какое-то время приятными, если эти обстоятельства изменить. Это скорее всего применимо, в какой-то мере, ко всей работе вообще. Люди тратят огромное количество не имеющей другого выхода сообразительности, чтобы по мере сил превратить в игру самые скучные и тупые виды работы. Деятельность, приятная одному, неприятна другому — но каждый имеет разнообразные интересы, и заинтересован в разнообразии. Как говорится, «один раз — все, что угодно». Фурье был настоящим мастером по тому, как самые извращенные и нестандартные вкусы обращать на пользу пост-цивилизovanному обществу — тому, что он называл «Гармонией». Он полагал, что с Нероном все было бы в порядке, если бы он в молодости насытил свою страсть к кровопролитию, поработав на бойне. Печально известную радость, с которой маленькие дети валяются в грязи, можно использовать, организовав их в «Маленькие Банды» по очистке туалетов и выносу мусора — с медалями для особо отличившихся. Я рекламирую не эти конкретные примеры, но сам принцип — который, я думаю, составляет важное направление глобального революционного переустройства. Надо помнить, что у нас нет задачи взять все имеющиеся сейчас виды работы и распределить ее по соответствующим людям — из которых некоторые должны были бы быть воистину извращенцами. Если во всем этом и есть место для технологии, то оно скорее не в том, чтобы автоматизировать работу до полного ее уничтожения, но в том, чтобы открыть новые области для созидания и игры. В некотором смысле, хотелось бы вернуться к ремеслам — то, что Вильям Моррис полагал полезным и желательным результатом коммунистической революции. Искусство мы отберем у снобов и коллекционеров, уничтожим как специализированную фабрику для развлечения элит, и вернем спрятанную в нем красоту и творчество в целостную, единую жизнь — из которой

работа их выкрала. Очень полезно помнить, что греческие амфоры, о которых мы пишем оды и которые храним в музеях, в свое время использовались, чтобы возить масло. Мне не кажется, что объекты нашего сегодня¹⁴ шего быта ждет в будущем такое же обожание — если это будущее вообще будет. Суть в том, что в мире работы такой вещи, как прогресс, просто нет; если что-нибудь есть, то ровно обратное. Не надо стесняться красть у древних то, что у них было — от них не убудет, а мы станем богаче.

Переоткрыть повседневную жизнь — это значит выйти за рамки имеющихся у нас карт. Конечно, и это правда, уже написано гораздо больше спекулятивных утопий, чем полагает средний человек. Кроме Фурье и Морриса — и Маркса, намеками в основном тексте — есть сочинения Кропоткина, синдикалистов Пато и Пуже, старых (Беркман) и новых (Бутчин) анархо-коммунистов. «Communitas» братьев Гудманов — образцовое описание того, как формы вытекают из функций (целей); кое-что можно почерпнуть у провозвестников, обычно туманных, альтернативной/аппроприирующей/промежуточной/содружественной технологии, таких, как Шумахер и в особенности Иллич — если сначала отключить их туманогенерирующие агрегаты. Ситуационисты — конкретно, «Революция повседневной жизни» Ваннейгема и «Антология Ситуационистского Интернационала», — излагают свои мысли с восхитительно безжалостной ясностью — пусть даже они так и не смогли толком согласовать свою схему рабочих советов с упразднением работы. Все же, лучше уж их несоответствия, чем любая из существующих ныне версий левачества — все адепты которого проповедуют труд, ибо, не будь труда, не будет и трудящихся, а кого тогда организовывать левакам?

Итак, в конечном счете аболиционисты — сторонники полного упразднения труда — остаются без ориентиров. Никому не под силу предсказать, что выйдет из той творческой бури, которую высвободит уничтожение труда. Все, что угодно. Надоевший всем спорный пункт о свободе/необходимости, с его теологическими коннотациями, на практике разрешит сам себя, как только производство «полезного продукта» совместится с потреблением «игровой деятельности».

Жизнь станет игрой — вернее, многими играми одновременно — но ни одна из них не будет безвыигрышной. Образец производящей игры — оптимальный сексуальный контакт. Участники обуславливают удовольствие друг для друга, счета никто не ведет, и выигрывают все. Чем больше даешь, тем больше получаешь. В луддитском мире, лучшее в сексе проникнет в поры повседневной жизни. Обобщенная игра приводит к эротизации жизни. Собственно секс при этом становится менее надрывным и срочным, более игровым. Если играть правильно, все мы получим от жизни больше, чем дали — но только если играть на выигрыш.

Никто и никогда не должен работать. Пролетарии всех стран,... расслабьтесь!

II. Первобытное изобилие: постскриптум к Салинсу

"Первобытное богатое общество" Маршалла Салинса - это эссе с глубокой проработкой, убедительная сила которого во многом обусловлена двумя примерами: австралийскими аборигенами и бушменами Кунга. Австралийский пример, который здесь не приводится, почерпнут из различных письменных источников XIX и XX веков. Данные о бушменах - или сан, как они себя называют, - были получены в результате полевых работ, проведенных в начале 1960-х годов антропологом Ричардом Боршаем Ли. Впоследствии Ли опубликовал полную монографию о работе в группе кунг-сан, в которой он дополняет, пересчитывает и объясняет статистику, на которую опирается Салинс. В конечном счете, доказательства подтверждают тезис об изобилии сильнее, чем когда-либо, и включают пару сюрпризов.

"Зачем нам сажать растения, - спрашивает информатор Ли, - если в мире так много монгонго?" Действительно, зачем? Изначально Ли изучал эквивалент того, что в индустриальном обществе принято считать работой - охоту и собирательство в их случае, наемный труд в нашем. Именно это сравнение привел Салинс. В пересчете на наш стандартный восьмичасовой рабочий день взрослый сан работает от 2,2 до 2,4 часа в день - гораздо меньше предварительной цифры в четыре часа, на которую ссылается Салинс. Не то чтобы сан работали семь или даже пять дней в неделю при таких смехотворно низких уровнях труда, ведь они проводят "менее половины дня в пропитании и пользуются большим количеством свободного времени, чем члены многих сельскохозяйственных и промышленных обществ". Для многих Ли мог бы лучше сказать "любых". Чаще всего кунг-сан навещает друзей и родственников в других лагерях или принимает их в своем собственном.

Вернувшись на место, Ли расширил свое определение работы, включив в него все "виды деятельности, способствующие непосредственному получению пищи, воды или материалов из окружающей среды", добавив к натуральному хозяйству изготовление и починку инструментов и работу по дому (в основном приготовление пищи). Эти виды деятельности не так сильно увеличивали нагрузку на сан, как их эквиваленты в обществе нашего типа увеличивают нашу - относительно этого мы еще больше отстаем. Изготовление и обслуживание инструментов занимает 64 минуты в день у мужчин и 45 минут у женщин. "Домашняя работа" для сан означает в основном раскалывание орехов, плюс приготовление пищи - большинство взрослых обоих полов и старшие дети сами раскалывают орехи монгонго, и это единственный вид деятельности, где женщины работают больше, чем мужчины: 2,2 часа в день у мужчин и 3,2 часа у женщин. Эти цифры также не искажены неучтенным детским трудом. Примерно до пятнадцати лет дети Сан практически не работают, а если они женского пола, то продолжают мало работать до замужества, которое может состояться несколько лет спустя. Наши подростки работают в "Макдоналдсе" еще

больше, не говоря уже о том, что женщины и дети составляли рабочую силу во время жестокого начала индустриализации в Британии и Америке.

Часто утверждается, что в большинстве обществ женщины работают больше, чем мужчины, и это, вероятно, в целом верно. Вполне возможно, что во всех известных обществах женщины обладают меньшей политической властью, чем мужчины, и обычно вообще не имеют ее. Поэтому продуманный стратегический феминизм должен привести к анархизму, а не к фантазиям о матриархальном переворачивании стола; и к упразднению работы, а не к крикам о равной оплате за равный труд. Единственный математически достоверный способ уравнивать в гендерном отношении правительство и работу - это избавиться от них обоих. Мужчины выполняют на треть больше работы по добыванию средств к существованию, чем женщины, хотя они обеспечивают лишь 40 % калорийности рациона. Если брать полный подсчет работы, как ее расширительно определяет Ли, то средняя рабочая неделя составляет 44,5 часа для мужчин и 40,1 часа для женщин.

Первоначальные цифры Ли, на которые опирался Салинс, были достаточно поразительными, но более поздние данные повышают их ценность, позволяя сравнивать домашний труд и труд, связанный с существованием. В нашем мире труда есть грязный секрет: оплачиваемый труд опирается на неременную опору в виде неоплачиваемой "теневой работы". Тяжелый труд домохозяек по уборке, приготовлению пищи, покупке продуктов, уходу за детьми - столько неоплачиваемой рутины, буквально неучтенной в статистике труда. У нас, как и у сан, такая работа обычно является женской, причем в гораздо большей степени у нас. Сколько мужей выполняют хотя бы два часа работы по дому в день? А сколько жен, как и их коллеги из племени сан, выполняют менее трех? В обществе сан также не наблюдается такого печального явления, когда большинство замужних женщин работают за зарплату или жалованье в дополнение к домашней работе, которую они всегда выполняли, и при уровне оплаты, который все еще отражает гендерное неравенство.

Более поздние данные Ли подкрепляют тезис о недостатке и другими способами - например, калорийность рациона, ранее недооцененная, повышается до более чем достаточного уровня. Излишки откладываются в виде жира на случай нехватки, скормливаются собакам или расходуются на поддержание усилий людей во время ночных трансовых танцев-исцелений, происходящих от одного до четырех раз в месяц. Несмотря на ошеломляющее разнообразие растительных и животных источников в их рационе, сан не едят многих продуктов, которые другие народы считают съедобными. Их труд приносит им столько потребительских товаров, что сан как общество может осуществлять потребительский выбор. Отнесение таких обществ к категории "натуральное хозяйство" - это не только глупая фразеология (какая экономика не является натуральной?), как утверждает Пьер Кластр, но и негативное оценочное суждение под видом констатации факта.

Подразумевается, что эти общества не смогли стать другими, кроме тех, кем они являются, как будто немыслимо, чтобы кто-то предпочел неспешную жизнь, лишенную начальников, священников, принцев и нищих. У сан есть выбор. В 1960-1970-х годах, на фоне обострения политической ситуации в Ботсване и соседней Намибии, многие сан отказались от кормодобычи в пользу работы у скотоводов-банту или южноафриканских фермеров. Все это время они могли, но не хотели работать за зарплату.

Как замечает Иван Иллич, "экономисты понимают в работе примерно столько же, сколько алхимики в золоте". Выдвигая в качестве фатальных проблем бесконечные желания и конечные (скудные) ресурсы, они возводят мрачную науку на аксиомах, которые каждый здравомыслящий человек отвергает с порога. Своим образом жизни охотники-собиратели опровергают гоббсовскую мистификацию. Ресурсов много, и сан потребляют их с жадностью, но поскольку они рациональные гедонисты, а не аскетичные безумцы, сан находят удовлетворение в сытости: они достаточно потрудились, если всем хватает. Для экономистов и их приверженцев такие кормильцы настолько возмутительны, что вызывают приступы предрассудков на кафедре, в частности, у либертарианского экономиста Мюррея Ротбарда и, во враждебной рецензии на мою книгу об отмене труда, у Дэвида Рэмси Стила. Liberty (как она себя называет) удалила 90 % моей реплики Стилу. Позвольте мне в отместку процитировать его, цитируя только себя:

Стил с непреднамеренным юмором объясняет, почему охотники-собиратели большую часть времени бездельничают: "Если у вас есть одна туша животного, чтобы продержаться ближайшую неделю или две, то добывать другую - пустая трата сил, а что еще остается делать, кроме как обмениваться историями? Бедные дьяволы слишком богаты, чтобы работать. Жестоко лишенные возможности накапливать капитал, что еще остается делать несчастным дикарям, кроме как творить, разговаривать, танцевать, петь, пировать и трахаться? (Liberty, май 1989)

За крикливым этноцентризмом Стила скрывается страх перед дикостью и дикими землями, тоскливый страх перед зовом леса, страх перед самой свободой. Такие земледельцы, как сан и австралийцы, - не единственные процветающие примитивы с достаточным досугом. Садоводы, практикующие сменную обработку земли ("slash and bum"), работают гораздо меньше, чем мы, современные люди. На Филиппинах садоводы хануноо ежегодно посвящают от 500 до 1000 часов жизнедеятельности, которая обеспечивает существование одного взрослого человека. Если брать более высокую цифру, то это составляет менее 2 часов 45 минут в день. Садоводство, дополненное охотой и собирательством, было способом производства большинства индейцев в восточной части Северной Америки, когда туда прибыли европейцы. Столкновение культур рассматривается с разных точек зрения, но не так настойчиво, как следовало бы, как столкновение миров труда. Индейцы не жили по принципу "от руки до рта", а производили излишки - если бы они этого не делали, поселенцы голодали бы в Джеймстауне и Плимуте.

Впечатление, которое индейцы произвели на ранних английских наблюдателей, таких как капитан Джон Смит, заключалось в том, что их жизнь была раем, в котором не было ничего, кроме трудового изобилия. Он считал, что поселенцы могли бы наслаждаться трехдневной рабочей неделей с "красивым спортом" - рыбалкой. В 1643 году магистраты Массачусетского залива получили представление от двух сакхемов Род-Айленда. "Давая им понять, на каких условиях они должны быть приняты нами", как выразился губернатор Джон Уинтроп, индейцам было сказано: "Не делать никакой ненужной работы в День Господень в пределах ворот соответствующих городов". Не стоит беспокоиться, ответили сакхемы: "Для нас отдых в этот день - дело небольшое, ведь у нас нет особых дел в любой день, и поэтому в этот день мы воздержимся". По словам одного из колонистов Роанока, чтобы накормить одного виргинского индейца достаточным количеством кукурузы на год, требовалось ежегодно

работать 24 часа. (Morgan 1975) Конечно, индейцы ели не только кукурузу; индейцы Новой Англии наслаждались обильной и разнообразной "диетой для превосходного здоровья", более питательной и менее однообразной, чем та, что стала стандартной пищей, скажем, в глубинке Юга или в более поздних промышленных домах.

"Чем бы еще ни была ранняя Америка, - согласно последним исследованиям, - это был мир труда". Индейская Америка была чем-то иным, что заметил не только колонист из Роанока. Неудивительно, что он и другие, очевидно, стали туземцами, покинув самое раннее английское поселение, оставив лишь вырезанное на дереве послание о том, что они ушли "в Кроатан". Эти первые перебежчики от цивилизованного труда к варварской легкости не были последними. На протяжении всего колониального периода сотни евроамериканских земледельцев присоединялись к индейцам или, попав в плен на войне, отказывались возвращаться, когда наступал мир. Женщины и дети чаще других переходили на индейский образ жизни, с готовностью отказываясь от своей ограничивающей роли в белом обществе, но взрослые мужчины также искали признания среди язычников. Несомненно, работа была главным мотивом их выбора. В Джеймстауне Джон Смит ввел режим трудовой дисциплины, настолько суровый, что он приближался к условиям концлагеря. В 1613 году некоторые англичане были "повешены, некоторые сожжены, некоторые разбиты на колесах, другие посажены на кол, а некоторые заколоты до смерти". Их преступление? Историк утверждает, что все они "убежали жить к индейцам и были пойманы".

Антропология труда не предполагает уменьшения количества или увеличения качества труда в обществах повышенной сложности. Тенденция скорее обратная. Охота для мужчин индейцев Вирджинии, как и для их коллег из племени сан, была скорее "спортом", чем работой, но их жены, похоже, работали больше, чем женщины сан, если и меньше, чем их белые современницы. С другой стороны, садовники работают, возможно, даже меньше, чем сан, но некоторые виды работ, такие как прополка и расчистка новых полей, более тяжелы. Однако переломным моментом является наступление цивилизации с ее правительством, городами и классовым делением. Крестьяне работают больше, потому что вынуждены: им приходится платить ренту, налоги и десятину. Позже рабочий класс платит все это плюс прибыль, которая достается работодателям, чьи интересы заключаются в продлении и интенсификации труда. По словам театра Firesign, "тяжелая работа для всех, и ее больше". Подумайте, сколько недель приходилось работать англичанину на протяжении веков: в 1495 году - 10, в 1564 - 20, в 1684 - 48, а в 1726 - 52.36 С прогрессом труд только усугубляется.

Так было и с американским рабочим. В XVIII веке наметилась общая тенденция к тому, что труд, как рабов, так и свободных, ранее сезонный, стал постоянным. Технический прогресс, как обычно, усугубил ситуацию. Моряки, например, были своего рода авангардом наемного труда. В XVIII веке размеры кораблей и их грузоподъемность значительно увеличились, и работа стала тяжелее, а также труднее. Моряки ответили на это коллективными действиями, включая забастовки - они придумали это слово, они били по парусам, устраивали мятежи и, наконец, пиратство - захват рабочего места. Пираты упрощали иерархию управления, избирали капитанов, заменяли заработную плату совместным владением и разделением рисков, а также значительно сокращали продолжительность рабочего дня, поскольку экипаж пиратского корабля был в пять раз больше, чем у торговых

судов, на которые они охотились. Отвращение к работе было главной мотивацией. Для одного пирата "любовь к выпивке и ленивой жизни" были "более сильными мотивами, чем золото". Адмирал, устроивший нескольких подозреваемых в пиратстве на службу на свой военный корабль, думал перевоспитать их, "научить их... работать", что "они и сделали". ...работать", от чего "они превращались в мошенников, чтобы избежать этого". Губернатор Багамских островов сказал, что "работу они смертельно ненавидят", а другой житель этих островов согласился с ним: "Работа с ними не согласна".

Само собой разумеется, что следующий виток колеса - индустриализация - сделал работу еще более монотонной, чем та, которую рабочие как класс когда-либо выдерживали раньше. В промышленной армии не было добровольцев. Первые американские фабриканты в большинстве случаев даже не были формально свободными: это были женщины и дети, которых посылали на работу их законные начальники, мужья и отцы. Фабрики Севера, как и плантации Юга, опирались, так сказать, на подневольный труд. На некоторое время, гораздо позже, продолжительность рабочего дня все же сократилась, поскольку организованные рабочие и различные реформаторы сделали сокращение рабочего дня частью своей программы. Восьмичасовой день, которым мы официально наслаждаемся, - это дело, за которое анархисты из Хеймаркета в 1886 году заплатили своей жизнью. Но новая сделка по установлению сорокачасовой недели забрала предложения тогдашнего сенатора Хьюго Блэка (впоследствии судьи Верховного суда) о тридцатичасовой неделе, и профсоюзы исключили сокращение рабочего дня из своих списков желаний. В последние годы рабочие исключили профсоюз из своего списка желаний. Все, что повторяется, то вновь и вновь повторяется. Рабочие часы не только не уменьшились, но, несмотря на весь технологический прогресс последних полувеков, количество лет нашей жизни, посвященных работе, фактически увеличилось. Причина в том, что все больше людей доживают до пенсионного возраста, а значит, система получает от нас больше лет работы: средний американский мужчина работает на восемь лет больше, чем его коллега в 1900 году. В XVIII веке рабочий заканчивал свои дни, если доживал, в богадельне; 44 в XX веке - если доживает, то в доме престарелых, одинокий и замученный медицинскими технологиями. Прогресс.

Я приберег самое худшее напоследок: работу женщин. Современные работающие женщины (большинство женщин сейчас работают вне дома, как наемные работники) работают еще больше, чем когда-либо. Они по-прежнему выполняют большую часть домашней работы, которую они выполняли со времен индустриализации, и, кроме того, они выполняют наемную работу. Их активное включение в состав рабочей силы (они работали все это время, но неоплачиваемый труд, как ни странно, не считается за работу) за последние двадцать лет значительно увеличило их общий труд и, как следствие, общий труд в целом (поскольку никто не считает, что мужчины работают меньше). Даже если бы дискриминация по половому признаку была полностью искоренена, что далеко не факт, что произойдет, уравненные женщины-работницы все равно будут нести неравный груз того, что Иллих называет "теневым трудом", "неоплачиваемым трудом потребителя, который добавляет к товару дополнительную стоимость, необходимую для того, чтобы сделать этот товар полезным для самой потребляющей единицы". Законы о гражданских правах не могут проникнуть в домашнее хозяйство. История труда, если в ней есть хоть какая-то развивающаяся логика, - это история все большего навязывания женщинам изнурительного

труда. Любой феминизм, который не является непримиримым антирабочим, является фальшивым.

Мир цивилизации, мир истории - это прежде всего, объективно и субъективно, мир труда. Присяжные вынесли вердикт рабочим о том, что значит для них работа, субъективно: она причиняет боль и они ее ненавидят. Объективно же она становится только хуже с точки зрения тех способов, которыми ее можно было бы вообразить. С конца девятнадцатого века большинство видов труда были "де-квалифицированы", стандартизированы, идиотизированы, фрагментированы, изолированы, охраняемы и защищены от пиратской экспроприации. Чтобы захватить и удержать хотя бы одно рабочее место, рабочим придется экспроприировать их все.

Даже тяжелая работа может быть проще и легче, чем та, которую большинство из нас выполняют по приказу. Например, в Либерии племя кпелле выращивает рис, что по любому определению является тяжелым трудом. Но эти "неолитические фермеры" выполняют свою работу так, как организаторы нашей работы не могут или даже не хотят рассматривать. Lii-nee', "радость", аксиоматично сопровождает любую работу кпелле, иначе они не будут ее делать. Работа ведется группами под аккомпанемент музыкантов, чьи ритмы повторяют удары мотыг и мачете. Время от времени женщина бросает мотыгу и танцует, чтобы развлечь своих товарищей и расслабить мышцы, которые болят от постоянных движений. В конце дня рабочие пьют пальмовое вино, поют и танцуют вместе. Если это и не оригинальное общество изобилия Салинса, оно все же лучше нашего якобы изобильного общества в плане работы. Антрополог добавляет, что правительство заставляет кпелле перейти от сухого рисоводства к мокрому (орошаемому), поскольку оно более продуктивно. Они отказываются, но не из-за присущего им консерватизма: они приняли совет тех же экспертов выращивать какао в качестве товарной культуры. Дело в том, что "выращивание риса в падди будет простой работой без жизненно важной добавки в виде сплетен, пения и танцев" - следов игры, которые были практически вымыты из большинства модернизированных работ.

Когда закончились 80-е и начались 90-е годы, продолжительность рабочего дня в Америке, где миллионы людей остались без работы, увеличилась. Уровень жизни новой семьи с двумя доходами ниже, чем у семьи с одним доходом 1950-х годов. Домашние работы вряд ли уменьшились благодаря технологиям XX века. По данным хронометражных исследований, в 1912 году домашняя работа занимала 56 часов в неделю, в 1918 году - 60, а в 1925 году - 61. В 1931 году домохозяйки с высшим образованием в крупных городах работали 48 часов в неделю, но к 1965 году средний показатель для всех домохозяек составил 54 часа, причем женщины с высшим образованием тратили на работу на 19 минут в день больше, чем те, у кого было среднее образование. К 1977 году жены, не имеющие работы по найму, работали 50 часов в неделю, а те, кто имел работу, - 35 часов, не считая работы за зарплату, которая составляет 75 часов, "что в сумме дает рабочую неделю, с которой не могут сравниться даже потогонные цеха".

Первобытная продуктивная жизнь не была ни мерзкой, ни жестокой, ни даже обязательно короткой. Значительная часть мужчин и женщин племени сан доживает до шестидесяти лет; структура населения ближе к структуре населения Соединенных Штатов, чем к

типичной стране третьего мира. У нас сердечные заболевания - главная причина смерти, а стресс, основной фактор риска, тесно связан с удовлетворенностью работой. Наши источники стресса вряд ли существовали у охотников-собирателей. (Рак, второй по величине убийца, конечно же, является следствием индустриализации). "Условия труда" охотников могут быть опасными, но цивилизованный труд даже здесь не демонстрирует явного превосходства, особенно если вспомнить, что многие из 2,5 миллионов смертельных случаев в американском автотранспорте на сегодняшний день связаны с одним или несколькими участниками оплачиваемой работы (полицейские, таксисты, бригадиры и т. д.) или теневой работы, такой как поездки на работу и шопинг.

Салинс уже отмечал более высокое "качество трудовой жизни", которым пользуются примитивные производители, если воспользоваться фразой псевдогуманистических экспертов по редизайну и улучшению рабочих мест. Помимо более короткого рабочего дня, "гибкого графика" и более надежной "страховочной сетки", обеспечиваемой совместным питанием, работа форестеров приносит больше удовлетворения, чем большинство современных работ. Мы просыпаемся по будильнику, а они много спят, днем и ночью. Мы ведем сидячий образ жизни в своих зданиях, в своих загрязненных городах; они же передвигаются, дыша свежим воздухом открытой местности. У нас есть начальники, у них - компаньоны. Наша работа обычно связана с одним или максимум несколькими узкоспециализированными навыками, если таковые вообще имеются; их работа сочетает в себе ручной и мозговой труд в разнообразных видах деятельности, именно так, как призывали великие утописты. Наши "поездки на работу" - это мертвое время, да еще и неоплачиваемое; они даже не могут покинуть кемпинг, не "прочитав" местность потенциально продуктивным способом. На наших детей распространяются законы об обязательном посещении школы; их отпрыски без присмотра играют во взрослые развлечения, пока почти незаметно не займут их место. Они - создатели и мастера своих простых, но эффективных наборов инструментов; мы работаем на свои машины, и скоро это не будет метафорой, как утверждает эксперт из Национального управления по авиации и исследованию космического пространства: "В целом роботы будут работать на людей, но могут быть и исключения, когда некоторые роботы будут стоять выше в иерархии, чем некоторые люди". Последнее слово в равных возможностях трудоустройства.

III. Разрази меня гром!

(Молния в дымовой трубе)

Боб Блэк - революционер, - ухмыляется Дэвид Рэмси Стил, - "как Джин Аври был ковбоем". ("The Abolition of Breathing", Liberty, March 1989) Марксист, ставший либертарианцем, Стил недоволен тем, что для меня его движение вперед - это просто хождение по кругу. Это самая длинная и суровая рецензия Стила на книгу "Отмена работы и другие очерки", и хотя ни один из пунктов моей дискредитации не является для него слишком малозначительным, моя критика работы - главная мишень. Стил пытается не просто опровергнуть меня, но и выставить меня феерическим клоуном, по очереди инфантильным и злобным (для Стила это, вероятно, синонимы). "Я шучу и серьезен", - цитирует он меня в начале статьи, но если я иногда успешно шучу, то я серьезен только "в том смысле, в каком ребенок, выпрашивающий еще конфет". Поскольку я изучал немецкий язык в колледже, так получилось, что я знаю, что "Ницше" не рифмуется с "персиком" (Nietzsche - pitchy). Уверен, что Рэй Дэвис из группы The Kinks, соратник Стила по Британии, тоже прекрасно знал, что "регата" не рифмуется с "to get at her", даже в кокни. Мы, поэты, растягиваем язык, но не так, как Стил, правда всерьез". Стил хочет отправить меня обратно в каменный век, как раз туда, где мои идеи (предупреждает он) приведут к гибели горстку людей, которые смогут пережить отмену работы.

На самом деле я, как обвиняемый, и шутлив, и серьезен. Поскольку он не является ни тем, ни другим, Стилу не суждено понять меня. Метафора, ирония и абсурд играют - я имею в виду, именно играют - роль в моих высказываниях, которые для Стила в лучшем случае являются поводом для недоумения, в худшем - поводом для клеветы. Я пишу более чем в одном смысле, и меня следует читать более развернуто. Моя книга стереоскопична. Стил жалуется, что мне не удалось привести "последовательные доводы в пользу каких-то изменений в управлении обществом". Но я не приводил (как он предполагает) бессвязные доводы в пользу того, чего хочет он - новых хозяев, - я приводил последовательные доводы в пользу того, чего хочу я, - общества, которым вообще не "управляют".

Когда либертарианец, обычно превозносящий добродетель эгоизма, называет меня "самодуром", он показывает, что готов пожертвовать второстепенными ценностями, если потребуется, чтобы противостоять угрозе фундаментального масштаба. В эмоциональном плане этот отзыв эквивалентен сирене воздушной тревоги. Не принимайте (повторяю), не принимайте всерьез этого "полуобразованного" гопника!

Стил безумно мечется между обвинением меня в снобизме и, когда он называет меня полуобразованным, проявляет его сам. Если с тремя академическими степенями я полуобразованный, то сколько их у Стила? Шесть? Да какая разница? Большую часть того, что я пишу, я никогда не изучал в школе, и уж точно не в австрийской школе. Стил говорит,

что я "не разбираюсь в экономике", забываю о внешней стороне своей точки зрения и (если все пойдет хорошо) о мрачной науке дефицита. Я никогда не погружаюсь в этот малярийный бассейн, ни на какую глубину - я его осушаю. Я не играю в капиталистическую игру Стила, я предлагаю новую игру. Я не плохой экономист, ибо я вообще не экономист. Свобода заканчивается там, где начинается экономика. Человеческая жизнь изначально была доэкономической; я попытался выяснить, может ли она стать постэкономической, то есть свободной. Самым большим препятствием, как мне кажется - и Стил никогда с этим открыто не соглашается, - является институт труда, особенно, как мне кажется, в его индустриальном варианте. Как и большинство либертарианцев, Стил настолько предпочитает индустрию свободе, что даже постановка проблемы труда как проблемы свободы повергает его в ужас.

Должно быть, много труда ушло на единственную серьезную критику Стила, которая не зависит от прежней веры в экономику свободного времени, - попытку представить мои определения работы и игры как путанные и противоречивые. Он цитирует мою книгу (стр. 18-19) следующим образом:

Работа - это производство, навязанное экономическими или политическими средствами, пряником или кнутом... Работа никогда не делается ради нее самой, она делается ради какого-то продукта или результата, который рабочий (или, чаще, кто-то другой) получает от нее".

Стил комментирует: "Сначала кажется, что это говорит о том, что работа - это работа, если вы делаете ее потому, что должны, или потому, что вам за нее заплатят. Затем кажется, что это говорит о другом: что работа - это работа, если вы делаете ее ради ожидаемой цели". Первое предложение приблизительно точно, второе - нет. Все действия человека целенаправленны, с чем первым согласится наш австрийский школьный учитель, то есть все действия человека направлены на достижение цели - работа, игра, все. У игры тоже есть "ожидаемая цель", но не такая, как у работы. Цель игры - процесс, цель работы - продукт (в широком смысле).

Работа, в отличие от игры, совершается не ради внутреннего удовлетворения от деятельности, а ради чего-то отдельного, что может быть получением зарплаты или просто отсутствием порки сегодня вечером. Предполагаемая цель игры - удовольствие от действия. Стил, а не я, сбивает с толку, когда он придает моим определениям блеск, чтобы разрушить те самые различия, которые я намеревался с их помощью провести.

В другом месте этого небольшого эссе я предлагаю сокращенное определение работы как "принудительного труда", дымовых труб как "принудительного производства". Предсказуемо, что такой либертарианец, как Стил, утверждает, что экономический пряник не является принудительным, как и политический кнут. Я не стал спорить против этого необоснованного мнения, потому что его придерживаются только либертарианцы и экономисты, а их просто недостаточно, чтобы загромаждать величественную широту и размах моего аргумента большим количеством отступлений. Стил, как я заметил, тоже не спорит на эту тему. Все это доказывает, что я не либертарианец, а это лишний труд, поскольку я ясно даю это понять в другом эссе книги, "Либертарианец как консерватор". В

этом вопросе Аристотель, философ, которым восхищаются либертарианцы, на моей стороне. Он утверждает, что "жизнь, связанная с зарабатыванием денег", "ведется по принуждению". (Nie. Eth. 1096a5) Верь в это, чувак. Но даже если мы с Ари ошибаемся, мы не запутались и не заблуждаемся. В моих определениях нет ничего противоречивого или непоследовательного, и они не противоречат обычному употреблению. Либертарианец или любой другой человек, который не может понять, что я говорю, либо прикидывается дурачком, либо действительно таковым является. Люди, которые, возможно, даже наполовину не образованы, понимают, что я говорю о работе. Когда мое эссе было опубликовано в первый раз, в виде брошюры, печатник (босс) сообщил, что "стало тихо", когда он отнес рукопись в заднюю комнату; он также подумал, что рабочие унесли несколько лишних экземпляров для себя. Лишь у невоспитанных интеллектуалов возникают проблемы с пониманием того, что не так с работой.

Работа по определению продуктивна и по определению обязательна (в моем понимании, которое охватывает труд, без которого человек лишен средств к выживанию, в нашем обществе чаще всего, но не всегда, наемный труд). Игра по определению приносит внутреннее удовлетворение и по определению является добровольной. Игра не является по определению ни продуктивной, ни непродуктивной, хотя она была ошибочно определена Хьюзингой и де Ковенсом, среди прочих, как обязательно несущественная. Это не обязательно так. Имеет ли игра последствия (то, что продолжается после окончания игры), зависит от того, что поставлено на карту. Перестает ли покер быть игрой, если вы ставите на исход? Может быть, да, но может быть, и нет.

Я предлагаю объединить лучшую часть (фактически, единственную хорошую часть) работы - производство потребительских ценностей - с лучшей частью игры, которая, как я понимаю, представляет собой все аспекты игры, ее свободу и удовольствие, ее добровольность и внутреннее удовлетворение, избавленные от кальвинистских коннотаций легкомыслия и "потакания себе", которые мастера работы, поддержанные Йоханом Хьюзингой и Дэвидом Рэмси Стилом, старались придать свободной игре. Неужели это так трудно понять? Если продуктивная дымящаяся игра возможна, то возможна и отмена работы.

Будучи вполне образованным человеком, Стил, тем не менее, не понимает моих дискурсивных определений работы. Я не объективист, который определяет свои термины; я даю определения только как начальные шаги, как приближения, которые должны быть обогащены и уточнены иллюстрациями и разработками. Работа - это производство, вызванное внешними побуждениями, такими как деньги или насилие. Независимо от того, имеют ли мои несколько формулировок один и тот же смысл (значение), они имеют, в терминологии Фреге, одну и ту же референцию, они обозначают одно и то же явление. (В конце концов, я взял в руки книгу, чтобы учиться).

По мнению Стила, то, что я называю отказом от работы, - это всего лишь "авангардное обогащение". Я не проявляю "никакого интереса к этой теории", потому что она не имеет для меня никакого значения (я знаком с ней настолько, насколько мне это нужно).

"Обогащение рабочих мест" - это консервативная реформа сверху донизу, с помощью которой работодатели улучшают рабочие места, чтобы они казались более интересными, не

отказываясь от контроля над ними и тем более не подменяя их. Работа, любая работа - исключительное производственное задание - это, как ясно показывает "Отмена", отягчающее условие труда; почти всегда она подавляет плюрализм наших потенциальных способностей. Даже занятия с некоторым внутренним удовлетворением, как свободно выбранное времяпрепровождение, утрачивают свою забавность, когда превращаются в работу, в контролируемое, ограниченное по времени, эксклюзивное занятие, выполняемое в обмен на деньги, которых хватает на жизнь. Работа - это худший вид труда, и первый, который должен быть уничтожен. Для меня литература по обогащению труда значима только в одном смысле: она доказывает, что работники в достаточной степени настроены против работы - то, что отрицает Стил, - и руководство заботится о том, чтобы заглушить или направить их недовольство. Стил, неправильно понимая это, неправильно понимает все.

Я никогда не отрицал необходимости того, что экономисты называют производством. Я призывал к его безжалостному аудиту (сколько из этого производства стоит того, чтобы страдать ради его производства?) и к превращению того, что кажется необходимым, в продуктивную игру - два слова, которые должны быть вытатуированы на лбу Стила, поскольку они объясняют все, что во мне ему не нравится или он неправильно понимает. Продуктивная игра. Непродуктивной игры тоже много, я надеюсь, что в идеале это такая организация, в которой нет смысла следить за тем, кто из них кто, но игра как парадигма. Продуктивная игра. Деятельность, которая в данное время, в данных обстоятельствах и с учетом вовлеченных в нее людей является по своей сути приятной игрой, но которая в своей совокупности производит средства к жизни для всех. Самые необходимые функции, такие как "первичный дымовой сектор" (производство продуктов питания), уже имеют свои лудические аналоги в охоте и садоводстве, в хобби. Мои категории не только последовательны, они уже действуют в каждом обществе. К счастью, не так много людей настолько экономически изощрены, чтобы не понять меня.

Если Стил действительно верит, что без пекарен не может быть хлеба, а без борделей - секса, мне его жаль.

Всякий раз, когда Стил заходит в антропологию, он оказывается не в своей тарелке. В "Примитивном изобилии" я обратил внимание на шутовской характер его портрета доисторической политэкономии: несколько пещерных людей, взятых на время из "Дальней стороны", сидят на корточках вокруг костра, перебрасываясь дерьмом за неимением лучшего занятия и время от времени вырезая стейк из все более гнилой туши, пока не кончится мясо. Такой нелепый расизм поражает воображение, он так же шокирующе глуп, как если бы сегодня мы устроили старое менестрельское шоу, с черными лицами и всем остальным. Охотники не делали больше работы, объясняет он, потому что "они не видели в этом никакой выгоды из-за ограниченных возможностей". Конечно, они не видели выгоды, потому что концепция была бы для них бессмысленной, но их возможности не были так ограничены, как наши. Если взять в пример сан, то они обычно пользовались правом выбора, которое у нас есть только две недели в году: выбор - спать или вставать и идти на работу. Более чем в 63 случаях охотник из племени сан остается дома. То, что Стил считает "вариантами", - это не выбор того, что делать, а выбор того, что потреблять: "Когда такие общества охотников-собирателей сталкиваются с более технически развитыми обществами с большим ассортиментом продуктов, охотники-собиратели обычно проявляют сильное

желание заполучить некоторые из этих продуктов, даже если это грозит им некоторыми неприятностями".

Это обобщение, как и другие, на которые отваживается Стил, только кажется эмпирическим. На самом деле оно является выводом из экономической модели, которая с самого начала предполагала, что кто-либо когда-либо действовал или мог действовать иначе, чем более или менее хорошо информированный рациональный максимизатор. С исторической точки зрения, это необоснованно. Хотя охотники-собиратели (а также садоводы и скотоводы) часто брали из европейского набора инструментов, они не хотели участвовать в системе трудового порабощения, с помощью которой эти инструменты производились. Сан любят превращать колючую проволоку, украденную у южноафриканских фермеров, в остря, более эффективные и более простые в изготовлении, чем каменные, но им не нравится работать на алмазных рудниках. "Большая часть человечества, - полагает Стил, - уже несколько тысяч лет занимается сельским хозяйством, поскольку на каком-то этапе оно оказалось более продуктивным, чем охота". "На каком-то этапе" выдает утверждение за то, чем оно является - дедукцией из аксиом, а не историческим репортажем. Стил взбесился бы, если бы кто-то сказал: "Большая часть человечества на протяжении нескольких тысяч лет исповедовала авторитаризм, на каком-то этапе найдя его более свободным/упорядоченным/стабильным/удовлетворительным, чем либертарианство".

Параллелизм не случаен. В подавляющем большинстве случаев безгосударственные общества являются также бесклассовыми, рыночными и по сути безработными. В подавляющем большинстве случаев рыночные общества также являются государственными, классово разделенными и трудовыми обществами. Не перегибаю ли я палку, предполагая, что во всем этом может быть вызов для либертарианцев, который не в полной мере удовлетворен тем, что Стил меня приманивает?

Псевдофактическое утверждение Стила предполагает, что все повсеместно хотят повышения производительности труда. Хотя Стил характеризует мою цель (чуть менее неточно, чем обычно) как нечто вроде анархо-коммунизма или "высшей стадии" коммунизма (он вспоминает жаргон своей марксистской фазы), именно Стил звучит как коллективист, представляя "человечество" как некий организм, который "на каком-то этапе" решил идти за золотом, взяться за мотыгу. Только когда и где проводился этот референдум? Если предположить, что сельскохозяйственные общества более продуктивны (в чем?) на душу населения, кто сказал, что излишки достаются производителям? Возможно, Стил уже не согласен с тем, что говорил Энгельс в "Происхождении семьи, частной собственности и государства", но он наверняка помнит поднятые там вопросы и цинично подавляет то, что знает он, но не знает его интеллектуально обедненная либертарианская аудитория. Крестьяне производили больше, работая для этого гораздо тяжелее, но потребляли меньше. Произведенное ими богатство можно было хранить, продавать и красть, облагать налогами и отбирать у королей, дворян и священников. Так как это могло быть, со временем так и стало - "на каком-то этапе" то, что было возможно, стало действительностью, государство и сельское хозяйство, паразит и его хозяин. Остальное - буквально история.

Если сельское хозяйство и возникшее на его основе индустриальное общество обозначают этапы прогресса свободы, то следует ожидать, что самые древние сельскохозяйственные цивилизации (ныне занятые индустриализацией) находятся в авангарде свободы. Один участок страны наслаждался благами цивилизации в два раза дольше, чем следующий претендент. Я говорю, конечно, о Шумере, более известном в последнее время как Ирак. Почти столь же либертарианской является следующая цивилизация, все еще цивилизованная: Египет. Далее - Китай. Нужно ли говорить больше?

И как только одно или несколько из этих сельскохозяйственных рабовладельческих обществ развивались, они расширялись за счет своих безгосударственных соседей, чьи маленькие общества, живущие лицом к лицу, хотя и были психологически приятными и экономически изобильными, не могли молнией победить огромные армии рабов, не превратившись в то, с чем они боролись. Таким образом, они проигрывали, если побеждали, подобно кочевым армиям аккадцев, монголов или тюрков, и, конечно же, проигрывали, если уступали. Это не имело ничего общего с поиском лучшей сделки.

Стил не понимает (или делает вид, что не понимает), почему я вообще заговорил о примитивах. Не потому, что я когда-либо выступал за всеобщее возвращение к кормовому образу жизни. Хотя бы потому, что специализированная отупляющая работа, которую нам приходится выполнять, не приспособлена к разнообразной квалифицированной игре, которая порождает изобилие, воспринимаемое охотниками-собирающими как должное. Дональд Трамп беспокоится о своем экономическом будущем гораздо больше, чем мать из Сан-Франциско о своем. Охотник-собирающий вырастает в среде обитания и учится ее читать. Я уже цитировал Адама Смита о том, что разделение труда, даже если оно повышает производительность, уменьшает человеческую личность. Если либертарианский идеолог и должен что-то ответить или объяснить во всей моей книге, так это то, что старина Адам говорил о труде, но Стил старательно замалчивает этот семейный скандал. (Сколько либертарианцев, если уж на то пошло, знают, что Смит был пресвитерианским священником? Или что он выступал за обязательное школьное образование именно для того, чтобы противостоять развращающему воздействию труда?)

Охотники-собирающие помогают нам понять и смущают либертарианцев, по крайней мере, двумя способами. Они являются единственными известными жизнеспособными безгосударственными обществами. И они не работают, за исключением редких чрезвычайных ситуаций, в том смысле, в котором я использую это слово. Они, как и мы, должны производить, но обычно им не приходится работать. Они получают удовольствие от того, что делают, в тех относительно редких случаях, когда у них есть настроение этим заниматься; таковы этнографические данные. У некоторых примитивов нет слов для различения работы и игры, потому что нет причин проводить различие. Это нам они нужны, чтобы понять, что с нами произошло. Примечательно, что я согласен со Стилом в том, что мы, современные люди, не можем "приблизиться к такому образу жизни очень близко и при этом сохранить развитую промышленность, хотя мы могли бы постепенно приближаться к нему, сокращая часы и составляя более гибкие графики работы, а некоторые индивидуумы [это подколка в мой адрес] довольно близко приближаются к нему, сочетая случайную работу и жизнь на подаяния". Хорошо, тогда давайте не будем "поддерживать развитую промышленность". Мне нужна свобода; Стил в "Свободе" предпочитает промышленность.

Думаю, газете следует переименовать себя в "Индустрию", если именно в этом заключается ее глубокая преданность.

В "Отмене" я намеренно агностически относился к технологии, потому что хотел представить дело аболиционистов в наиболее универсальных терминах. Не обязательно соглашаться с моим реальным мнением о промышленных технологиях (весьма скептическим), чтобы согласиться с моей оппозицией к труду, хотя это и помогает. Сам Стил не утруждает себя последовательностью своих обвинений, на одной странице обвиняя меня в "амбициозном стремлении уничтожить социальное сотрудничество и технологию", тем самым осуществив "уничтожение более 95 процентов населения Земли и низведение остатка до состояния ниже каменного века" (даже ниже!) - и на следующей странице повторяет "обычные коммунистические утверждения" о том, что "автоматизация" может сделать почти все". То, что Стил причудливо называет каменным веком, - это миллион лет, в течение которых все люди жили как охотники-собиратели, и мы уже убедились, что есть много плюсов в таком образе жизни, к которому большинство из нас, к сожалению, не приспособлено. Для Стила "обычные коммунистические утверждения" выполняют ту же отвлекающую функцию, что и "обычные подозреваемые", когда их собирают в кучу.

По крайней мере два писателя-фантаста, которые, вероятно, знают о высоких технологиях гораздо больше, чем Стил, - киберпанки Брюс Стерлинг и Льюис Шайнер - опирались на "Отмену работы", рисуя образ жизни без работы, который в разной степени зависит от технологий. В книге "Острова в сети" Стерлинг экстраполирует несколько антирабочих позиций: "авангардное обогащение рабочих мест" (как сказал бы Стил) расслабленной транснациональной корпорации Rhizome; избирательный постпанк высоких технологий сингапурской Антирабочей партии; постсельскохозяйственный партизанский кочевничество повстанцев-туарегов в Африке. Несколько моих фраз он использует дословно. Шайнер в "Слэме" рассказывает о своей индивидуальной антирабочей одиссее, явно обязанной несколькими книгам Loompanics, в том числе "главной вдохновительнице этого романа, "Отмене работы" Боба Блэка".

Если я скептически отношусь к освобождению с помощью высоких технологий, то главным образом потому, что технари даже не исследуют эту возможность, а если не они, то кто? Они все время заняты нанотехнологиями, пока еще несуществующей технологией молекулярно-механического манипулирования - этим клише из SF, трансформатором материи, - не проявляя никакого интереса к тому, какую работу, если она вообще есть, предстоит выполнить в такой гипертехнологичной цивилизации. Так что на данный момент мне кажется, что низкотехнологичное освобождение - более правдоподобное направление.

То, что я считаю "третичный сектор или сектор услуг бесполезным", - ложь, но вернее, чем большинство из того, что Стил мне приписывает. Я рассматриваю большую часть этого сектора - сейчас самого крупного - так, как либертарианец рассматривает большую часть правительственной бюрократии. Его динамика - это, главным образом, его собственное воспроизводство с течением времени. Сектор услуг обслуживает сектор услуг "70 дымовых труб", как и государство воссоздает государство. В романе "Я был роботом" Эрнест Манн продолжает давнюю утопическую социалистическую традицию, перечисляя все отрасли, которые существуют только для того, чтобы они и им подобные могли продолжать

существовать и расширяться. Согласно либертарианской литании, если отрасль или учреждение приносят прибыль, то они удовлетворяют "желания", происхождение которых намеренно игнорируется. Но то, что мы хотим, то, что мы способны хотеть, зависит от форм социальной организации. Люди "хотят" фастфуд, потому что им нужно спешить на работу, потому что переработанная еда из супермаркета все равно не намного вкуснее, потому что нуклеарная семья (для сокращающегося меньшинства тех, у кого есть хоть что-то, чтобы вернуться домой) слишком мала и слишком напряжена, чтобы поддерживать большой праздник в приготовлении и употреблении пищи и так далее. Только люди, которые не могут получить то, что хотят, смиряются с тем, что им нужно больше того, что они могут получить. Поскольку мы не можем быть друзьями и любовниками, мы выпрашиваем больше конфет.

Либертарианец больше расстроен, чем признается, когда он бросает свое излюбленное элитарное самозванство, губы разжимаются, пачка сигарет падает, и хладнокровный рациональный антиэгалитарный подражатель Хайнлайна превращается в популистского демагога. В "Лице со шрамом" Эдгар Г. Робинсон рычит: "Работа - для дураков". В "Свободе" Дэвид Рэмси Стил кричит, что для работяг есть 71 работа. Когда он говорит то, что хочет услышать, Vox Populi - это Vox Dei, но не тогда, когда речь заходит о социальном обеспечении, фермерских субсидиях, антинаркотических законах и других популярных формах государственного вмешательства. Стил уверяет нас, что рабочие предпочитают более высокую зарплату обогащению на работе. Это вполне может быть правдой и, конечно, имеет смысл, поскольку, как я уже объяснял, обогащение труда - это не отмена работы, а лишь довольно неэффективная форма психологической войны. Но откуда он знает, что это правда? Потому что, объясняет он, в последнее время практически не наблюдается тенденции к обогащению труда на американском рабочем месте. Это вопиющая чушь, поскольку в течение последних пятнадцати или более лет у работников не было выбора между повышением зарплаты и чем-либо еще по той простой причине, что реальная зарплата упала по отношению к уровню жизни. Расплата - это такая проблема, с которой благоразумный работник не обращается к консультантам в программе помощи соотрудникам.

Я выступаю за то, что нельзя купить за деньги, - за новый образ жизни. Отказ от работы не может быть предметом торга, поскольку подразумевает отказ от начальников, с которыми нужно торговаться. Деликатно упоминая о стандартном "пакете услуг", Стил предает забвению тот факт, что у рядового соискателя столько же шансов поспорить о содержании своей работы, сколько у рядового покупателя - о ценах в очереди в кассу супермаркета. Даже коллективные переговоры при посредничестве профсоюзов, которые никогда не были нормой, теперь недоступны для подавляющего большинства работников. Кроме того, профсоюзы не способствуют таким реформам, как рабочий контроль, поскольку, если бы рабочие контролировали работу, им не нужны были бы брокеры, продающие их рабочую силу менеджменту, функции которого они узурпировали. Поскольку восстание против труда не было и не могло быть институционализировано, Стил не в состоянии даже представить себе, что оно существует. Стил - промышленный социолог, как Джин Автри - ковбой. Он совершает недобросовестные действия в любой области, в которую лезет; он - бизарро да Винчи, настоящий Ренессанс Клатц. Конечно, ни один другой антрополог не считает, что "Флинстоуны" были документальным фильмом.

С поистине птолемеевским упорством Стил навешивает эпицикл на эпицикл, чтобы примирить реальность со своей рыночной моделью. Возьмем, к примеру, вредность труда для здоровья: "Если какая-то деятельность занимает много времени людей, то она, вероятно, повлечет за собой много смертей и травм". Таким образом, в доме происходит много смертей: "Свидетельствует ли это о том, что жилье по своей природе убийственно?" Короткий ответ заключается в том, что я предлагаю отменить работу, а не отменить жилье, потому что жилье (или, скорее, кров) необходимо, а работа, как я утверждаю, нет. Я бы сказал о жилье то же, что Стил говорит о работе: если это убийство, то это оправданное убийство. (Не во всех случаях, не тогда, когда хозяева трущоб сдают в аренду пожарные ловушки, но это пока оставим в стороне). И аналогия абсурдна, если все виды деятельности одинаково опасны, подразумевая, что вы с таким же успехом можете курить или играть в русскую рулетку, как есть салат или играть в пирожные. Некоторые люди умирают во сне, но не потому, что они спят, тогда как многие умирают потому, что работают. Если работа более опасна, чем многие виды деятельности, не связанные с работой, которыми люди предпочитают заниматься, то риск - это часть аргумента против работы. У меня нет желания исключить из жизни все опасности, я лишь хочу, чтобы риск можно было свободно выбирать, когда он сопровождает и, возможно, усиливает удовольствие от игры.

Стил утверждает, как правило, без подкрепления, что безопасность на рабочем месте зависит от дохода: "По мере роста доходов рабочие места становятся более безопасными, у работников появляется больше альтернатив, и они могут настаивать на большей компенсации за высокий риск". Я не знаю никаких доказательств такой взаимосвязи. Если Стил прав, то должна быть тенденция к тому, что более высокооплачиваемая работа безопаснее, чем хуже оплачиваемая, но шахтеры зарабатывают гораздо больше, чем уборщики, а пожарные - гораздо меньше, чем юристы. Если корреляция Стила и имеет место, то она легко объяснима: элитная работа просто лучше во всех отношениях, чем работа грубияна - безопаснее, лучше оплачивается, престижнее. Чем меньше у вас есть, тем меньше у вас есть: вот вам и "компромиссы".

Забавно, что единственное свидетельство, которое согласуется с догадками Стила, - это свидетельство, которое он же сам и опровергает. Производственный травматизм и смертность в последние годы возросли, даже несмотря на падение реальной заработной платы, но Стил идеологически привержен сказке о прогрессе. Он утверждает, что "рабочие предпочли получить большую часть выгод от роста производства в виде большего количества товаров и услуг и лишь небольшую часть этих выгод в виде меньшего количества рабочего времени". Не рабочие забрали эти преимущества, не в виде более высокой зарплаты, не в виде более безопасных условий труда и не в виде более короткого рабочего времени - продолжительность рабочего дня увеличилась незначительно. Значит, в 80-е и последующие годы рабочие "выбрали" более низкую зарплату, более длинные часы и большую опасность на рабочем месте. Да, конечно.

Стил, или Рэмси-Стил, как он обычно подписывался, когда писал для хиппи-газеты "Оз" в 60-е годы, если и бывает бестактен, то иногда остроумен, как, например, когда он называет меня "веревкой, натянутой над пропастью между Раулем Ванейгемом и Сидом Вишесом". Мои левые критики не так хороши. После того как я назвал Open Road "Роллинг Стоун анархизма", этим анархо-левым понадобилось несколько лет, чтобы назвать меня "Бобом

Хоупом анархизма", что, очевидно, было огромным трудом с их стороны. "Отмена 75 дыханий" (какое чувство юмора у этого парня!) - это, если не принимать во внимание ее грубость, особенно неумелый ход либертарианца. Я за дыхание; как написал обо мне Эд Лоуренс, "его любимое оружие - перочинный нож, а когда он берется за горло, дышите спокойно, обычный результат - трахеотомия вдоха".

Как оказалось, на либертарианскую позицию по поводу дыхания можно пролить свет. Айн Рэнд всегда вдохновляет и часто оракулирует либертарианцев. Ярая атеистка и ярая рационалистка - она считала, что она и три или четыре ее ученика были единственными по-настоящему рациональными людьми - Рэнд заметила, что она поклоняется дымовым трубам. Для нее, как и для Линдона Ларуша, они не только олицетворяли, но и были воплощением человеческих достижений. Должно быть, она имела это в виду, поскольку сама была чем-то вроде дымящейся трубы; она курила цепочку, как и другие рационалы в ее окружении. В конце концов она сама отменила свое дыхание: она умерла от рака легких. Теперь, если сэр Дэвид Рэмси Стил беспокоится о дыхании, ему следует поспорить не со мной, а с владельцами дымовых труб, которые я хотел бы закрыть. Как и Рэнд, я атеист (хотя и с языческими наклонностями), но я ничему не поклоняюсь и даже предпочитаю поклоняться Богу, а не дымовым трубам.

IV. Нет рабочему месту в будущем

Лучшее будущее для рабочего места, как и для поля боя, - это отсутствие будущего вообще. Запоздало заметив кризис на рабочем месте, консультанты наперебой предлагают причудливые реформы, общим знаменателем которых является то, что они вызывают мало интереса на самом рабочем месте. Сделанные для работников, а не во имя их, их ухищрения в значительной степени являются обычным делом для бизнеса, как водится. Они могут временно повысить производительность труда, пока не исчезнет новизна; но возня с тем, кто, что, когда и где работает, не затрагивает источник недуга: зачем работать?

Менять место работы на домашнюю обстановку - все равно что переезжать из Албании в Сомали в поисках лучшей жизни. Flextime, как говорится в шутке про офис Microsoft, предназначен для профессионалов, которые могут работать любые шестьдесят часов в неделю, как они того хотят. Он не для сферы обслуживания, где трудится наибольшее количество людей. Ни поварам, готовящим на сковороде, не удастся выкроить время на обеденный перерыв, ни водителям автобусов в час пик. "Обогащение" рабочего места - это отчасти ободряющий митинг, отчасти обезболивающее и аспирин. Даже контроль над рабочими, который большинство североамериканских менеджеров считают немыслимым, - это всего лишь самоуправляемая кабала, вроде того, как если бы заключенные сами выбирали себе охранников.

Для западных работодателей гласность и перестройка - как скоро мы забыли эти легендарные слова - слишком мала и слишком запоздала. Меры, которые приветствовали бы социалистические и анархистские боевики 19-го и 20-го веков - а ведь именно у них их переняли консультанты, - в лучшем случае встречают угрюмое безразличие, а в худшем - воспринимаются как признаки слабости. Особенно для североамериканских боссов, относительно отсталых как в стиле управления, так и в большинстве других аспектов, уступки только вызовут ожидания, которые они не смогут оправдать и при этом останутся у руля.

Демократические движения по всему миру отбросили мелких чиновников. Единственный враг - это общий враг. Рабочее место - последний бастион авторитарного принуждения. Разочарование в работе здесь так же глубоко, как и разочарование в коммунизме в Восточной Европе. На самом деле, многие из них изначально не были очарованы ни тем, ни другим. Почему они подчинялись? Почему подчиняемся мы? Потому что у нас, как у людей, нет выбора.

Свидетельств бунта против работы гораздо больше, чем свидетельств бунта против коммунизма. Если бы было иначе, то не было бы рынка таких транквилизаторов, как

перепланировка рабочих мест, обогащение рабочих мест, качество трудовой жизни и т. д. Работник на работе, как и в трагической степени вне работы, пассивно-агрессивен. Его (и особенно ее) не касаются героические действия коллективной солидарности в легендарном прошлом труда. Но прогулы, перебежки с места на место, хищения товаров и услуг, самоотравление алкоголем или наркотиками, а также усилия, которые настолько несерьезны, что могут перейти грань и считаться саботажем, - вот чем мелкая рыбешка подражает крупной, которая, наживаясь на продаже сберегательных облигаций, грабят ссудо-сберегательные ассоциации и выдают кредиты на покупку жилья без разбора (пусть правительство берет их под залог, если они не могут собрать деньги), - они триумфально сокращают штат, отдают на аутсорсинг и "Тойоту" вместе с новыми реквизициями и репрессиями, которые ждут своих неологизмов.

Что, если бы произошла всеобщая забастовка - и она оказалась бы бессрочной, потому что не выдвигала бы никаких требований, а была бы удовлетворением всех требований? Было время, когда профсоюзы препятствовали подобному, но теперь они не в счет. Когда-нибудь боссы могут ее пропустить.

Будущее за движением "нулевая занятость" (zerowork movement), восстанием против работы, если таковое возникнет, - если только его цель невозможна, потому что работа неизбежна. Разве даже консультанты и технофутурологи не воспринимают работу, как и многое другое, как должное? Да, это так, и это достаточный повод для скепсиса. Они еще никогда не предвидели будущего, которое сбылось. Они пророчили движущиеся тротуары и односемейные аэромобили, а не компьютеры или рекомбинантную ДНК. Их "Американский век" стал японским еще до того, как он наполовину закончился. Футурологи всегда ошибаются, потому что они всего лишь экстраполяторы. Предел их видения - это еще большее совпадение, хотя история (запись предыдущих фьючерсов, кладбище предыдущих предсказаний) изобилует разрывами, сюрпризами вроде персонального компьютера (попробуйте найти его предвидение в любой научной фантастике) или Восточной Европы (попробуйте найти любые академические и/или разведывательные прогнозы о скорой гибели коммунизма).

Вместо этого обратите внимание на утопистов. Разница между утопистами и футурологами - это разница между тем же самым и чем-то другим. Поскольку утописты верят, что жизнь может быть другой - а она будет другой, - то, что они говорят, может оказаться правдой.

Не следует путать "работу", относящуюся к тому, что делают работники, с напряжением, "работой" в понимании физиков. Игра может быть более напряженной, чем работа. В социальном смысле работа - это принудительное производство, то, что делается по какой-то иной причине, а не ради удовлетворения от работы. Этой другой причиной может быть насилие (рабство), недостаток (безработица) или внутреннее принуждение ("призвание" кальвиниста, "правильные средства к существованию" буддиста). В отличие от игрового импульса, ни один из этих мотивов даже не максимизирует наш производственный потенциал; работа не очень продуктивна, хотя производство является ее единственным оправданием.

Входят консультанты со своими игрушками.

Хотя это и не обязательно так, игра может быть продуктивной, так что принудительный труд может и не понадобиться. Когда мы работаем, мы производим без удовольствия, чтобы потреблять, не создавая, - контейнеры осушаются и наполняются, осушаются и наполняются, как шлюзы канала. Обогащение труда? Эта фраза подразумевает предшествующее состояние обнищания, которое опровергает миф о работе как источнике богатства. Работа обесценивает жизнь, присваивая себе нечто настолько бесценное, что его невозможно выкупить, каким бы высоким ни был ВВП.

Обогащение жизни, с другой стороны, состоит в подавлении многих видов работы и восстановлении, во всех смыслах, остальных как занятий, которые по своей сути приятны - если не для всех в течение длительного времени, то для некоторых людей, в определенное время, при определенных обстоятельствах. Работа стандартизирует людей, как и продукты, но поскольку люди по своей природе стремятся производить самих себя, работа тратит силы на конфликты и стресс. Игра плюралистична, в ней задействована вся панорама талантов и страстей, затопленных работой и обезболенных досугом. Мир работы не одобряет переходов с одной работы на другую; жизнь, ориентированная на игру или лудизм, поощряет переходы по увлечениям. По мере того, как будет изживаться привычка к труду, все больше людей будут чувствовать, как все больше способностей и склонностей раскрываются, словно разноцветные крылья новой бабочки, и лудический способ производства будет все прочнее укрепляться.

Вы говорите, что любите свою работу? Отлично. Продолжайте ее делать. Ваш род поможет нам пережить переходный период. Нам жаль вас, но мы уважаем ваш выбор настолько, насколько подозреваем, что он коренится в вашем отказе признать, что ваши нынешние расточительные усилия не сделали жизнь (особенно вашу) лучше, а лишь ускорили ее. Вы справлялись по-своему: вы торопились покончить с этим.

С упразднением работы, по сути, упраздняется и экономика. На смену сегодняшним бригадирам, перевозящим грузы, придут приветственные вагоны, навещающие друзей и приносящие подарки. Зачем заниматься куплей-продажей? Слишком много бумажной работы. Слишком много работы.

Хотя консультанты не годятся на роль реформаторов, из них могут получиться великолепные революционеры. Они переосмысливают работу, в то время как рабочие хотят думать о чем угодно, только не о работе. Но сначала они должны переосмыслить свою собственную работу. Перевести свою лояльность на сторону рабочих для них, возможно, не слишком сложно - целесообразно присоединиться к победившей стороне, - но им будет труднее признать, что в конечном счете экспертами по работе являются рабочие, которые ее выполняют. И особенно те, кто отказывается это делать.

V. Что не так с этой картиной?

Критика неофутуристического видения упадка труда

Конец работы: Упадок глобальной рабочей силы и рассвет пострыночной эры

Джереми Рифкин

Футуристы объявляют о наступлении новой постиндустриальной эпохи почти так же часто, как марксисты - об окончательном кризисе капитализма. Признавая это, Джереми Рифкин настаивает на том, что на этот раз будущее наконец наступило и никуда не денется. Возможно, он прав.

Не будучи оригинальным мыслителем, Рифкин - доходчивый сборщик и популяризатор важной информации, подаваемой для легкого усвоения. Практически любой человек после прочтения этой книги будет знать больше о тенденциях в области технологий и организации труда, которые уже изменили повседневную жизнь во всем мире и, каковы бы ни были их конечные последствия, наверняка приведут к еще более глубоким изменениям. Однако по пути Рифкин допускает достаточно серьезных ошибок, для того чтобы его реформаторские схемы, какими бы прозаичными они ни были, были отправлены на свалку утопий.

Хотя Рифкин приводит множество деталей, они никогда не отвлекают от основной идеи. Мир, каким мы его знаем на протяжении всей истории человечества, - это мир работы. Для всех, кроме немногих представителей элиты (и даже для большинства из них), работа (как говорит Рифкин) "структурировала" их жизнь. При всех революционных преобразованиях, происходивших на заре цивилизации, работа как повседневная фатальность (если воспользоваться строчкой Уильяма Фолкнера) не только сохранялась, но и преобладала. Действительно, после промышленной революции и после неолитической революции до нее работа была длиннее, тяжелее и скучнее. Политические революции привели к глубоким изменениям, но не к глубоким изменениям в работе.

По мнению Рифкина, все это начинает меняться.

Мировая экономика никогда не была такой продуктивной, но безработица во всем мире находится на самом высоком уровне со времен Великой депрессии. Новые технологии, особенно информационные, всегда капиталоемки. Слепо верить в то, что новые технологии всегда заменяют рабочие места, которые они уничтожают, - это слепая вера и чистейшая фантазия. Все доказательства, на чем неустанно и справедливо настаивает Рифкин,

свидетельствуют об обратном. Нелепо и жестоко переучивать десять работников на работу, которую может получить только один из них (но, скорее всего, не получит, поскольку молодой человек, пришедший на работу, скорее всего, более здоров, легко обучаем и не отягощен воспоминаниями о старых добрых временах). Мы движемся к "почти безработному миру". Из 124 миллионов американских рабочих мест 90 миллионов "потенциально уязвимы для замены машинами".

Как показывает Рифкин, сокращение рабочей силы, вызванное технологиями, не щадит ни один сектор экономики. В США, которые изначально были страной фермеров, только 2,7 % населения заняты в сельском хозяйстве, и здесь - и повсюду - "конец сельского хозяйства под открытым небом" вполне предсказуем. Следующим был промышленный сектор. А теперь третичный сектор, который вырос по сравнению с остальными и сейчас является самым крупным, сокращается. Банкоматы заменяют кассиров. Среднее звено управления резко сократилось: боссы передают свои приказы производственным рабочим напрямую, с помощью компьютера, и следят за их выполнением тоже с помощью компьютера.

Мы приближаемся к тому, что Билл Гейтс называет "капитализмом без трения": прямые сделки между производителями и потребителями. Капитализм устранил меркантильных посредников, которые его создали. В пролетарском раю ткачи ручных ткацких станков, должно быть, хихикают.

Что не так в этой картине? Основательно: товары, в изобилии производимые в почти безработной экономике, должны быть проданы, а чтобы их продать, их нужно купить, а чтобы их купить, потребителям нужны деньги, чтобы за них заплатить. Большую часть этих денег они получают в виде зарплаты за работу. Даже Рифкин, который делает все возможное, чтобы не показаться радикалом, нехотя признает, что некий Карл Маркс придумал это понятие кризиса капиталистического перепроизводства, связанного с покупательной способностью.

Есть и другие трудности. Работа оставшихся работников, работников интеллектуального труда сопряжена с огромным стрессом. Как текст на экране компьютера, она неумолимо прокручивается, но на каждого работника, который не выдерживает, найдется другой в "новой резервной армии" безработных (еще одно заимствование у сами-знаете-кого), отчаянно желающий занять ее место. И избыточное большинство - это не просто недостаточный рынок, это резервуар отчаяния. Люди не только будут бедны, они будут знать, что они бесполезны. То, что произошло с первыми жертвами автоматизации - южными чернокожими, вытесненными сельскохозяйственными технологиями и оказавшимися в постоянном андерклассе, - произойдет и со многими миллионами белых. Мы знаем последствия: преступность, наркотики, распад семьи, социальный упадок. Контролировать или, что более реалистично, сдерживать их будет дорого и сложно.

Если таково футуристическое будущее, кажущееся столь угрожающим даже тем, кто заставляет нас двигаться вперед, то что же не так с этой картиной? Работодатели должны ратовать за реформу, которая лежит в основе всех остальных, предлагаемых Рифкиным: сокращение рабочей недели.

Это позволило бы увеличить количество людей, которым есть чем заняться, кроме как жалеть себя или, что еще хуже, выяснять, кто виноват, а также обеспечило бы покупательную способность для приобретения товаров, которые работодатели продают. Но, к явному изумлению Рифкина, те американцы, которые все еще пользуются сомнительной привилегией работать, работают больше часов, чем в 1948 году, хотя производительность труда с тех пор выросла более чем в два раза. Вместо того чтобы сокращать часы, работодатели сокращают штаты, усиливая эксплуатацию и незащищенность, и одновременно максимально используют временных работников, которых в данный момент мобилизуют в резерв.

Рифкин явно расстроен неспособностью боссов оценить то, что, как он убедился, является их долгосрочными, просвещенными собственными интересами. Его скромное предложение о более добром и мягком высокотехнологичном капитализме принимает как данность, что многие люди будут продолжать работать, а многие другие - нет. Для тех, кто работает, он предлагает сократить рабочий день, но опасается, что они могут растратить свое свободное время. Еще большее беспокойство вызывают те, кого экономика низвела до состояния безделья. Для обоих классов у него есть решение. Безработные должны перейти в "третий сектор", сектор волонтеров (в отличие от рыночного и государственного секторов), поощряемый "налоговым вычетом за каждый час, отданный юридически сертифицированным организациям, освобожденным от налогов".

А постоянно безработные будут получать государственную "социальную зарплату", направляемую через "некоммерческие организации, чтобы помочь им нанимать и обучать бедных для работы в их организациях".

Стойте! Разве Рифкин не настаивал на том, что первые десятилетия XXI века, если не раньше, станут почти безработным будущим? Что производительность труда будет расти по мере того, как будут сокращаться производители?

Почему этот императив распространяется на коммерческий сектор, а не на некоммерческий?

Если еще так много работы, которую нужно сделать, будь она хоть сколько-нибудь приятной и "общинной", и если людям нужно платить за это - что бы ни было не так с этой картиной "творческой бухгалтерии", по которой выплачивается их зарплата, - то это вовсе не почти безработный мир. Рифкин отправляет безработных в рабочие дома или на цепную банду. Это, по меньшей мере, очень странное заключение для книги под названием "Конец работы".

Что не так (что-то явно не так) с этой иллюстрацией?

Вот что. Рифкин не понимает или отмахивается от последствий своей очень убедительной демонстрации того, что работа все больше теряет значение для производства. Почему работа становится все более важной для тех, кто все еще ею занимается, в то время как ее лишают тех, кому нужно работать, чтобы выжить?

Боссы сошли с ума?

Не обязательно. Возможно, они понимают, хотя бы интуитивно, свои интересы лучше, чем вольнонаемный полуинтеллектуал вроде Рифкина. Это предположение, по крайней мере, согласуется с наблюдаемыми фактами: боссы по-прежнему управляют миром, а Джереми Рифкин только пишет об этом книги. Рифкин полагает, что работа связана только с экономикой, но она всегда была чем-то большим: это была и политика.

По мере того как экономическое значение работы снижается, на первый план выходит ее контрольная функция. Работа, как и государство, - это институт контроля многих над немногими. Она отнимает у нас большую часть времени бодрствования. Она часто изнуряет физически или умственно. Для большинства людей она предполагает длительное ежедневное прямое подчинение власти в таких масштабах, которые неизвестны взрослым людям, не находящимся в заключении. Работа выжимает из работников всю энергию, оставляя ее только на дорогу и потребление. Из этого следует, что демократия - если под ней подразумевается какое-то осознанное участие значительной части населения в управлении страной - иллюзорна. Политика - это всего лишь еще одно, и, как правило, более чем неприятное проявление разделения труда (как называют рабочую систему после ее подкрашивания академическими косметологами). Политика - это работа для политиков, терапия для активистов и зрительский спорт для всех остальных.

Если мы предположим, что работа - это, по сути, социальный контроль, а производство - лишь случайность, то поведение босса, которое Рифкин находит таким извращенным, приобретает идеальный смысл на своих извращенных условиях. Часть населения перегружена работой. Другая часть изгнана из рабочей силы. Что их объединяет? Две вещи - взаимная враждебность и крайняя зависимость. Первое увековечивает второе, и каждое из них лишает сил.

Рифкин задается вопросом, как система справится с огромным количеством новых лишних людей. Как он сам рассказал, у нее было много практики. Создание и управление андерклассом уже стало делом решенным. Новый смелый мир техногенного изобилия - если под изобилием вы подразумеваете только увеличение количества товаров - выглядит следующим образом:

АЛЬФЫ

Это будет относительно небольшое количество поставщиков высоких технологий, объединенных с основными поставщиками людей (артисты, политики, священнослужители, военные, журналисты, начальники полиции и т. д.). Они будут продолжать работать - во многих случаях усерднее, чем кто-либо другой, - чтобы поддерживать систему и друг друга в рабочем состоянии.

БЕТЫ

Вместо старого среднего класса и среднего менеджмента, которые, как объясняет Рифкин, уже устарели, появится класс социального контроля, состоящий из полицейских, охранников, социальных "работников", школьных учителей, воспитателей детских садов, клинических психологов, родителей и т. д. Особого внимания заслуживает тот факт, что

более сильные и агрессивные представители того, что раньше было рабочим классом, будут кооптированы в полицию для тех, кого они оставили (как выразился один барон-разбойник позолоченного века, "я могу нанять половину рабочего класса, чтобы убить другую половину"). Таким образом, низший класс теряет своих лидеров, даже если его отвлекают призрачной идеей восходящей мобильности.

ГАММЫ

Вот подавляющее большинство населения, то, что Никола Тесла называл "мясорубками", то, что Ли Куан Ю называл "цифрами", то, что Джереми Рифкин стесняется называть как угодно. Ими нельзя управлять, как другими классами, с помощью труда, потому что они не работают. Они будут управляться с помощью хлеба и зрелищ. Хлеб состоит из скромных трансфертных выплат, поддерживающих бесполезных бедняков на уровне прожиточного минимума в качестве беспомощных подопечных государства. Зрелища будут обеспечиваться потрясающими техно-спектаклями того, что после войны в Персидском заливе можно назвать только военно-развлекательным комплексом. Голливуд и Пентагон всегда будут рядом друг с другом.

Гаммы образуют массу, а не класс, простое скопление гомологичных множеств, как Маркс характеризовал крестьянство, "подобно тому как картошка в мешке образует мешок картошки". Они пользуются некоторыми неотъемлемыми правами - переключать каналы, проверять электронную почту, голосовать - и некоторыми другими, не имеющими практического значения. Войны, профессиональный спорт, выборы и рекламные кампании дают им возможность объединиться со зрителями-единомышленниками. Неважно, как они делят себя на группы, лишь бы делили. Поскольку на самом деле все они одинаковы, любое разделение, за которое они берутся, произвольно, но любое разделение подходит. Они подбирают команды по расе, полу, увлечениям, поколению, диете, религии, по всем признакам, кроме свободы действий. В условиях коллективного рабства эти различия имеют ровно столько же и только столько значения, сколько мальчишеский домик на дереве с табличкой "Девочкам вход воспрещен". Гаммы по сути своей фанаты, а самоактивность фанатов исчерпывается созданием ими фан-клубов. Они - картошка, которая сама себя собирает в мешок.

ДЕЛЬТЫ

Эта система породит свои противоречия, как всегда бывает в классовых обществах. Несмотря на Билла Гейтса, капитализм без трения - это оксюморон. На информационной супермагистрале будет много выбоин. Каждый класс внесет свою лепту в отсев, девиантов и диссидентов. Кто-то будет бунтовать из принципа, кто-то из патологии, кто-то из того и другого. И их лев-бунтарь будет функционировать до тех пор, пока не выйдет из-под контроля. Дельты, непокорные и не похожие друг на друга, будут обеспечивать работой бет и таблоидными развлечениями гамм. Во все более скучном и предсказуемом мире сумасшедшие и преступники будут обеспечивать изюминку, риск, мистику, которые индустрия сознания все чаще не в состоянии имитировать. VR, морфинг, компьютерная графика - все это впечатляет, на какое-то время, но ничто не сравнится с запахом страха, запахом настоящей крови, со зрелищами, которые никто не делал лучше, чем римляне и

ацтеки. Шоу, которое они называют "Самые разыскиваемые в Америке", - это двойная интрига. Общество не обязательно получает, как говорят некоторые, преступников, которых оно заслуживает, но сегодня оно получает преступников, которых хочет.

"Будет ли нас ждать утопическое или антиутопическое будущее, - заключает Рифкин, - в значительной степени зависит от того, как будет распределяться прирост производительности в информационную эпоху". Ни одно из его доказательств не подкрепляет этот *ipse dixit*, озвученный так рано, что к тому времени, когда читатель доберется до политических предложений, он, вероятно, предположит, что доказательство должно было скрываться среди всех тех фактов, которыми его забрасывали по пути. На самом деле доверие к Рифкину в предсказании будущего подрывается его плохой работой по предсказанию прошлого.

Рифкин утверждает, почти в качестве отступления, что американский опыт последних 40-50 лет - повышение производительности труда и увеличение продолжительности рабочего дня - является отклонением, не имеющим исторического прецедента. (И, следовательно, предполагается, что наши государственные деятели легко исправят эту оплошность, как только на нее обратит внимание Джереми Рифкин, народный глашатай). И неолитическая (сельскохозяйственная), и промышленная революции способствовали росту производительности труда, а также удлинению рабочего дня (а также качественному ухудшению работы как опыта). Рост производительности никогда не приводил к утопии раньше, почему он должен привести к ней сейчас? Более справедливое распределение богатства никогда не приводило к утопии раньше, почему оно должно приводить к ней сейчас? Дело не в том, что Джереми Рифкин знает что-то, но не говорит нам. Скорее, он не знает того, о чем говорит.

Утопия Рифкина оказывается Новым курсом. Сертифицированный государством и субсидируемый государством третий сектор - это просто WPA: проекты общественных работ. Сокращение рабочей недели всего на десять часов - это не более чем приведение законодательства Нового курса о заработной плате и продолжительности рабочего дня в соответствие с инфляцией, подобно тому как минимальная заработная плата должна время от времени повышаться. Далеко не очевидно, что эти реформы смогут хоть как-то обратить вспять перераспределение богатства, которое происходило в 80-е годы. В конце концов, именно Вторая мировая война, а не социальное законодательство Нового курса, обеспечила недавнее и довольно скромное экономическое выравнивание в этой стране. То, что Рифкин называет "социальной зарплатой", попахивает тем, что республиканцы называют "workfare". А использование налоговых льгот для поощрения социально ответственных предприятий - это примерно такая же утопия, как разрешение благотворительных вычетов, но, вероятно, не такая радикальная, как снижение налога на прирост капитала.

Рифкин, как и все футуристы, не способен пророчить правдоподобное утопическое будущее. Футурист по определению предсказывает продолжение современных тенденций, но если настоящее не утопично, то почему будущее - такое же, только большее - должно быть утопичным?

Я не говорю, что оно не может быть таким, просто хочу сказать, что Рифкину нужно кое-что объяснить. Он не принял всерьез или даже не признал возможность того, что реальный конец работы - это практическая утопическая возможность, а не просто привлекательное название для поп-футуристической книги. Но это потребует переосмысления работы в радикально ином ключе.

Томас Эдисон говорил (но, вероятно, знал лучше), что гений - это 1 % вдохновения и 99 % пота. Утопия - это 1 % пота и 99 % вдохновения. Ее практическая возможность никогда не определялась технологией или производительностью, хотя технология и производительность имеют к ней отношение, к лучшему или к худшему. Хаксли и Оруэлл в тандеме, имея преимущество не знать почти столько же, сколько Билл Гейтс и Джереми Рифкин, давно видели дальше, чем они. Технологии были зависимой, а не независимой переменной - следствием, а не причиной. Есть один и только один глубоко важный вывод Рифкина, и ирония заключается в том, что на самом деле он его не имеет в виду. Это его неявное приравнение утопии к концу работы. Но Рифкин не имеет ни малейшего представления о том, что означал бы конец работы, потому что он не задумывался о том, что такое работа. В противном случае он вряд ли мог бы подумать, что работа прекратится, если будет выполняться в другом "секторе" экономики. Это все равно что сказать, что эксплуатация прекращается, когда работодателем каждого становится рабочее государство.

Говорить о "конце" работы - значит говорить в пассивном залоге, как будто работа завершается сама собой и нуждается лишь в подталкивании со стороны прогрессивной политики, чтобы завершиться без шума. Но работа - это не естественный процесс, подобный горению или энтропии, который протекает сам по себе. Работа - это социальная практика, воспроизводимая повторяющимися, многочисленными личными выборами. Как правило, не свободным выбором - "ваши деньги или ваша жизнь", в конце концов, это выбор, - но, тем не менее, актами человеческого намерения. Именно (взаимодействие многих) актов воли увековечивает труд, и именно (взаимодействие многих) актов воли упраздняет его коллективным приключением, говорящим активным голосом. Работа закончится, если она закончится, потому что работники закончат ее, решив делать что-то другое - жить по-другому.

Что, в конце концов, такое работа? Если не принимать во внимание нюансы (как бы ни было познавательно их изучение), работа - это производство, вынужденное ради выживания. Ее неприятный аспект - не производство, а принудительный труд ради жизни. Производство без принуждения не только возможно, оно вездесуще. Рифкин указывает, что половина взрослого населения уже выполняет 99 волонтерских "работ" (ошибочное название) без какого-либо экономического поощрения. Неплохое начало для размышлений о том, как совместить производство и свободу.

Как жалуется Рифкин, люди, которые добровольно отдают деньги на благотворительность, могут получать налоговые вычеты, а люди, которые добровольно предоставляют свои услуги, - нет.

Так почему же они жертвуют свои услуги? Если упростить, то, вероятно, действуют два основных мотива. Первый - это благожелательность. Многие люди получают удовлетворение от помощи другим людям. Второй - удовлетворение от самой деятельности: скаутмастер, которому нравится компания детей, повар-кулинар, которому нравится готовить, или любой человек, у которого есть ремесло или навык, которым он так дорожит, что хочет передать его другим. И эти мотивы часто пересекаются и подкрепляют друг друга. Часто вы не можете помочь людям лучше, чем передав им свои навыки. У большинства людей способностей больше, чем денег, и обмен способностями, в отличие от обмена деньгами, не лишает их этого. Они получают удовлетворение и ничего не теряют. Может быть, здесь кроется ключ к тому, что работа действительно должна закончиться?

Рифкин только догадывается, и то очень смутно, что дух волонтеризма должен сыграть свою роль в прекращении работы. Он не замечает, что корыстная деятельность тоже играет свою роль. Мэри Поппинс, возможно, преувеличила, сказав, что "в том, что не так с этой картиной, во всем, что нужно сделать, есть элемент веселья", но во многих вещах, которые нужно сделать, могут быть элементы веселья. Производство и игра - не обязательно одно и то же, но и не обязательно разное. Доход и альтруизм - не единственные источники действия. Ремесла, спорт, пиры, секс, игры, песни и разговоры приносят удовольствие от самого процесса их выполнения. Рифкин не радикал, но он определенно левый, с иудео-кальвинистской презумпцией, что если вам нравится что-то делать, особенно с другими, то это должно быть аморально или легкомысленно.

Наконец-то мы знаем, что не так с этой картиной: мы видели ее раньше, и мы знаем, чем она закончится. Будущее, по мнению дальновидного Рифкина, - это настоящее с лучшими спецэффектами. Выгоняя людей с работы, вы не положите конец труду. Безработица делает работу более, а не менее важной. Больше труда не означает меньше работы, просто меньше работы, которую можно выполнять, сохраняя хотя бы остатки самоуважения. Ничто из того, что прогнозирует Рифкин, даже рост преступности, не обещает прекращения работы. Ничто из того, что предлагает Рифкин, также не гарантирует этого. Он так сильно верит в трудовую этику, что планирует увековечить ее даже после смерти того, что она освящает. Он верит в призраков, в частности в призрак машины. Но призрак преследует Рифкина: призрак упразднения труда коллективным творчеством самих работников.

VI. Отмена работы снова

В этом году (2005) исполняется 20 лет со дня первой публикации в Сан-Франциско книги "Упразднение работы". Какой длинной, дикой была эта поездка! Книга много раз переиздавалась, обычно без моего ведома, но всегда с моего согласия. Ее перевели более чем на дюжину языков.

Я подозреваю, что отчасти ее успех объясняется тем, что она случайно оказалась очень своевременной. Она появилась в то время, когда рабочий день становился все длиннее, работа все интенсивнее, а безработица все выше. Если вам нужно было доказательство того, что наше общество в корне иррационально, то вот оно.

Это не повод для формальной, систематической, хорошо организованной лекции, подобной той, что я прочитал в прошлом году в Университете штата Нью-Йорк в Нью-Пальтце. Вместо этого я воспользуюсь этой лекцией для своих неформальных, несистематических, неорганизованных и гораздо более кратких замечаний сегодня.

Вы, вероятно, видели высказывание английского экономиста Джона Мейнарда Кейнса о том, что "в долгосрочной перспективе мы все умрем". И он был верен своему слову. Но в 1931 году, в условиях Великой депрессии, он сделал прогноз относительно будущего работы в долгосрочной перспективе. Он считал, что постоянно растущие капиталовложения и технологический прогресс практически упразднят труд в течение ста лет. Наступит, предсказывал он, "век досуга и изобилия". Единственная проблема - найти достаточно работы, чтобы удовлетворить врожденную тягу человека к труду, от которой вы все, несомненно, страдаете.

Что ж, мы прошли 82% пути к почти безработному изобилию. Как вы, несомненно, заметили. Капиталовложения и технологические инновации были даже больше, чем ожидал Кейнс. Кейнс считал, что через столетие мы будем работать по 3 часа в день, так что, если бы мы шли по графику, мы должны были бы сейчас работать меньше, чем 4 часа в день, что, по словам Кропоткина, мы будем делать в анархо-коммунистической утопии. Но единственные люди, работающие по 4 часа в день - или работавшие до недавнего времени - это анархисты-охотники-собиратели, такие как сан (бушмены), которые полностью избавлены от трудосберегающих преимуществ капиталовложений и высоких технологий.

Один из уроков, который я извлек из этого, заключается в том, что к экспертам всегда следует относиться с подозрением, а эксперты по нулевой занятости должны считать, что они ошибаются, пока не будет доказано, что они правы. Как сказал Иван Иллич, "экономисты знают о работе примерно столько же, сколько алхимики о золоте". У меня есть еще несколько примеров.

В книге "Отмена работы" я писал, что каждый год от 14 000 до 25 000 рабочих умирают во время работы. Не помню, откуда я это взял. Но когда в прошлом году я отправился обновить эту оценку, то обнаружил, что она варьируется от 1 000 до 90 000. По оценкам нашего Министерства труда, число смертей, связанных с работой, в 1993-1996 годах составляло более 10 000 в год.

Эти сильно разнящиеся оценки говорят нам о том, что никто не удосужился собрать эту статистику точно. Правительство может с достаточной точностью сказать нам, сколько тонн соевых бобов было произведено в прошлом году. Но оно не может сказать нам, и, очевидно, никто не может сказать нам, сколько людей погибло, чтобы произвести и продать сою, автомобили, сотовые телефоны или что-то еще.

У правительства и бизнеса есть причины хотеть знать статистику производства. Но у правительства и бизнеса, как я полагаю, есть причины, по которым они предпочли бы не знать, или, по крайней мере, предпочли бы, чтобы общественность не знала, о количестве смертей на работе. Люди могут задаться вопросом, стоит ли работа таких затрат на смерть, травмы и болезни.

Еще один момент, который я озвучил 20 лет назад, заключается в том, что количество смертей от работы должно быть гораздо выше, чем количество смертей на работе. Я читал, что многие патологоанатомы не признают убийства или автокатастрофы связанными с работой, хотя все мы читали в новостях истории о рабочих, которые убивают своих начальников, коллег и/или себя. И уж точно любая смерть во время поездки на работу - это смерть из-за работы.

Вот поистине бесстыдное мошенничество. Начиная примерно с 1948 года, продолжительность рабочего дня увеличилась. Но за тот же период производительность труда выросла более чем в два раза. Лорд Кейнс, конечно же, предсказывал прямо противоположное. С 1969 по 1989 год среднегодовое рабочее время работников, занятых полный рабочий день, увеличилось на 158 часов, что составляет поразительный один месяц в год дополнительной работы. В последующие 20 лет ситуация стала еще хуже.

В ежегодном отчете о состоянии американской рабочей силы за 1999 год, подготовленном Министерством труда США, весьма самодовольно говорится о сосуществовании низкого уровня безработицы и низкой инфляции. Но правительство нервно реагировало на заявления о том, что американцы перегружены работой. Например, в книге Джулии Шор "Перегруженный работой американец". Я сам часто ссылаюсь на эту книгу. Департамент труда без обиняков утверждает, что продолжительность рабочего дня в целом остается стабильной с 1960 года.

Этот вывод основан на трех вопиющих методологических недостатках.

#1: Данные о продолжительности рабочего дня основаны на отчетах работодателей, а не работников. У работодателей есть много причин занижать количество рабочих часов, например, чтобы скрыть незаконные сверхурочные или использование нелегалов. Я также подозреваю, что многие предприятия, особенно малые, вообще не подают отчеты, а те,

которые не подают, вероятно, имеют самые продолжительные рабочие часы - потогонные цеха.

Хотя это потребует больше хлопот и затрат, нет причин, по которым правительство, располагающее данными о работниках через систему социального страхования, не может провести опрос и сравнить их отчеты с отчетами работодателей. Это, вероятно, покажет, что статистика работодателей ничего не стоит.

#2: Если у работника больше одной работы - запомните это - учитываются только часы, отработанные на основной работе! Очевидно, что больше всего перегружены работой те, у кого две и более работы. И таких работников становится все больше. Это одно из самых значительных событий с тех пор, как я впервые написал на эту тему. Но рабочие часы этих перегруженных работой людей не учитываются должным образом.

#3: Если вы подумали, что это грубый обман, то я приберегу самое худшее напоследок. Одна из основных тенденций в сфере труда - увеличение продолжительности рабочего дня для работников с полной занятостью. Другая тенденция - впечатляющий рост частичной занятости, в основном среди людей, которые не могут найти работу на полный рабочий день. Это совершенно разные категории работников. И что же делает правительство? Оно складывает работников, выполняющих слишком много работы, с работниками, выполняющими недостаточно работы, делит разницу и объявляет, что работники в среднем трудятся обычное количество часов, а в некоторых случаях даже меньше. Для государства два зла - одно благо, или все в порядке.

Завершая или, во всяком случае, заканчивая этот разговор, я хотел бы обратить ваше внимание на один аспект "Отмены работы", который, кажется, никто не заметил. Это не явно анархистское эссе. На самом деле, я упомянул анархизм только один раз, и то не в положительном ключе. Я написал, что "все старые идеологии консервативны, потому что они верят в труд. Некоторые из них, например марксизм и большинство разновидностей анархизма, верят в работу тем более яростно, что они мало во что еще верят".

Когда я упоминал авторов, которых считал актуальными, я включал в список анархистов, таких как Кропоткин, Пол Гудман и даже Мюррей Букчин. В 1985 году я был очень зол на анархистов. Крис Карлссон и его марксистские головоузелы из Processed World только что выгнали меня из города. Большинство местных анархистов, за исключением Лоуренса Джараха и Брайана Кейна, играли в лапту с Processed World или смотрели в другую сторону. Некоторые из них до сих пор смотрят в другую сторону. Прошли годы, прежде чем я снова стал называть себя анархистом.

И все же "Отмена работы" - это анархистское эссе. Большинство анархистов понимают, что государство не возникло из ниоткуда. Государство связано с определенными формами общества. Так же как и анархия. Большинство анархистов понимают, что нельзя упразднить государство, не упразднив капитализм. Это так, но я пошел дальше. Я говорю, что нельзя упразднить государство, не упразднив труд.

Я был не первым анархистом, который назвал отмену труда анархической проблемой. На меня повлияли работы Джона Зерзана, написанные в 1970-х годах о восстании против работы, и они, по крайней мере, подразумевают отмену работы. (Хотя тогда Джон не называл себя анархистом.) Что я думаю, я сделал, так это определил работу как основную анархистскую проблему. Я заставил даже анархистов, выступающих за работу, таких как анархо-синдикалисты и платформисты, защищать работу, а не просто принимать ее как должное. Они высмеивают идею нулевого труда, вместо того чтобы попытаться ее опровергнуть, так что эта идея остается неопровергнутой. Естественно, это означает, что больше людей согласятся с ней. Число интеллектуально серьезных критических замечаний, которые я получил за последние 25 лет, шокирующе мало. И я не думаю, что хоть один из них исходил от анархиста.

Мне нравится думать, что после моего эссе анархистская мысль уже не та и никогда не будет такой, как прежде. В любом случае, то эссе, защищенное от авторских прав, и это - мой подарок всем вам.

Этот текст (здесь он слегка изменен) должен был быть произнесен в качестве речи на Гилман-стрит в Беркли, Калифорния, в конце марта 2005 года, но я не смог туда попасть.

VII. Почему бы не объявить праздник?

Рецензия на книгу "ГРАНД НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК И КОНГРЕСС ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ КЛАССОВ" Уильяма Бенбоу.

В 1832 году Национальный союз рабочих классов опубликовал этот нашумевший в свое время памфлет. Автор, Уильям Бенбоу, которому тогда было 48 лет, был английским ремесленником и пожизненным агитатором, чьим историческим вкладом в радикальную политическую мысль стал Великий национальный праздник рабочего класса - впоследствии более известный как Всеобщая забастовка. Он призывал к всеобщему месячному перерыву в работе, во время которого производители пошлют своих представителей "для обеспечения счастья огромного большинства человеческой расы, той самой большей части, которая называется рабочими классами", подобно тому, как элита собирается для обеспечения своего счастья в парламенте.

Бенбоу не очень подробно описывал, чем будет заниматься конгресс, но по сути он был уравниателем. Английское общество прогнито из-за "слишком большого безделья с одной стороны и слишком большого труда с другой". Каждого богатого бездельника "необходимо заставить работать, чтобы излечить его от нездоровья". Но в отличие от синдикалистов, которые позже выступили с призывом к всеобщей забастовке, Бенбоу, хотя и романтизировал рабочих как хранилище добродетели, не прославлял труд и не призывал массы к производственным подвигам. Это был простой вопрос равных прав и обязанностей, включая "равный труд" и "равную долю производства". Бенбоу предвосхитил антирабочую точку зрения:

Каждую часть нужно заставить работать, и тогда работа станет настолько легкой, что будет считаться не работой, а полезным упражнением. Разве может быть что-то более гуманное, чем главная цель нашего славного праздника - получить для всех при наименьших затратах наибольшую сумму счастья?

Иными словами, никакой кальвинистско-марксистской чепухи о труде как призвании Бога (или Истории) или о труде как реализации человеческой сущности: чем меньше работы, тем лучше. Здесь есть лишь намек, если вообще намек, на аргументы его современника Фурье о превращении труда в продуктивную игру (маловероятно, что Бенбоу слышал о Фурье к 1832 году). Но Уильям Моррис позже создаст сложный синтез по сути подходов Бенбоу и Фурье к трансформации труда.

Гораздо более оригинальным и интересным, чем его предложение о конгрессе, было предложение Бенбоу о Великом национальном празднике. Как мы уже видели, для Бенбоу

надлежащими целями общества - целями, которым оно не служило, за исключением "праздных, бездельных немногих", - были "легкость, веселье, удовольствие и счастье". Люди "даже не существовали, поскольку не наслаждались жизнью", вместо них наслаждались и жили другие. "Народ - ничто для себя, и все для немногих". Великий национальный праздник был тем, как Бенбоу предложил начать эту революцию эгалитарного гедонизма, но это было и нечто другое: это был революционный эгалитарный гедонизм. Не нужно мучиться и морализировать, оправдывает ли цель средства, когда они одно и то же.

В "Празднике" Бенбоу возвращается к докапиталистическому веселью, упущенному его синдикалистскими преемниками. Он не стесняется говорить, что праздник - это "святой день, а наш должен быть самым святым из святых дней", потому что он "установлен, чтобы утвердить изобилие, отменить нужду, сделать всех людей равными!". Он не новатор (настаивает он). "Суббота была еженедельным праздником" для древних евреев, когда они питались манной в изобилии, когда "не делали никакой подневольной работы, и слуги и господа не знали различия". Затем каждый седьмой год был "годом освобождения", "непрерывным и непрекращающимся праздником; это был сезон обучения; это было облегчение для бедных должников". Бенбоу (христианин, хотя и содержал "неверные часовни", где совершались богохульные ритуалы, и подвергался судебному преследованию за публикацию порнографии) явно опирался и стремился возродить глубоко запрятанные протестантско-плебейские диссидентские тенденции, восходящие к Гражданской войне в Англии и даже раньше. Его неопределенно коммунистическая экономическая программа восходит к диггерам. Его гедонизм, стремление возродить "не только религиозные, но и политические праздники" и (как мы знаем из его порнографии, примеры которой прилагаются к этому изданию) стремление к сексуальной свободе ставят его в один ряд с контркультурной традицией Рантеров.

Праздник, таким образом, предвосхитил перманентную революцию, которую должны были институционализировать его делегаты на внепарламентском съезде. На самом деле, те, кто был в отпуске, не должны были ждать своих делегатов. Бенбоу предложил рабочим запастись достаточным количеством еды и денег, чтобы пережить первую неделю Праздника без работы. К тому времени они должны быть достаточно организованы, чтобы реквизировать все необходимое для следующих трех недель.

Богатые либералы, лукаво предполагает он, - богатые либералы, которые только что получили право голоса для себя благодаря агитации рабочего класса, а затем повернулись, чтобы отказать в праве голоса тем же рабочим, - будут рады действовать в соответствии со своими либеральными реформаторскими убеждениями, раздавая все, что у них есть, тем, кто взялся за столь достойное дело, "ко всем великим реформаторам можно обратиться, и у народа больше не будет причин подозревать реформаторов в последовательности. Реформаторы протянут руку помощи, чтобы поддержать нас во время нашего праздника. ...Пока их не испытают, никто не сможет представить себе количество великих людей, готовых отстаивать равные права, равную справедливость и равные законы по всему королевству". Что касается деталей, то конгресс соберется где-то в центре Англии под эгидой "какого-нибудь великого либерального лорда":

Это должно быть центральное место и поместье какого-нибудь великого либерального лорда, с прилегающими к нему домами и принадлежностями. Единственной трудностью выбора будет выбор центрального места, поскольку все они достаточно обширны, чтобы предоставить жилье членам Конгресса, их земли обеспечат пропитание, а их парки станут прекрасным местом для встреч. Можно полагаться, что владелец особняка, удостоенного чести быть выбранным народом, сделает для представителей народного суверенитета те великолепные приготовления, которые обычно делаются для приема общего государя.

Бенбоу не был теоретиком или провидцем. Он придерживался довольно упрощенного субпросветительского мнения о том, что народ поработен навязанным ему элитой невежеством (впрочем, это еще не все). В 1850-х годах (когда он пропал из виду) он агитировал в основном за всеобщее избирательное право, которое, будучи завоеванным десятилетие спустя, так и не выровняло классовую систему в Британии. В других капиталистических классовых обществах - например, в Соединенных Штатах - никогда не существовало монархов, аристократов и епископов, которых Бенбоу в основном (но, конечно, не полностью) обвиняет в угнетении народа. Американский опыт доказывает, что эксплуатация очень эффективна (возможно, даже более эффективна) без этих архаичных социальных остатков.

Великий национальный праздник - это образцовое решение того, что можно назвать, повторяя дилемму заключенного, дилеммой революционера. Чтобы совершить социальную революцию, люди в их нынешнем виде должны совершить революцию из существующих материалов. Революция требует непрерывности. Но чтобы она считалась социальной революцией, люди должны жить по-новому и качественно иначе. Революция требует прерывистости. Быстро и радикально то, что живет в существующем порядке - а чтобы жить, оно, скорее всего, латентно, замаскировано или деформировано, - должно быть освобождено от того, что мертво. Неверное определение того, что есть что, приводит к катастрофе. Маркс и синдикалисты, например, считали, что живое в капитализме - это развитие производительных сил с сопутствующим появлением первого универсального класса, пролетариата. Революция, таким образом, подразумевала социализацию, рационализацию и интенсификацию промышленного развития, а также обобществление пролетарского состояния. Сейчас уже очевидно, за исключением горстки сектантов, что развитие производительных сил постоянно обновляет капитализм. А пролетаризация ликвидировала анклав рабочего класса и тщательно сегментировала рабочую силу в ущерб классовому сознанию. Продуктивизм и рабочелюбие оказались идеологией капитализма.

Решение дилеммы Бенбоу, напротив, в ретроспективе кажется революционным, хотя и неполным. Праздник затронул коллективные воспоминания о совместных достижениях и общинных праздниках. Он затронул индивидуальные воспоминания о сокращенном рабочем дне, большем количестве праздников и относительной автономии в производстве. Суббота, о которой помнили рабочие, действительно, как напоминал им Бенбоу, была священным временем - но священное время в то время было спорным понятием. Для диссентеров (наследников пуритан) суббота была днем воздержания от работы, конечно, днем отдыха, но это был также день молитвы, общественного поклонения и воздержания от удовольствий. Для большинства трудящихся отдых и развлечение в общении друг с другом

составляли суть священного. Религиозный характер этого праздника был диффузным, пронизывающим обычные удовольствия, такие как еда, питье и танцы, а не сконцентрированным в специализированных, дискретных видах деятельности, не связанных с остальной жизнью. Для диссентера или методиста, если он не выполняет в воскресенье явно и исключительно религиозные функции, он вообще не должен был ничего делать. Лишь отчасти в насмешку рабочие называли свой несанкционированный выходной в понедельник "святым понедельником" - бичом работодателей, когда они либо возобновляли, либо отсыпались после воскресных гуляний. Название также подразумевало, что этот свободный от работы день, как и воскресенье, был святым.

Пока что "Праздник" непрерывен по отношению к еще памяtnому и не совсем исчезнувшему прошлому. Что же в нем революционного и прерывистого? В основном следующее. Традиционная община была делом обычая, а не сознательного замысла, и она была местной, приходской. Как таковая она по частям разрушалась актами обложения, уже будучи разделенной классовой дифференциацией и, возможно, религиозной рознью. Изнутри трудно было понять, что уникальная судьба местной общины, которая могла бы стать судьбой нескольких поколений, была моментом в общенациональной тенденции. В этих условиях утверждение Бенбоу о том, что "невежество - источник всех бед многих", - не просто наивный пережиток оптимизма эпохи Просвещения. (Хотя он перекликается с другим течением мысли - "якобинством" Томаса Пейна и "Корреспондентских обществ" 1790-х годов, которые все еще влияли на радикальное мышление). Теперь "многим", "народу", "производительным классам" необходимо было думать о себе в национальном масштабе, чтобы действовать от своего имени в национальном масштабе: "Когда они будут бороться за себя, тогда они будут народом, тогда они будут жить, тогда у них будет легкость, веселье, удовольствие и счастье; но никогда, пока они не будут бороться за себя". Средство "простое - ЕДИНСТВО МЫСЛИ И ДЕЙСТВИЯ Думайте вместе, действуйте вместе, и вы сместите горы несправедливости, угнетения, страданий и нужды".

Праздник воссоздает сообщество в национальном масштабе - единственном масштабе, в котором оно сейчас возможно, - но это означает одновременные, обобщенные действия на местах. Он восстанавливает праздничное, сакральное содержание святых дней в то же время, когда он сознательно отнимает труд у непроизводящих классов, которые пользуются его плодами. Это всеобщая забастовка и вечеринка, самый длинный "рейв" за всю историю человечества, - все в одном, свобода как необходимость, необходимость как свобода. Бенбоу настаивает на том, что Праздник должен предшествовать Конгрессу и в своем собственном темпе порождать его. Только в условиях неторопливого отдыха и безудержной игры разумно ожидать, что народ будет обсуждать форму будущего и выбирать достойных доверия делегатов на съезд.

Схема Бенбоу невольно подтверждает и в то же время обходит понимание, по крайней мере старое, как Платон и Аристотель, и очень значимое для английского правящего класса, что наемные работники, как и рабы, не имеют права голоса, потому что им не хватает экономической независимости, чтобы голосовать своим собственным умом. Сегодня, конечно, речь идет не о том, чтобы боссы указывали рабочим, как голосовать, а о том, как работа отнимает время и часто деформирует способности, необходимые для ответственной гражданской позиции. Праздник вряд ли сможет исправить ущерб, уже нанесенный рабочим

наемным трудом в целом и фабричным трудом в частности (что подтвердил даже Адам Смит). Но он мог на некоторое время избавить рабочих от необходимости трудиться и заботиться о пропитании ("комитеты по управлению рабочими классами" должны были реквизировать провизию, достаточную для проведения праздника). Праздник прервал порочный круг самоподдерживающейся политической недееспособности пролетариата, срежиссированный сверху.

Бенбоу был не просто плебеем, накладывающим пролетарский отпечаток на обрывки утилитарной доктрины, как многие "радикалы" того времени. Он выступал за наибольшее счастье наибольшего числа людей, но у него были свои представления о том, что это означает, и разделение богатства и ниспровержение наследственных привилегий были лишь частью программы. Бенбоу понимал, что качество жизни - это не просто вопрос перераспределения богатства и предоставления прав трудящимся. Звучит очень похоже на "молодого Маркса" или какого-нибудь другого левого гегельянца, Бенбоу говорит: "Существование рабочего человека - это негатив. Он жив для производства, страданий и рабства, но мертв для наслаждения и счастья". В рабочем есть (как говорил Кроче, в марксизме) нечто живое и нечто мертвое. Мертвым в рабочем было то, что делало его рабочим, его труд, "производство", и то, что оно влекло за собой, - страдания и рабство. Живым было то, что рабочий сохранял в сокращающейся сфере жизни помимо работы. Но то, что происходило на работе, влияло на него и вне ее: "Говоря, что делают люди, мы объясняем, что они собой представляют. Говоря, что они могут и должны делать, мы объясняем, какими они могут и должны быть". По сути, все сводится к возможности самодеятельности (индивидуальной или коллективной, или какой-либо их комбинации - вопрос важный, но второстепенный).

Теперь мы знаем, что в том, что касается средств достижения цели, Бенбоу ошибался в нескольких аспектах. Всеобщее избирательное право никогда не приводило к революции - по выражению Прудона, "всеобщее избирательное право - это контрреволюция". Что касается перераспределения богатства, то оно никогда не было опробовано, хотя и было приближено к нему на короткие периоды, на небольших территориях, во время русской, испанской и других современных революций. Но значительное перераспределение богатства имело место, например, в Великобритании и в скандинавских социал-демократических странах. Бенбоу, несомненно, обрадовался бы тому, что потомки презираемых им "либеральных лордов" (да и консервативных тоже) лишились большей части своих богатств и в некоторых случаях стали взимать плату с туристов за вход в свои статс-хаусы. Но это не изменило того факта, что, как хорошо известно всем британцам, Британия по-прежнему является капиталистическим классовым обществом, пусть и не особенно процветающим, прогрессивным. Рабочий класс по-прежнему, выражаясь нынешним жаргоном, "на ногах".

Бенбоу интересен не как пророк - хотя, если говорить о пророках, он выгодно отличается от Маркса, - а как автор, сформулировавший для своего времени и места решение дилеммы революционера. Сработало ли бы оно, мы никогда не узнаем. Как объясняет современный редактор Бенбоу С.А. Бушелл, предложение Бенбоу встретило серьезную оппозицию даже в организации, которая его опубликовала, и попытки начать Праздник оказались безуспешными. Хотя Бенбоу ожидал от Праздника и Конгресса довольно смутно, они явно

должны были устранить политическую и экономическую несправедливость, которые в радикально-вигской традиции всегда считались взаимосвязанными (это была "коррупция", не общий термин морализаторства, а художественный термин в радикальной либертарианской идеологии). Идеи Бенбоу потеряли актуальность, когда радикалы и/или рабочий класс разошлись по отдельным политическим и экономическим каналам (и не только по одному из них). Сам Бенбоу, похоже, посвятил остаток своей жизни политическим реформам - в частности, расширению электората. Другие стремились к экономическим улучшениям через организацию профсоюзов. Политически и экономически ориентированные, в свою очередь, разделились на реформистские и революционные течения - различие, которое Бенбоу не считал значимым, хотя вскоре оно должно было стать решающим.

Что же живет в знаменитом трактате Бенбоу? Возможно, больше, чем когда-либо между его временем и нашим. Это конкретное и правдоподобное решение дилеммы революционера в той форме, которую она принимала в тот период, и, как таковой, пример, который делает дилемму яркой для нас, хотя сегодня она принимает другие формы. Но, как утверждает редактор Бушелл, Праздник, возможно, стоило бы попробовать и сегодня, если бы Всеобщая забастовка была переосмыслена как несанкционированный Праздник: возможно, "старая идея забастовки могла бы обрести популярность, если бы мы вернулись к старому описанию". В конце концов, контркультурные революционеры никогда не возражали против всеобщего прекращения работы. Более того, они даже больше, чем синдикалисты, любят его, поскольку не видят причин, по которым он должен когда-нибудь закончиться. Производственная деятельность, конечно, в конце концов должна возобновиться, но работа может и не возобновиться. Бенбоу сказал о празднике то, чего, кажется, не говорил ни один сторонник всеобщей забастовки, - что это возможность поразмыслить, "избавиться от нашего невежественного нетерпения и узнать, чего же мы хотим". Подумать свободно, неторопливо.

Праздник - это все, чем могла бы быть Всеобщая забастовка, и даже больше. Это то, с чем должны быть согласны все антиавторитарные люди, поскольку все они хотят, чтобы произошло хотя бы то, что нужно для уничтожения власти корпораций и государства. Достигнув этого, люди смогут решить, хотят ли они вернуться к работе под руководством рабочих советов или федеративных профсоюзов или вообще никогда не вернуться к работе. Возможно, одни сделают один выбор, другие - другой. Возможно, после начальной фазы экспериментов выработается некое соглашение, которое будет соответствовать тому, что живет в этих различных системах. Тот, кто искренне желает всеобщей свободы, не должен уклоняться от реальной возможности проверить, какую форму (или отсутствие таковой), по его мнению, могла бы принять свобода. Почему бы не устроить праздник и не посмотреть, что из этого выйдет?

VIII. Что значит работа и почему это важно

В начале книги Дэвида Х. "Что мы понимаем под работой?" он пишет: "В начале книги Боба Блэка "Отмена работы" он называет работу идеологией. Такое использование слова "идеология" по отношению к работе никогда ранее не применялось. Это семантическое злоупотребление традиционными стандартами - отражение того, что нас ждет".

Позже Х будет подделывать цитаты. Здесь он подделывает пересказ. Ближе - не в самом начале моего эссе [1] (в четвертом абзаце) я говорю, что "все старые идеологии консервативны, потому что они верят в труд. Некоторые из них, например марксизм и большинство разновидностей анархизма, верят в работу тем более яростно, что верят в мало что другое". Фальсификация Дэвида Х. "является отражением того, что должно произойти".

Это не говорит о том, что работа - это идеология. Это говорит о том, что вера в работу является частью нескольких идеологий - включая, как вскоре становится ясно Дэвиду Х, его собственную: анархо-левизм. Текст, тезисом которого является мое "семантическое злоупотребление", не должен ни "в начале", ни где бы то ни было фальсифицировать смыслы. Как очевидно из всего моего эссе, для меня работа - это деятельность, действительно институт, а не идеология. Существительное "работа" сочетается с глаголом "работать". "Никто никогда не должен работать", - таково мое настоящее начало, - в противном случае это нонсенс. Но даже если мои идеи бессмысленны, они не являются семантической бессмыслицей.

Такой человек, как Х, который не понимает разницы между "its" и "it's" - этому учат в начальной школе, или это было раньше, - и который в значительной степени не знаком с использованием запятых, не должен критиковать чье-либо использование языка [2]. Кроме того, "независимый" не означает "другой", как полагает Х: "Work however in the myriad ways the term is used" - ну да ладно, не так уж много способов - "is in many of its uses [redundant] in dependent of the way Black defines it."

[2] Кстати, о пунктуации: Х отмечает мое ироничное использование "отпугивающих кавычек" вокруг слова "коммунист". Я уже давно не верю в осуждение Адорно кавычек, используемых в качестве иронических приемов. Я подробно цитирую Адорно (без иронии и без кавычек) по этому поводу в книге "Анархия после левого исма". Левые анархисты - одни из худших нарушителей (поэтому я обычно "анархист", а не анархист, и т. д.). Эти знаки препинания, используемые моими врагами, также называются "кавычками с усмешкой".

Позже он говорит: "Потребительские ценности - это вещи, которые мы делаем, потому что нам нужно их использовать..." - та же избыточная тавтология. Нельзя сказать, что "работа на ферме - это работа с потребительной стоимостью", потому что "потребительная стоимость" не является прилагательным и не означает "полезный" - кстати, является ли выращивание табака "работой с потребительной стоимостью"? А кто такой "социалистический Маркс"? Есть ли еще один брат Маркса? Маркс анархиста - может быть, это Гручо или Харпо? Здесь я даже не могу предположить, что пытается сказать Х. И вот почему некоторые из этих пунктов, рассмотренные по одному, могут показаться мелочами, но совокупное воздействие этих промахов не только утомляет, но и либо затуманивает смысл, либо вызывает подозрение, что затуманивать нечего.

На самом деле Х сам повторяет, без одобрения, мое настоящее определение работы (в краткой версии): "принудительный труд, который является обязательным", за исключением того, что моя версия не является избыточной: Я говорю о "принудительном труде, то есть о принудительном производстве". Таким образом, он противоречит своему первоначальному обвинению. Если это "минимальное определение" (как я его называю) - смею ли я сказать, мое рабочее определение? - не согласуется по существу с общепринятыми или словарными определениями труда, Х никогда не говорит об этом, а если говорит, то почему не согласуется. В конце концов, Х соглашается с ним.

Легко найти определения работы, похожие на мое. Я дополняю определение, говоря: "Работа никогда не делается ради нее самой, она делается ради какого-то продукта или результата, который рабочий (или, чаще всего, кто-то другой) получает от нее". Замечание "чаще всего" подтверждает мою осведомленность о таких системах труда, как рабство и наемный труд.

Работа, таким образом, может означать то, что я говорю, что она означает. Я не пытался быть оригинальным, я просто пытался быть понятным. Но это слово также может означать, говорит Х., "полноценную работу". Теперь, как определение работы или одно из них, это не подходит. Это все равно что сказать, что определение слова "собака" неадекватно, если в него не включена "коричневая собака". Определение обычно не является каталогом всех атрибутов, которыми оно может обладать. Существуют коричневые собаки, большие собаки, бешеные собаки, бегающие собаки и т. д., но этим прилагательным, характеризующим определенных собак, нет места в определении собаки.

Все мои тщательные усилия по определению и разграничению работы и игры пропали для Дэвида Х. Я резко отверг тех, кто, подобно Йохану Хьюизингу и Берни де Ковену, определяет "игру" как не имеющую последствий, как изначально непродуктивную, под которой работа подразумевает тот же самый вид "семантического злоупотребления", который я порицаю у Х.: "Дело не в том, что игра [обязательно] не имеет последствий. Это значит принизить игру. Смысл в том, что последствия, если они есть, беспричинны". **[5]** Я ясно дал понять, что, хотя работа и игра - не одно и то же, у них может быть что-то общее, и именно то, что у них может быть общим, может составить, за неимением лучшего слова, "экономическую" основу лудического образа жизни. **[6]** В этом отношении я не так уж далек от Петра Кропоткина и Эммы Голдман, и еще ближе к Шарлю Фурье и Уильяму Моррису.

[5] Этот постулат Хёйзинги не согласуется с тем, чему посвящена его книга: выявлению "игрового элемента" в таких видах деятельности, как право, война, поэзия, философия, искусство и даже бизнес. Не знаю, как ДеКовен, а я узнал свою фразу (игра как "отстранение от последствий") от покойного Гэри Уорна, которого я жестко критиковал в "Изысканном трупе". Именно в "Горилловом гроте" Уорна, "игровой среде для взрослых", я произнес свою первоначальную речь об отмене работы. Единственное, что я узнал о де Ковене с тех пор, - это то, что он является одной из главных фигур в движении "Новые игры", которое разрабатывает неконкурентные игры (все выигрывают). Моя позиция заключается в том, что играть можно не только в игры. Процитированное выражение, возможно, взято из книги Берни де Ковена "Хорошо поставленная игра" к которой у меня нет доступа.

[6] Латинское слово *ludi* относится к играм. Но словарные определения игры гораздо более обширны.

Но я очень далек от сегодняшних организационно-фронтовых, рабочих анархистов. В довольно раздраженном ответе либертарианскому консервативному критику - который, к моему сожалению, и по сей день является моим самым умным критиком - я написал: "Мое предложение состоит в том, чтобы объединить лучшую часть (фактически, единственную хорошую часть) работы - производство полезных ценностей - с лучшей частью игры, которую я принимаю за каждый аспект игры, ее свободу и ее веселье, ее добровольность и ее внутреннее удовлетворение. ... Неужели это так трудно понять? Если продуктивная игра возможна, то возможна и отмена работы".⁷ Ну что, Дэвид Х? Неужели это так трудно понять?

Поэтому Дэвид Х банально и неуместно говорит, что некоторым людям нравится их работа. Я признал этот феномен. Даже работа, сказал я, может иметь "внутренний интерес". Х, вероятно, переоценивает число таких людей. Сколько людей, которые так говорят, сделали бы ту же работу без оплаты? Здесь я согласен с Ницше: "Искать работу для того, чтобы за нее платили: в цивилизованных странах сегодня почти все мужчины как один делают это".

Для всех них работа - это средство, а не самоцель... Но есть, хотя и редко, люди, которые скорее погибнут, чем будут работать, не получая от своей работы никакого удовольствия".

[8]

Некоторые люди хотят думать, что им нравится их работа, в которую они вкладывают так много себя, потому что, если бы они так не думали, их самооценка пострадала бы. Они не хотят думать, что их разыгрывают как лохов (а я никогда не говорил, что это так: я не выношу суждений ни об одном человеке). Люди пытаются извлечь из ситуации максимум пользы и рационализировать неизбежное. Дэвид Х. в 2013 году понимает работу почти так же хорошо, как Фридрих Ницше понимал ее в 1882 году, но не так хорошо, как я в 1980-м.

Раз уж Х напомнил мне о марксистском понятии "отчуждение", позвольте мне в свою очередь напомнить ему о марксистском понятии "ложное сознание". В общем, это Х, а не я, слабо разбирается в марксистской экономике. Так, не существует такого понятия, как "марксово различие между потребительной стоимостью и товаром". Маркс различает

потребительную стоимость и меновую стоимость. Многие товары имеют потребительную стоимость. Это делает их более продаваемыми.

[8] Ницше также рассказывает о том, как почти все европейские мужчины вынуждены принимать профессиональную роль, работу: "Результат довольно странный. Достигнув более зрелого возраста, почти все европейцы путают себя со своей ролью; ... они сами забыли, как сильно распорядились ими случай, настроение, каприз, когда решался вопрос об их "призвании", и сколько других ролей они, возможно, могли бы сыграть; теперь уже слишком поздно".

Потребительские ценности не являются "вещами, которые мы создаем", потому что потребительные ценности не являются вещами. Сказать так - значит, как сказал бы Маркс, "овеществить".

Должно быть, Х не имеет ни малейшего представления о моем тезисе, поскольку он никогда не упоминает о нем. Он просто не продумал, что нужно сделать, чтобы отделить и закрепить то, что может приносить удовлетворение в работе, от того, что не может. Кто-то из нас задумывался над этим вопросом, и это не он. Не здесь ли анархисты классовой борьбы могли бы протянуть руку помощи, вместо того чтобы бегать вокруг рабочих и организовывать друг друга? Они защищают рабочего, но они не знают многого о том, что делает рабочего рабочим: работа.

Х подразумевает, что он тот тип анархиста - "Соль" - который берется за работу, чтобы "организовать ее". Это все еще происходит? Еще один удар в ногу (в левую ногу) от языка... Х не хочет организовывать работу - босс уже сделал это! - он хочет организовать рабочих на рабочем месте. Я хотел бы увидеть несколько историй успеха от Солей (взятых с крупницей соли?). Называют ли они себя Солями, потому что считают себя Солью Земли? Тот, кто может позволить себе устроиться на работу, с которой его могут уволить, не должен рассуждать о том, являюсь ли я "привилегированным", как это делают "некоторые люди", по словам Х. Таким образом, Х вбрасывает ложные, неуместные и унижительные сплетни обо мне, снимая с себя ответственность за них.

"Любопытно, - говорит Х, - что Блэк не читал Маркса настолько, чтобы знать, что у Маркса уже есть термин для этого. У Маркса есть термин "отчуждение", которым он обозначает, когда мы абстрагируемся от продуктов, которые создаем, или даже в более общем смысле - когда мы отрываемся от своей работы через систему оплаты труда". Я кое-что знаю об отчуждении Маркса, большое спасибо, в той мере, в какой он понятен. То, что он обсуждал, но нечасто, в основном не то, что обсуждаю я: не по незнанию, а по выбору. В "Упразднении труда" больше о труде как таковом, чем во всех трех томах "Теории прибавочной стоимости". Но Маркс никогда не занимал рабочее место в течение последних 35 лет своей жизни. Он никогда не был Солтом **[9]**.

Марксисты, включая анархо-марксистов вроде Х., рассматривают труд при капитализме как институт эксплуатации. Но они пренебрегают тем, что я подчеркиваю: работа - это институт господства, и не только при капитализме. Я часто слышал, как рабочие жалуются на работу. Я никогда не слышал, чтобы рабочие жаловались на отчуждение. Работа была репрессивной

на протяжении нескольких тысяч лет цивилизации до капитализма.

[9] *Не был таким и Энгельс. Он владел фабриками.*

Меня беспокоит то, что, по мнению марксистов или синдикалистов, после капитализма труд по-прежнему будет репрессивным. "Во всех прежних революциях способ деятельности всегда оставался неизменным, и речь шла только о другом распределении этой деятельности, о новом распределении труда между другими лицами, тогда как коммунистическая революция направлена против существующего до сих пор способа деятельности, отменяет труд и упраздняет господство всех классов вместе с самими классами... ". **[10]**

[10] *Это Карл Маркс. Если Х. не верит мне, может быть, он поверит Карлу Марксу.*

Я не вижу причин заливать критику труда в марксистские формы. Много выльется наружу. На самом деле, я вообще не вижу причин для анархистов уважать марксизм. Марксисты насмеялись над нами, порочили нас, предавали нас и убивали нас, но они никогда не уважали нас. Марксизм антианархистский, вдоль и поперек. Анархизм должен быть анимарксистским, вдоль и поперек". **[11]** Не только из принципа, но и из целесообразности: "Анархисты находятся на переломном этапе. Впервые в истории они являются единственным революционным течением".

[11] *То же самое я говорил об анархистах, которые считают Мюррея Букчина анархистом. Букчин - с характерной для него честностью - в конце концов заявил, что он не анархист и никогда им не был. Я жду, скорее с надеждой, чем с ожиданием, что Чомски последует его примеру.*

Конечно, не все анархисты - революционеры, но быть революционером, не будучи анархистом, не менее возможно, если не по имени, то по сути".

Продолжая лекцию, Х сообщает нам, что "некоторые люди [кто эти люди? относится ли Х к их числу?] говорят, что Блэк спускает капитализм "с крючка", потому что он игнорирует специфическую эксплуататорскую природу капитализма. Говоря "просто работа" и не различая работу, которая является капиталистической оплачиваемой работой, составляющей большинство работ, выполняемых в капиталистическом обществе, и менее принудительную работу "активистов" [а?], которую мы также называем работой". Это либо фрагмент предложения, либо предложение, которое к концу растворяется в тарабарщине. Что такое "принудительные "активисты"?

Блэк, рассуждая таким образом, также спускает собак с крючка (или с поводка?), потому что он оставляет без внимания специфически "коричневую" природу коричневых собак, специфически "большую" природу больших собак и специфически "бешеную" природу бешеных собак. По рассуждению Х., нельзя сказать ничего серьезного о работе, только о наемном труде, который является лишь одной из форм, которые принимает работа, даже в позднем капитализме, как в конце концов признает Х. Марксисты и другие сторонники рабочего движения могут сколько угодно говорить о коричневых собаках - об эксплуатации, наемном труде, прибавочной стоимости, падающей норме прибыли и т. д. Я могу

согласиться с некоторыми из них. Но есть нераспределенный остаток. Это сама работа.

В 1985 году я решил писать о собаках (в смысле "работать как собака") - не о коричневых собаках - отчасти потому, что почти никто больше не писал. В какой-то степени я это изменил. Собственная критика Н'с свидетельствует об этом. Я думаю, что идея "нулевой работы" витала в воздухе в середине 1980-х годов. Должно быть, так и было, потому что Андре Горц, у которого никогда в жизни не было оригинальной идеи, написал книгу, в которой отстаивал урезанную версию отмены работы, и которая вышла на английском языке в том же году (1985), когда впервые было опубликовано мое эссе. В 1995 году многолетний тренд-сёрфер Джереми Рифкин опубликовал глупую книгу "Конец работы", которую я разгневал.

А теперь - и это доказывает, что я действительно приехал - появилась книга марксистско-феминистского профессора колледжа, в подзаголовке которой есть слова "анти-работа" и "пост-работа"!

Среди тех, кто принадлежит к пост-левым анархистским тенденциям, критика работы широко признается, даже считается само собой разумеющейся, по той веской причине, "что этот монстр под названием РАБОТА остается точным и конкретным объектом нашего бунтарского гнева, единственной наиболее угнетающей реальностью, с которой мы сталкиваемся (и мы должны также научиться распознавать РАБОТУ, когда она маскируется под "досуг")"**[18]**.

[18] Я уже говорил о досуге: "Досуг - это неработа ради работы". Еще один человек, который высказал эту мысль, - Уайт, "Образование и конец работы". Так же поступал и Карл Маркс: "Свободное время - которое включает в себя как досуг, так и время для высшей деятельности - естественным образом превращает каждого, кто им пользуется, в другого человека, и именно этот другой человек затем включается в непосредственный процесс производства".

По этому поводу одна из моих неверных цитат Х. немного серьезнее, чем большинство его промахов: "Блэк говорит, что многие левые [левые?] и анархисты настолько одержимы работой, что "мало о чем еще говорят"". По иронии судьбы, Х пытается, в кои-то веки, быть милым и согласиться со мной. Но что я действительно сказал и что я уже цитировал, так это то, что "все старые идеологии консервативны, потому что они верят в работу. Некоторые из них, например марксизм и большинство разновидностей анархизма, верят в труд тем более яростно, что верят в очень малое". Я не сказал, что левые и большинство анархистов говорят только о работе, я сказал, что они верят в работу тем более яростно, что верят в малое другое. Левые, включая левых анархистов, за редким исключением, не говорили о работе в 1980-е годы. Это не было заговором молчания, но вполне могло быть и так. Левые думали о рабочих (абстрактно), не думая о работе, и уж точно не говоря о ней. Но о работе нужно было думать и говорить, причем критически. Поэтому я думал о работе и говорил о ней критически.

Как явствует из моего эссе в большей степени, чем из эссе Х., работа принимает различные формы. Есть наемный труд, но есть и рабство, крепостное право, педонаж*, работа на дому и

самозанятость. Последние два вида все еще очень важны в "капиталистическом обществе". Я бы сказал, что капиталистическое общество не может обойтись без них, даже если "большая часть работы" - это подневольный труд. Но вы не можете организовать этих рабочих! Х даже говорит об этом! Для левых анархистов это источник печали. Действительно, это обрекает их на бесперспективность. Как это часто бывает, Х. (четвертый абзац) берет назад свою предыдущую критику (что "отчуждение" - это джаз) и соглашается со мной.

** [прим. переводчика] Пеонаж - форма эксплуатации непосредственных производителей (преимущественно крестьян), основанная на превращении их в наследственных должников — пеонов, находящихся в кабальной зависимости от помещика или предпринимателя. Была особенно распространена в Латинской Америке.*

Критика труда - это обязательно критика капитализма, но критика капитализма - это не обязательно критика труда. Поэтому критика труда более радикальна. Критика труда - это скорее критика господства, чем эксплуатации. Критика наемного труда - это скорее критика эксплуатации, чем критика господства.

Если вы возражаете только против эксплуатации, то может показаться, что освобождение трудящихся завершено в рабочем государстве, где государственная собственность вытеснила частную собственность на средства производства, а зарплаты уравнены. Никто не эксплуатируется, и все господствуют. Ни один анархист никогда не верил в это. Х не уверен, но у него есть плохое предчувствие, что у меня могут быть возражения против демократии на рабочем месте. И это так. Поскольку я отвергаю работу, я обязательно отвергаю демократию на рабочем месте. Но я также отвергаю саму демократию во всех ее проявлениях, формах и видах - с полной остановкой. Я отвергаю самоуправляемое рабство. Это лишь случайное соображение в "Отмене работы", хотя оно там есть. Но критика демократии становится все более заметной во всем, что я написал с 1985 года. Я резюмирую ее в "Развенчании демократии" **[19]**.

Мне жаль (ну, не совсем) привлекать внимание к еще одной выдумке Дэвида Х. Он цитирует меня следующим образом: "Он также делает отдельное и еще более ужасающее утверждение, что на рабочем месте, управляемом рабочими, "народ становится тираном, и в чем, блядь, смысл". "Этой предполагаемой цитаты нет ни в "Упразднении работы", ни в чем-либо другом, что я когда-либо писал. Любой человек, в меру знакомый с тем, что и как я пишу, знает, что я никогда бы так не сказал. Я никогда не был сопливым панком из художественной школы ("в чем, блядь, смысл").

У Х проблемы с цитированием. Он начал с фальшивого пересказа. Позже он придумал фальшивые цитаты. Но даже когда он честно пытается процитировать меня, он каждый раз терпит неудачу.

[19] Х пишет: "Что, если критика Блэка - это критика демократического принятия решений на рабочем месте?" Нет, моя критика демократии - это критика демократии. "Если бы мы хотели начать этот разговор, - а кто ему мешает? - мы должны были бы обсудить разницу между рабочими местами с демократическим контролем при капитализме и при

капитализме". Вероятно, они были бы не очень разными, поскольку были бы одинаковыми. Х, должно быть, хотел противопоставить рабочие места, контролируемые демократическим путем, рабочим местам, контролируемым недемократическим путем, но он говорит не об этом. Вместо этого он говорит, что "при капитализме" существуют "рабочие места с демократическим контролем"!

Каждая цитата, которую Х приписывает мне, неточна. Он даже не может точно скопировать слова.

Вопреки мнению Х, его "полноценная работа" - это не то, что я понимаю под игрой. Большинство игр сейчас действительно не имеют значения: они непродуктивны в экономическом смысле, и, я надеюсь, большинство игр всегда будут такими. Все или некоторые из того, что Х. называет полноценной работой, в свободном обществе могут быть преобразованы в свободную деятельность. Возможно, я был виноват в том, что способствовал путанице Х., когда написал: "Такова работа. Игра - прямо противоположное". Хотите верить, хотите нет, но за 28 лет я так и не заметил этого несоответствия. По-видимому, никто не заметил, включая Х. В моем понимании работа действительно "прямо противоположна" игре, но только в той мере, в какой одна из них является добровольной, а другая - нет. В остальной части эссе этот важнейший момент проясняется. На самом деле, как видно из моего следующего предложения, я имел в виду выявление одного аспекта, в котором работа и игра противоположны: "Игра всегда добровольна. То, что в противном случае могло бы быть игрой, становится работой, если к этому принуждают".

В 1885 году Уильям Моррис, британский марксист и коммунист, писал: "Пока работа отвратительна, она будет оставаться бременем, которое нужно ежедневно брать на себя, и даже так будет омрачать нашу жизнь, даже если часы труда коротки. Мы хотим лишь увеличить наше богатство, не уменьшая при этом удовольствия. Природа не будет окончательно покорена, пока наш труд не станет частью удовольствия нашей жизни". Именно таков тезис "Отмены труда", хотя я не говорил и не стал бы говорить о покорении природы, что звучит скорее в духе Фрэнсиса Бэкона, чем так, как обычно говорил Моррис. Разница лишь в том, что Моррис продолжал называть "работой" то, что я предпочел бы называть, чтобы избежать путаницы и подчеркнуть разницу, чем-то другим. Моррис в своем эссе (как и в моем, изначально представлявшем собой речь) совершенно ясно дал понять, что он имел в виду под "полезной работой" - точно так же, как я совершенно ясно противопоставил работу, со следами или без следов самореализации, продуктивной игре.

Моррис и я - а до нас Шарль Фурье и другие - обсуждали и пытались определить принципы социальной трансформации того, что сейчас является работой, или, скорее, ее части, в свободную продуктивную игру.**[21]**

[21] Я упомянул некоторые имена, но намеренно не давал ссылок или списка литературы, потому что, в отличие от современных анархистов, ведущих классовую борьбу, я писал не для белых студентов колледжей из среднего класса. Я пытался написать что-то такое, что могли бы прочитать и оценить реальные рабочие, и за многие годы, прошедшие с 1985 года, я получил множество отзывов, свидетельствующих о том, что мне это в какой-то степени удалось. Многие люди говорили мне или рассказывали другим, что я изменил их жизнь. Я

получаю эти сообщения со смешанными чувствами.

Другой способ выразить это, который может понравиться определенным вкусам, заключается в том, что все мы стремимся к реализации и подавлению работы. Дэвид Х не обсуждает это важнейшее измерение моего аргумента, вероятно, потому, что не понимает его.

Предложение Х. называть работу, приносящую удовлетворение, "работой", а не приносящую удовлетворения - "трудом", не имеет никакой цели. Оно будет повсеместно проигнорировано. Дело не в том, что нам, по словам Х., "не хватает терминологии". У нас слишком много терминологии! У нас много слов. Просто некоторые люди не знают, "как делать вещи со словами". У нас так много слов, что Уильям Моррис и я можем сказать одно и то же разными словами. Ему трудно выразить то, что он хочет сказать, какими-либо словами. Для него слова - ловушка. Для меня они - источник великолепия.

В каком-то отдаленном будущем анархо-лефтист - если предположить, в чем я сомневаюсь, что в каком-то отдаленном будущем появятся анархо-лефтисты, - может выступить с интеллектуально респектабельной критикой моей критики работы. У левых было тридцать лет, чтобы попытаться это сделать.

Естественно, в своем тщеславии мне хочется думать, что причина в том, что мой аргумент неопровержим.

Но могут быть и другие объяснения. Анархо-левые владеют всеми анархистскими книжными магазинами, и все они запрещают мои книги. До недавнего времени они были (я имею в виду АК Press и PM Press) единственными якобы анархистскими распространителями, хотя, взглянув на товары в их каталогах, вы и не заподозрите, что они анархистские. Левые также управляют большинством анархистских сайтов. Левые лидеры знают, на что я способен в полемике. Они знают, как я вел себя с Мюрреем Букчином и другими. Отвечая мне, они знают, что это лишь дает мне возможность в ответ выставить их дураками, даже если я обнародую свои собственные идеи, которые они не хотят обходить стороной. Поэтому они стараются меня игнорировать, что дополняет их цензуру моих трудов. Но, как я заметил несколько лет назад, то, что, как мне кажется, я сделал, это определил работу как основную анархистскую проблему. Я заставил даже анархистов, выступающих за работу, таких как анархо-синдикалисты и платформисты, защищать работу вместо того, чтобы просто принимать ее как должное".

Они высмеивают идею нулевого труда, вместо того чтобы попытаться опровергнуть ее, так что идея остается неопровергнутой. Естественно, это означает, что больше людей согласятся с ней".

Возможно, я преувеличил степень, в которой к 2005 году я заставил левых защищать работу, но Дэвид Х - пример того, что мой вызов левым больше нельзя игнорировать.

Хотя критика левых не была главной темой "Отмены работы", она открыто проявляется в ней, и это критика левых в том, что касается работы. Другие аспекты моей критики левых появляются в других, ранее опубликованных текстах, которые также вошли в "Отмену

работы и другие эссе" или в более поздние книги. С крахом европейского марксизма несколько лет спустя, к всеобщему ликованию, возник вопрос о том, где остались левые. Триумфаторы капитализма и демократии провозгласили - как мы теперь знаем, преждевременно - конец истории. Это было тяжелое время для левых - не только для полностью дискредитировавших себя марксистов-ленинцев - потому что все они, даже если они были антимарксистами (как большинство анархистов в то время), полагали, что история на их стороне. История не принимает чью-либо сторону".

Все левые, как оказалось, были более марксистами, чем они думали. Вот почему левые анархисты вроде Дэвида Х. цепляются за обрывки марксистской доктрины (как, впрочем, и Ноам Чомски), которые никогда не были полностью правдоподобными даже в рамках всего марксистского идеологического аппарата и ничего не значат за его пределами. Марксистская экономика, которой до сих пор балуются анархо-левые, дискредитирована как в теории, так и на практике. Но им нечем ее заменить. Я не думаю, что когда-либо существовал анархист-экономист, если только не считать Прудона, а он сейчас еще более неактуален, чем Маркс, когда речь идет об экономике.

Левые, хотя и утратили все теоретические основания для этого, по-прежнему твердо стоят на почве экономики ("базиса", как говорили марксисты). И база эта есть. Левые разделяют с идеологами капитализма миф о продуктивизме. То, что я называю отменой труда, то, что Шарль Фурье называл привлекательным трудом, то, что Уильям Моррис называл полезной работой против бесполезного труда, равносильно призыву к отмене экономики. Левые анархисты, которые смеются над этим, могли бы задуматься над тем, что то, к чему они якобы призывают, - отмена государства - вызвало бы не меньше смеха. Хотя экономика еще менее популярна, чем государство. Работа вообще не пользуется популярностью. Любое стоящее предложение начинает считаться безумным или скандальным".

Отмена работы, отмена государства, отмена экономики и даже отмена искусства: все эти отмены приходят в одно и то же место. Они не означают одно и то же, но обозначают одно и то же социальное состояние. В этом состоянии нет места институтам принуждения, таким как труд и государство. В этом состоянии нет места для работников. Вместо этого есть место (любое место) для игривых творцов, производителей и их друзей, и даже место для ленивых. В этом месте искусство, например, не является специализированной деятельностью. Оно может стать частью жизни любого, кто этого захочет, и почти все захотят этого в своей жизни, я верю, когда они смогут поверить в такую возможность. Революция повседневной жизни - единственная революция, которая стоит того, чтобы ее совершить. И отмена работы - центральная часть революции повседневной жизни.

IX. Послесловие к упразднению работы

Рассвет цивилизации был рассветом труда. В южной Месопотамии (Ирак) почти 6 000 лет назад "элиты стали рассматривать и использовать полностью обремененных трудом рабочих таким же эксплуататорским образом, как человеческие общества в течение непосредственно предшествующих тысячелетий рассматривали и использовали труд одомашненных животных". Это представляет собой новую парадигму социальных отношений в человеческих обществах. Пришло время для новой парадигмы. Дружище, а ты можешь предложить новую парадигму? Я пишу о работе (и против нее), время от времени, уже тридцать лет. К моему огорчению, отмена работы по-прежнему остается идеей, с которой меня чаще всего ассоциируют. Мое оригинальное эссе было многократно переиздано и переведено по меньшей мере на пятнадцать языков, включая эсперанто. Есть даже краткая выдержка из канадского учебника по производственным отношениям. Это больше внимания, чем я получал в большинстве анархистских изданий. Даже Wall Street Journal опубликовал лоботомированную версию "Нет будущего у рабочего места".

Я хотел бы, чтобы мои идеи о социальном порядке и разрешении споров в условиях анархии привлекали больше внимания. Я хотел бы, чтобы мои идеи о постлевом анархизме, которые широко распространены, привлекали больше внимания. Я хотел бы, чтобы моя критика анархистских знаменитостей, которые вовсе не анархисты, таких как Мюррей Букчин и Ноам Чомски (другие тоже это заметили), привлекала больше внимания. Большинство из того небольшого, что осталось от анархистской периодической печати, не публикует меня, не рецензирует мои книги и не ссылается на мои труды. Это их потеря, как и моя. Многим анархистам нужно немного поумнеть. Если анархизм - это комната, то я - слон в этой комнате.

Однако я всегда настаивал на том, что моя критика работы, как и критика демократии, адресована не только анархистам. Если бы это было так, она была бы довольно бесполезной. Работа важнее всего, на что жалуются анархисты, кроме, возможно, государства. Почти невозможно преувеличить значение работы в жизни каждого человека, хотя, возможно, я это и сделал, когда писал: "Работа - источник почти всех несчастий в мире". И все же в 19-м веке Поль Лафарг - зять Карла Маркса - мог написать следующее: "Все индивидуальные и общественные страдания порождены страстью к труду".

Мои статьи против работы адресованы всем, но особенно всем, кто работает, хочет работать или не хочет работать. Это касается практически всех. Я хотел бы, чтобы больше людей задумались над моей критикой работы - люди, которые не являются анархистами, марксистами, либералами или любыми другими идеологами.

Я никогда не терял интереса к теме работы. Эссе, собранные в этой книге в более или менее хронологическом порядке, демонстрируют мой постоянный интерес. А вот свидетельствуют ли они об улучшении моей критики труда, решать читателю. Перечитывая их, я получил много поводов для размышлений. Оно также подтолкнуло меня к тому, чтобы перечитать еще много других книг и кое-что пересмотреть. Честно говоря, я думаю, что в целом я все правильно понял с первого раза. Я поддерживаю все идеи о работе, изложенные в "Упразднении труда" и в моих последующих работах. Обычно я благоразумно воздерживаюсь от пророчеств. Но есть некоторые моменты, которые требуют разъяснения, например, значение слова "досуг".

Я получил немного насмешек, но очень мало серьезной критики. Основные критические замечания, одно от правых, другое от левых, развенчаны здесь. Надеюсь, эта книга спровоцирует новый виток необдуманной критики, которую я уничтожу. Я просто обожаю это делать.

Определение работы

Это из Бертрانا Рассела: "Прежде всего, что такое работа? Работа бывает двух видов: во-первых, это изменение положения материи на поверхности земли или вблизи нее относительно другой материи; во-вторых, это указание другим людям делать это". Он добавляет: "Первый вид неприятен и плохо оплачивается, второй - приятен и высоко оплачивается". Хотя один академик принял это за определение работы, на самом деле это просто остроумный способ критики работы.

Спорить об определениях всегда скучно, а "работу" определить сложнее, чем можно подумать". Мои первоначальные определения работы (краткая версия и длинная версия) были предназначены только для того, чтобы охватить то, что я считаю работой, и то, что большинство людей считают работой. Ничего вычурного. Оно включает в себя подневольный труд - рабство, крепостное право, кабалу и пеонаж, хотя эти формы труда отсутствуют в современных индустриальных и так называемых постиндустриальных обществах. Он включает в себя работу за зарплату или жалованье. Она включает в себя большую часть, а может быть, почти всю самозанятость и работу по контракту - особенно работу по контракту, которая в наши дни часто является замаскированным трудом за зарплату. Работа включает в себя работу по дому, оплачиваемую или неоплачиваемую. Тот факт, что моя критика в равной степени применима к рабству, наемному труду и домашней работе, должен смутить верующих в труд.

Включает ли работа школьное образование - это важный вопрос, который я буду продолжать игнорировать, не считая того, что я снова отмечу, что большая часть школьного образования связана с работой. Оно состоит (иногда) из профессиональной подготовки или, в минимальной степени, из подготовки к работе, такой как своевременное появление на рабочем месте, подчинение часам, неподвижное сидение почти час за раз и приобретение минимальных навыков чтения и арифметики. В конце концов, "самые распространенные и общие правила работодателей связаны с регулярной посещаемостью и своевременным приходом на работу". Судя по всему, школьное образование больше не занимается даже

этим. Школа - это в основном детский сад и превентивное заключение.

В примитивных обществах и во многих утопиях, как работу трудно отличить от игры, так и воспитание детей трудно отличить от игры. Дети наблюдают за работой, подражают ей и постепенно начинают работать. Иван Иллич называл "теневой работой" подготовку студентов к экзаменам, потому что она не оплачивается и редко делается ради удовольствия. В феминистской утопии "Герландия" "это все образование, но не учеба".

Образование там заключается в играх. В утопии 18 века Рестифа де ла Бретонна "работа - это почти игра, а игры - это форма образования". Сторонники обучения на практике, такие как Джон Дьюи и Мария Монтессори, правы в той мере, в какой это возможно. Но они не дотягивают до утопистов, для которых образование было не просто подготовкой к жизни, оно интегрировалось в нее. Этой идее не меньше лет, чем "Утопии" Томаса Мора. Немногие школы практикуют то, что проповедовали Дьюи, Монтессори и А.С. Нейл.

Независимо от того, удастся ли с помощью моих определений полностью охватить все перечисленные мною виды труда, моя цель - определить в качестве труда все виды деятельности, к которым применима моя критика труда. Я никогда не утверждал, что все мои критические замечания о труде применимы к любой рабочей ситуации. Например, не всякий труд вреден для здоровья или монотонен, и не каждый работник трудится долго. Но о чем бы я ни говорил - о недостатке самостоятельности (начальство и надзор), об отсутствии приватности (кабинки, слежка и стукачи), о недостатке творчества, о скучной и повторяющейся работе, об отсутствии разнообразия в работе, о небезопасной работе, о болезненной работе, о недоплаченной работе, о неоплачиваемой работе или просто о слишком большом количестве чертовой работы - большинство из этих критических замечаний в большей или меньшей степени применимы ко всему, что я называю работой. Так что не надо спорить, пожалуйста. Работа слишком важна, чтобы с ней возиться. Называйте ее как хотите, в своих целях, но, если вы обсуждаете мои идеи, вы должны использовать слова так, как это делаю я.

Я также использовал такие слова, как досуг и игра. Отказ от работы, безусловно, подразумевает досуг и игру. Я не думаю, что я неправильно использовал эти слова, но я не всегда использовал их точно. Из моего недавнего чтения я знаю, что никто не использует эти слова точно или последовательно. Поэтому я собираюсь более четко обсудить, что я имею в виду под досугом и игрой, в той мере, в какой я противопоставляю их работе. Я по-прежнему склонен игнорировать некоторые деградации досуга и игры, такие как отдых и спорт. Мне кажется, они уведут нас от главного вопроса: являются ли удовлетворения от отдыха и спорта (удовлетворения, которые воспринимаются как должное) лишь развлечением после работы, или же в них есть что-то, что можно включить в саму работу. Если это удастся сделать, то в результате можно будет вообще не работать.

Затем есть свободное время, которое не обязательно является праздным. В свободное время вы можете что-то делать, а можете и не делать. Один автор говорит о "деятельности для пропитания", которая включает в себя определенные виды деятельности, не оплачиваемые, но необходимые, такие как "минимальные потребности во сне, еде и связанных с ними действиях, таких как приготовление пищи и покупки". Но если "Никто никогда не должен

работать" после некоторого объяснения может иметь некоторый смысл для некоторых людей, то "Никто никогда не должен какать" - нет. Можно было бы определить эти виды деятельности как работу, как это уже было сделано, но я бы отличал биологические функции от приготовления пищи, покупок и поездок на работу, которые являются теневой работой. Приготовление и прием пищи - это виды деятельности, обладающие большим лудическим потенциалом: но приготовление пищи может быть работой, а прием пищи - просто заправкой. Сексом можно заниматься ради удовольствия или, как пропагандирует католическая церковь, ради рождения католических детей. Для Шарля Фурье, чьи обеды обычно сводились к скудному рациону странствующего торговца, "Гармония" была обществом, где люди наслаждались пятиразовым питанием в хорошей компании. В "Утопии" Томаса Мора и многих других, включая "Новости ниоткуда" Уильяма Морриса, еда является основным социальным событием. Я могу это понять. Но в обществе, где доминирует работа, "любое время после работы является "свободным", но даже это время, если за ним нужно следить, связано с работой"

От работы к игре

Мои критики до сих пор были простодушны или притворялись таковыми. Сначала я определяю работу и игру как антитезы: затем (они вопят) я призываю к их синтезу! Гегелевский диалектик принял бы это на веру, но мне не нужна диалектическая акробатика, чтобы быть понятым. Если бы это было так, я бы и сам себя не понял. С точки зрения схоластической логики, работа и игра - это противоположности, но не противоречия. Они различны, но не обязательно противоположны, если только это не обусловлено определением. С самого начала я выделил несколько предшественников - особенно Шарля Фурье и Уильяма Морриса, - которые говорили примерно то же, что и я, но своими словами. Говоря иначе, я говорю в основном то, что говорили они, но своими словами. Все, что стоит сказать, должно быть сказано, и лучше всего это сделать несколькими способами. Как и ситуационисты, моя цель - просто "заменить работу новым видом свободной деятельности...". О том, как это назвать, мы сможем беспокоиться после того, как проживем это.

С 1985 года я встречал все больше и больше версий идеи, которая является центральной для моего тезиса: возможность упразднения труда путем замены его всеобщей продуктивной игрой. Я не собираюсь собирать здесь цитаты. Но в качестве иллюстрации приведу кое-что из неожиданного источника: философа-прагматика и педагога Джона Дьюи. Он был столпом интеллектуального истеблишмента и умеренным социалистом - хотя и не скрывал этого. Он настолько респектабелен, что одна или две его книги до сих пор входят в учебную программу для студентов педагогических факультетов, в том числе книга (первоначально опубликованная в 1916 году), которую я сейчас цитирую: "Психологически работа - это просто деятельность, которая сознательно включает в себя заботу о последствиях как часть себя; она становится принудительным трудом, когда последствия находятся вне деятельности, как цель, для которой деятельность является всего лишь средством. Работа, которая остается пронизанной игровым отношением, - это искусство".

Я продолжаю отвергать определения игры, такие как определения Йохана Хьюзинги и Адриано Тильгера, которые исключают возможность продуктивной игры. Словарные

определения гораздо шире.

Тилгер так далеко зашел, что сказал: "В игре есть нечто иное, чем действие ради простого удовольствия от действия. В игре - если это настоящая игра - всегда есть что-то тривиальное. Игра несерьезна, в ней не может быть страсти". Хёйзинга, по крайней мере, понимал, что игра может быть серьезной. Только тот, кто никогда не видел детей за игрой, может сказать, что игра никогда не бывает серьезной. Так может сказать только тот, кто никогда не играл или забыл, что такое игра. Во многих видах работы "нет страсти". Очевидно, что может быть и продуктивная игра - есть охотники выходного дня, рыбаки, садоводы и успешные игроки в покер. Я не собираюсь позволять определениям мешать тому, что я говорю, особенно определениям, которые являются неверными.

Ранее я уже цитировал поэта-романтика Фридриха Шиллера: "Животное работает, когда лишения составляют основное направление его деятельности, и играет, когда полнота его сил составляет основное направление его деятельности, когда избыток жизни является его собственным стимулом к деятельности". Для Шиллера человек имеет двойную природу: "чистый интеллект" (Разум) в мире разума и "эмпирический интеллект" (Природа) в мире чувственного опыта. Они примиряются, и человек полностью становится всем, что он есть, в игре: "Таким образом, игровой импульс, в котором оба сочетаются, понуждает разум одновременно морально и физически; поэтому, поскольку он аннулирует все случайности, он аннулирует и все принуждения и освобождает человека как физически, так и морально". Язык Шиллера несколько цветист для современного вкуса, но его мысль хорошо понятна. Это имеет практические последствия. Как писал Шарль Фурье: "Наши удовольствия не связаны с промышленностью и, следовательно, непродуктивны; в то время как в комбинированном порядке они будут связаны с продуктивной промышленностью, которая сама по себе будет чередой удовольствий, когда станет привлекательной". Синтез работы (производство полезной продукции) и игры (деятельность ради нее самой) - это то, что я называю отменой работы.

Вот краткое резюме различий. Общее у работы и игры то, что они являются деятельностью, в то время как досуг (моя следующая тема) - это период времени. Общим для игры и досуга является то, что они являются добровольными, в то время как работа - нет. Из этих трех видов деятельности работа по определению продуктивна, игра не обязательно продуктивна или непродуктивна, а досуг по определению непродуктивен, потому что он не является деятельностью. "Досуг" - это сокращение от свободного времени. Свободное время можно использовать в продуктивной или непродуктивной деятельности, а можно просто пустить на самотек (это и есть безделье). Говоря иначе: "В какой-то момент меньшая работа плюс лучшая работа заканчиваются деятельностью, которую уже нет смысла называть работой, хотя она и обеспечивает средства к жизни". Мне повезло, что в 1985 году я был практически не знаком с огромной научной литературой о работе, игре и досуге. Если бы я изучил очень много деревьев, то, возможно, так и не заметил бы леса.

**** Досуг**

Досуг - это период времени, в течение которого человек не работает, хотя не всякое время, в течение которого человек не работает, является досугом. Греческое и латинские слова,

обозначающие "работу", являются отрицательными терминами, "не-досуг". Таким образом, слова "работа" и "досуг" являются антонимами, в то время как слова "работа" и "игра" таковыми не являются. Как таковой, досуг является "остаточной" категорией - это "свободное время", в том смысле, что это некоторое время, которое остается после вычитания рабочего времени. Но люди не занимаются досугом, когда они спят или едут на работу. Более полезное определение исключает биологические функции, а также деятельность, которая непосредственно связана с выполнением работы, например, поездки на работу или перерыв на кофе - если еще существует такое понятие, как перерыв на кофе.

Работа - это то, что вы должны делать, но не все, что вы должны делать, является работой. Изначально досуг означал время, свободное от работы: "Термин "досуг" происходит от латинского *licere*, что означает "быть разрешенным", и определяется в современном словаре как "свобода от занятий, работы или обязательств". Таково было классическое понимание. Аристотель (говорит он нам) "считал, что счастье зависит от досуга, потому что мы занимаем себя так, чтобы у нас был досуг... "Механики, рабы, освобожденные рабы, иностранцы, женщины и дети не должны приниматься в гражданство": "Необходимые люди - это либо рабы, которые удовлетворяют потребности отдельных людей, либо механики и рабочие, которые являются слугами общины... ибо ни один человек не может заниматься искусством, если он живет жизнью механика или рабочего".

Для Аристотеля и его класса досуг не был, как мы думаем, временем после работы. Для них такого времени не существовало, потому что они не работали. Для Аристотеля все во Вселенной имело назначение или врожденную тенденцию: цель. Целью досуга, в общем, было счастье: счастье культурных людей. Это было время, которое следовало посвятить гражданским обязанностям, но прежде всего - философии и созерцанию. Это, должно быть, особенно привлекало Аристотеля, потому что, в отличие от Платона, он не был афинским гражданином. У него не было гражданских обязанностей.

В традиционной мысли до сих пор бытует идея о том, что досуг имеет цель: более высокую, чем работа, конечно, и более высокую, чем телевидение, игры, смс и зрительский спорт. Считается, что досуг - это основа культуры. Но преобладает все же то понимание, о котором я писал в 1985 году: "Досуг - это не работа ради работы". Верно и то, что некоторые виды досуга "могут быть отчасти реакцией на социальное давление или сильные внутренние побуждения и поэтому не могут быть предпочтительной формой поведения" (среди прочих причин). Но это не помогает определить досуг, поскольку то же самое можно сказать о работе, игре и почти любой социальной деятельности. Жаловаться на это также бесполезно: "Рассматривать досуг только как передышку от работы - значит никогда не раскрыть его полный потенциал". Это молчаливое признание того, что на самом деле досуг - это только передышка от работы. Полный потенциал досуга реализуется только тогда, когда досуг осознается и подавляется.

Как мы увидим, за более чем 60 лет в США продолжительность рабочего дня увеличилась - и, соответственно, сократилось время досуга. Досуг в современном понимании должен быть, во-первых, отдыхом - передышкой от работы, иначе работник не в состоянии что-либо делать. Времени не остается ни на что, кроме пассивного потребления. После определенного момента, которого наверняка достигло большинство работников, по словам

Макса Вебера, "человек работает не для того, чтобы жить, а живет ради своей работы". Трудно поверить, но на протяжении многих лет интеллектуалы, такие как академики и священнослужители, а также политики и бизнесмены, считали досуг (не свой, конечно) социальной проблемой. Продолжительность рабочего дня действительно сокращалась с 1900 по 1920 год, в 1920-е годы - медленнее, а в 1930-е - быстрее, опустившись ниже 35 часов в неделю. Отсюда книги престижных издательств с такими названиями, как "Проблема досуга" и "Угроза досуга". Невероятно, но уже в 1960 году или около того "за исключением мыслей нескольких странных людей, все рассматривают "проблему досуга" узко, как слишком много, плохо проведенного времени". В 1963 году могла выйти книга с абсурдным названием "Вызов досугу". Существует прекрасный недавний обзор теорий "общества досуга" - как метко сказано, "неуловимого" - от последнего десятилетия XIX века до первого десятилетия XXI.

Но в 1950-е годы продолжительность рабочего дня росла, как и продолжала расти с тех пор. В 1920-1930-е годы, когда вопрос о сокращении рабочего дня все еще оставался одним из основных политических вопросов, существовало опасение, что увеличение свободного времени приведет к разврату и деморализации трудящихся. Рабочие должны быть заняты работой для их же блага и, кстати, для блага буржуазии. Эти же дворяне с помощью запрета уже ликвидировали утешение и социальный центр рабочего человека - салун, а телевидение еще не появилось, чтобы занять его часы досуга. "Отдых" был предложенным решением, или его частью, как дополнение к предоставлению назидательных культурных занятий: но люди лучшего сорта не были очень оптимистичны в отношении этих стратагем.

Параллельно с этим в Британии "в конце 1820-х и 1830-х годов довольно многие люди [среднего класса] начали воспринимать досуг рабочего класса как проблему и думать о распространении идеалов рационального отдыха в своих собственных рядах". Идея заключалась в том, чтобы достичь классового примирения путем реформы досуга. Она потерпела неудачу. Классовое сознание сохранялось. Интересно, что эта реформаторская идея возникла в Британии, а затем и в Америке, через 40 или 50 лет после промышленной революции. Именно тогда в обеих странах значительное меньшинство рабочего класса добилось сокращения рабочего дня (следовательно, большего досуга) и повышения зарплаты (следовательно, больше денег на досуг) - и в то же время работа была интенсифицирована и перегружена. Работа стала больше походить на работу и меньше на игру. Работников призывали находить удовлетворение не в работе, а после нее. Но даже досуг был потенциально хлопотным.

Многие комментаторы утверждали, что досуг - одна из важнейших проблем, стоящих перед обществом в ближайшие десятилетия. Но десятилетия шли и шли, а досуг по-прежнему не является центральным вопросом "живой политики". Он вообще не является политическим вопросом. Теперь я думаю, что одним из конструктивных способов использования возросшего свободного времени было бы - не использовать его вообще, а скорее "дорожить удовольствием от оцепенения". Я за радость безделья. Расслабленные, хорошо отдохнувшие люди - это здравомыслящие, мирные, общительные, счастливые, здоровые люди, даже если они не занимаются никаким делом и даже не смотрят канал "История". В последнее время я много читаю об утопиях. Меня поразили тот факт, что в некоторых из них одним из главных заявленных преимуществ было то, что люди больше не торопились. Уильям Моррис, который

до смерти работал, агитируя за социализм, озаглавил свою утопию "Эпоха отдыха". У достойной работы, писал он в другом месте, есть несколько характеристик, но он "поставил надежду на отдых на первое место, потому что это самая простая и естественная часть нашей надежды". Я не буду чрезмерно расстроен, если с увеличением свободного времени рабочие в большинстве своем не будут посещать лекции по внешней торговле, или ходить на курсы плетения корзин, или работать добровольцами в продовольственном кооперативе, или присоединяться к учебным группам по чтению Великих книг мира. Я думаю, что рано или поздно некоторые рабочие займутся чем-то из этого, но что они делают со своим свободным временем - не мое и не чье-либо еще дело.

Никто из тех, кто беспокоится о том, что будут делать работники с большим количеством свободного времени, никогда не намекал на то, что они сами будут тратить свое свободное время - если его у них будет еще больше - на выпивку, походы в кино или на трек. Любопытно, что они никогда не беспокоились о том, что эти другие люди могут тратить свое время так, как они тратили немного своего, например, на посещение церкви. Я подозреваю, что существовали более глубокие, невысказанные опасения: например, что люди будут чаще заниматься сексом и получать от этого больше удовольствия. Или они могли бы просто сесть и все обдумать. Но теперь такой опасности нет. Наше общество вовсе не движется к отказу от работы. Но оно делает огромные шаги в сторону отказа от досуга.

Бедность профессоров

Большая научная литература о работе, игре, досуге, отдыхе, спорте и т. д. отличается лишь тем, что не выделяется. Давным-давно (я имею в виду более 50 лет назад) несколько выдающихся социологов - Дэвид Рисман, Дэниел Белл, К. Райт Миллс - сказали несколько важных вещей о работе и ее недостатках. Все они придерживались левых взглядов в своей политике, в то время, когда не было модно склоняться влево, даже немного. Они даже призывали к возрождению утопического мышления, не понимая, что именно в 1960-е годы они в это ввязались. В настоящее время видные социологи, похоже, покинули эту область, хотя, признаюсь, я не очень хорошо осведомлен о видных социологах. Я почти уверен, что они не призывают к возрождению утопического мышления. Обожженный ребенок избегает огня.

Но, особенно начиная с 1970-х годов, досуг, игра, отдых и даже спорт - я бы сказал, особенно спорт - стали отраслями академического роста. Целые научные журналы посвящены этим обыденным темам: *Society and Leisure*, *Journal of Leisure Research*, *Play and Culture Studies*, *International Review of Sport Studies* и т. д. Существует Североамериканское общество социологии спорта. Часто проводятся конференции, издается множество книг. В конце концов, изучать игроков в гольф или бейсбольную лигу легче и приятнее, чем рабочих-мигрантов, заключенных или домохозяек. Французский учитель физкультуры маоистского толка написал структуралистскую критику спорта. Постмодемисты деконструировали историю спорта. Они должны деконструировать друг друга.

Однако эти ученые в лучшем случае посредственны. Они публикуют такие социальные исследования, которые К. Райт Миллс осудил как "абстрактный эмпиризм". Например, одно

исследование (1979), основанное на опросе, показало, что большинство работников утверждают, что большинство из них не стали бы работать, если бы не было необходимости (55 % в этом опросе). 47 % также сообщают, что они больше проявляют свои таланты на досуге, чем на работе. Без шуток! Другие исследования показывают, что владельцы средств производства могут иметь более высокие доходы, чем их работники... Эти выводы лишь немногим более информативны, чем научный закон, провозглашенный Театром огненных знаков: "Если вы толкнете что-то достаточно сильно, оно упадет".

Именно эти академические писаки спорят о значении таких слов и выражений, как работа, игра, досуг, отдых, спорт, свободное время, безделье и т. д. Они занимают должности или стремятся занять их в известных учебных центрах, таких как, упомянем лишь те, где профессора спорта проводят свободное время, - Университет Нью-Хейвена, Брайтонский политехнический институт, Питтсбургский университет в Брэдфорде, Иллинойский уэслианский университет, Университет штата Нью-Йорк во Фредонии, Технологический университет Кертиса, Университет Северного Колорадо и Университет Лафборо. Эти ученые знают о работе даже меньше, чем студенты, изучающие антропологию. Возможно, они даже знают о работе меньше, чем студенты-экономисты, хотя это суровое суждение, которое я не хочу выносить преждевременно. И все же я вынужден согласиться с Иваном Ильичом, что "экономисты знают о труде столько же, сколько алхимики о золоте". Давным-давно такие экономисты, как Адам Смит, Карл Маркс, Джон Стюарт Милль и Торстейн Веблен, знали о труде кое-что, кроме того, что он является одним из факторов производства. В общем, академики придумывают различия, которые не всегда очевидно уместны даже в их собственном низкопробном теоретизировании. Но они заставили меня более внимательно относиться к досугу. Им нужно более тщательно думать о работе.

Теперь я пересматриваю некоторые моменты, которые я сделал - или, скорее, набрал - за эти годы. Пусть начнутся игры!

Примитивное изобилие доказано

С чего лучше начать, чем с самого начала - до работы? Ранее я уже обсуждал, что я подразумеваю под фразой "первобытное изобилие". Во многих культурах, включая нашу собственную, существуют мифы о Золотом веке без работы в безвременном прошлом или в неизведанной стране. Один из них, пришедший из средневековой Европы, - это мечта о Стране Кокейн, где реки текут пивом и вином, кружки и бокалы "приходят сами", дома сделаны из еды, пшеничные поля огорожены "жареным мясом и ветчиной", люди занимаются сексом на улице, если им этого хочется, у них вечная молодость, а "тот, кто больше спит, больше зарабатывает". Некоторые предполагают, что эти мифы и фантазии основаны на остатках народной памяти. Я в этом сомневаюсь. Это просто сны усталых и голодных людей. Но в этнографиях, отчетах исследователей и путешественников, исторических записях и даже в археологии можно найти множество свидетельств первобытного изобилия.

Я имею в виду то, что Мюррей Букчин в своей проницательности назвал "абсурдной теорией "первоначального общества изобилия". Даже критик этой теории признал, что она "похоже,

устояла и стала представлять новый просвещенный взгляд на охотничье-собираТЕЛЬские общества". Она появляется в учебниках. Я рассматривал эту литературу в нескольких местах. Монография Ричарда Боршая Ли о сан (бушменах) остается самым тщательным количественным исследованием существования охотников-собираТЕЛЕЙ. Другие этнографии сан подтверждают его выводы. Это подтверждают и исследования других народов. В Восточной Африке хадза тратят на сбор пищи менее двух часов в день; мужчины больше времени проводят за азартными играми, чем за работой. Они объясняют, что не любят тяжелую работу. Они окружены ("инкапсулированы") фермерами. По своей воле они воздерживаются от сельского хозяйства. Еще одно подобное общество - индейцы гуаяки в Парагвае.

Изобилие и досуг были нормой в доконтактной Австралии. На Филиппинах индейцы манобо, практикующие сменное земледелие, работают по 4-5 часов в день. Есть два месяца, когда они вообще не работают. Даже субарктические индейцы в Канаде вели зажиточную жизнь, легко удовлетворяя свои основные потребности. В Кембриджской энциклопедии охотников-собираТЕЛЕЙ первоначальный тезис об обеспеченном обществе обычно принимается как должное.

Мне только что попалась монография о племени манобо из Минданао (Филиппины), которую, рискуя навлечь на себя нетерпение издателя, я не могу удержаться от цитирования. Автор, филиппинский аспирант антропологии, откровенно негодует по поводу этих ленивых фермеров, ведущих натуральное хозяйство: "Будучи примитивной группой, манобо, похоже, не имеют адекватного представления об издержках производства как об экономическом феномене в понимании [тада!] современных обществ".

И так будет продолжаться до тех пор, пока их нынешний образ жизни остается неизменным. Стоимость труда и продолжительность времени, необходимого для работы, кажутся им не более чем затратой энергии и последовательностью одного вида деятельности за другим. . . . Рабочее время также не имеет для них ценности. Они могут целыми днями сидеть и болтать с друзьями или работать, не желая заканчивать работу, чтобы сэкономить время для других дел. И только когда сезон подходит к концу, в них пробуждается неистовое желание работать".

Это было написано, по-видимому, в 1966 году или раньше, человеком, чьими религиями были католицизм и модернизация. Лопес не подвергался влиянию контркультуры, гарвардских антропологов из Калахари, французских интеллектуалов и всех остальных, кого ненавидели Мюррей Букчин и Норун Чомски. Он увидел первобытное изобилие там, где предпочел бы видеть прогресс. Это делает более правдоподобной версию о том, что он действительно это видел.

Существует несколько способов сократить рабочее время. Один из них - ранний выход на пенсию. В утопии Эдварда Беллруни "Взгляд назад" (1887) работа начинается в 21 год, а возраст выхода на пенсию - 45 лет. Другой способ сократить рабочее время - отсрочить начало выполнения серьезной работы. Среди сан молодые люди не должны регулярно обеспечивать себя едой, пока не выйдут замуж, что обычно происходит в возрасте от 15 до 20 лет для девушек и примерно на 5 лет позже для юношей, "поэтому нередко можно

встретить здоровых, активных подростков, переходящих из хрущевки в хрущевку, пока их старшие родственники обеспечивают их едой [цитата опущена]". "Учеба и обучение длятся до двадцати лет, затем наступает год путешествий, и многие остаются студентами до двадцати четырех или двадцати пяти лет". Аналогично, в романе Уэллса "Современная утопия" (1905) "учеба и обучение длятся до двадцати лет, а многие остаются студентами до двадцати четырех или двадцати пяти лет". Звучит знакомо. Я учился на юридическом факультете. Я обнаружил множество увлекательных параллелей между историями в литературных утопиях и историями в современных этнографиях. Возможно, когда-нибудь я смогу вернуться к этому вопросу.

Для фуражиров была рассчитана сводная таблица коэффициентов физической энергии. Речь идет о суточной норме энергозатрат (как рабочих, так и нерабочих). Для фуражиров он составляет 1,78 для мужчин и 1,72 для женщин; для садоводов - 1,87/1,79; для земледельцев - 2,28/2,31. Такая статистика ничего не говорит о характере выполняемой работы. По всем признакам, охота, собирательство и даже садоводство доставляют больше удовольствия, чем земледелие. Эта статистика не очень сопоставима ни со статистикой работы в индустриальном обществе, где труд длителен и тяжел, ни с работой в развитом индустриальном обществе, где труд также длителен и тяжел, но значительная его часть не связана с большой физической активностью. Тем не менее, эти подсчеты дополняют все остальные свидетельства того, что фуражиры работают меньше, чем все остальные, и что чем сложнее общество, тем дольше работают его работники.

Гораздо более короткое рабочее время первобытных людей лишь указывает на то, что примитивные общества имеют отношение к аргументу против работы. Как я уже не раз говорил, работа там обычно более разнообразна и сложна, чем современная, настолько, что границу между работой и игрой часто невозможно провести резко. Их языки могут не признавать такого различия, как, например, у йир йиронт в Австралии. "Условия труда" охотников и собирателей лучше, потому что большая часть их работы выполняется вне дома, а не на сборочных линиях, не в офисных кабинетах, не стоя целый день на ногах в банках и супермаркетах, не за рулем грузовиков или такси, не ходя целый день по ресторанам. Им не нужно ездить на работу: для них ходить на работу - то же самое, что быть на работе. Это то же самое, что ехать по живописному маршруту. Каждый маршрут живописен. Двигаясь по нему, они учатся. Работа может быть индивидуальной или совместной, но она никогда не подчиняется иерархии.

Не все эти преимущества применимы к садоводству или сельскому хозяйству. Сельское хозяйство поддерживает гораздо более высокую численность населения - но не в таком стиле. Но, как я уже отмечал, даже не слишком интересная работа, особенно если ее не слишком много, гораздо лучше выполняется в здоровой обстановке, в компании друзей и соседей, с достаточными перерывами на отдых и в праздничной атмосфере, часто включающей пение. Я привел пример сухого земледелия риса у кпелле в Либерии. Вот еще один пример - басуто на юге Африки:

На всех этапах сельскохозяйственных работ широко используются кооперативные рабочие группы, называемые мацема. Это веселые, общительные мероприятия, включающие от десяти до пятидесяти участников обоих полов. Простые люди приглашают на помощь своих

близких друзей и соседей, а старосты и вожди - своих сторонников. Незванным гостям рады при условии, что они выполняют какую-то работу. Эти мацема полезны, хотя и не очень эффективны. Они собираются утром около 9 часов и работают, с частыми перерывами на легкие закуски, примерно до 3 или 4 часов дня, под аккомпанемент непрекращающейся болтовни и пения... Когда хозяин считает, что они достаточно поработали, они переходят в его дом, где им подают еду и напитки, и вечеринка становится чисто светской".

Когда я читаю подобные рассказы, концепция Фурье о "привлекательном труде" кажется не такой уж фантастической. Пример Басуто не так уж далек от утопии Морелли: "Никто не считал себя свободным от труда, который, предпринятый совместно со всеми, становился легким и приятным". Сбор урожая, требующий самого долгого и тяжелого труда в сельском хозяйстве, был праздничным:

За всеми этими трудами следовали игры, танцы, деревенские пиры. Сочные блюда состояли из большого количества разнообразных вкусных фруктов. Хороший аппетит значительно повышал удовольствие от них. Наконец, дни, посвященные этим занятиям, были днями веселья и ликования, сменявшимися сладким покоем, которого мы, после наших пышных и буйных удовольствий, никогда не пробовали".

В утопии Томассо Кампанеллы "Город Солнца", написанной в 1602 году, "все люди выходят в поле с развевающимися знаменами, с трубами и другими инструментами, снаряженные в соответствии с случаем, будь то пахота, жатва, сев, сбор или уборка урожая. Все делается за несколько часов". В примитивных обществах жизнь не делится на работу и все остальное. И дело не в том, что работа иногда не бывает тяжелой или скучной. Но примитивные люди избавлены от временной дисциплины. В любой момент времени им не нужно ничего делать. И никто не указывает им, что делать. Как писала антрополог Люси Мейр о нуэрах, суданских скотоводах: "Ни один нуэр не позволит другому обратиться к нему с приказом". Или, как Маршалл Сахлинс описывает племенного вождя: "Одно его слово - и все делают, что хотят".

Переходный период

Уильяму Моррису было трудно примирить свой марксизм с утопизмом. Его мышление о труде было гораздо более продвинутым, чем то, что в то время преобладало среди марксистских политиков и интеллектуалов. Оно и сейчас такое. Он знал, что большинство политически мыслящих рабочих хотели государственного социализма, который бы отменил эксплуатацию и неравенство. В этом заключалось все содержание социализма для Эдварда Беллами, Августа Бехеля, В.Дж. Ленина и, как я подозреваю, Фридриха Энгельса. Моррис рассматривал его как программу-минимум, переходную программу. Он считал, что ее обязательно попробуют применить. Так и случилось. Она провалилась.

Даже если бы она удалась, на своих собственных условиях, Моррис не был бы удовлетворен:

Некоторые социалисты могут сказать, что нам не нужно идти дальше этого; достаточно, чтобы рабочий получал полную отдачу от своего труда и чтобы его отдых был обильным. Но хотя принуждение человеческой тирании таким образом упраздняется, я все же требую

компенсации за принуждение, вызванное природной необходимостью. Пока работа отвратительна, она будет оставаться бременем, которое нужно взваливать на себя ежедневно, и даже это будет омрачать нашу жизнь, даже если часы труда будут короткими. Мы же хотим приумножить наше богатство, не уменьшая при этом удовольствия. Природа не будет окончательно покорена, пока наш труд не станет частью удовольствия нашей жизни.

Я называю это отменой работы.

Должен быть какой-то переходный период. Невозможно предугадать, каким он будет, потому что обстоятельства, при которых восстание против работы может увенчаться успехом, непредсказуемы и, можно сказать, немыслимы.

Очевидно, что массовый отказ от работы был бы необходим. Но он не обязательно должен быть всеобщим. Взаимозависимость экономических институтов окажется их фатальной слабостью. Вопреки Ноаму Чомски, я не считаю, что для "значимой" революции "необходимо значительное большинство населения, которое признает или считает, что дальнейшие реформы невозможны в существующих институциональных рамках". "Представление о том, что в обществе не может быть эффективных изменений до тех пор, пока миллионы людей не обсудят их и не пожелают, - это одна из тех рационализаций, которые дороги ленивым и неэффективным людям". Можно выразить эту мысль еще сильнее. По мнению марксистского рабочего-интеллектуала Йозефа Дицгена, "правящий класс должен обязательно опираться на дедуктивный принцип, на предвзятое ненаучное представление о том, что духовное спасение и умственное воспитание масс должно предшествовать решению социального вопроса".

Это будущее будет хуже настоящего во много-много раз. Мир будет более жарким, более загрязненным, с более суровой погодой, с уменьшенным биологическим и культурным разнообразием. Богатые станут еще богаче, а бедные - еще беднее. Людей будет слишком много. Демократия все очевиднее будет выглядеть как прикрытие олигархии. "Но если бы президентом был католик (или чернокожий) (или женщина) (или еврей) (или гей)..." - этот мешок с трюками почти пуст. Как будет сказано ниже ("Прекариат"), тенденции в сфере труда, все из которых плохие, будут только усугубляться. Учитывая вездесущность (и беззаконие) государства национальной безопасности, заговоры будут невозможны, за исключением самого высокого уровня, где они являются обычным делом. Учитывая огромную численность армии и милитаризованной полиции, восстание в традиционном смысле будет массовым самоубийством. Тем не менее, если будет всеобщее сопротивление, то будет кровопролитие и много разрушений. После революции мир превратится в руины, даже если катастрофа не достигнет разрушения цивилизации, о котором мечтают некоторые люди.

Тем не менее новое общество без труда или общество, работающее без труда, будет отличаться от того, что Маркс называл первобытным коммунизмом, даже если оно отклонилось от цивилизации. Какими бы масштабными ни были разрушения или деградация окружающей среды, мир все равно будет заполнен, даже загроможден, зданиями, автострадами и промышленными товарами. Они будут представлять собой как проблемы,

так и возможности. Кропоткин и Малатеста сурово предупреждали, что кажущееся изобилие продуктов в магазинах не продлится долго. Но на какое-то время в изобилии появятся не скоропортящиеся продукты. Мы все станем мусорщиками, ныряющими на помойку, и я приветствую люмпен-авангард, который уже указывает нам путь. Переработка отходов станет более актуальной. И кто знает, что находится на свалках? Возможно, они окажутся сокровищницами. Возможно, пройдет много времени, прежде чем железные рудники и сталелитейные заводы придется открывать заново. А может, это время никогда не наступит.

Этот новый мир не будет не знать старого, из которого он вышел. Он слишком незабываем. Останутся технические знания в самом широком смысле: знания, которые были недоступны первобытным обществам и, более того, не нужны им - например, грамотность. Ни в прямом, ни в переносном смысле новому миру не придется изобретать колесо. Не придется и полагаться в своей истории только на устную традицию. Меня не волнует, насколько отчужденными считают эти навыки некоторые примитивистские интеллектуалы, чьи собственные навыки грамотности и счета иногда бывают на высоком уровне. На практике примитивисты упорно их отрабатывают.

Если вы и создадите свой новый мир, то в основном из того, что унаследуете от него, не только в материальном, но и в культурном плане. Если вы не будете использовать его выборочно и часто радикально оригинальными способами, вы почти по определению воссоздадите старый мир, который его создал и который он создал. Я хочу, чтобы мои идеи стали частью этого наследия: частью, которую можно использовать.

Этика труда

В первом абзаце я процитировал Поля Лафарга, писавшего в 1883 году, который с тревогой и презрением смотрел на "странное безумие", "любовь к труду, страсть к работе до истощения своих жизненных сил и сил своего потомства". Одно можно сказать точно: трудовую этику придумали не рабочие. Древнегреческие и римские писатели никогда не утруждали себя пропагандой трудовой этики среди своих рабочих. Их работники трудились на общественных началах. На европейском Западе эта идея зародилась, так сказать, с христианского учения о повиновении своим хозяевам и принятии своего жалкого положения в жизни. Отсюда многочисленные замечания Уэллса и Бертрана Рассела, например, о том, что трудовая этика - это мораль для рабов. Именно так, на ранних этапах британского индустриализма, она использовалась, особенно в методистской версии, для умиротворения рабочих классов. Даже в этой вульгарной религиозной форме она не является полностью недействующей. Но идея труда в конце концов обрела собственную жизнь, сначала освободившись от религии, а затем и от морали.

Книга Адриано Тильгера "Работа в веках", которая на самом деле посвящена отношению элиты к труду, коротка и понятна. Для древних греков работа - в смысле физического труда - была проклятием и ничем иным. Их слово, *ponos*, имеет тот же корень, что и латинское *роена*, "печаль". Для их современников, евреев, работа также была мучительной каторгой и, кроме того, наказанием или искуплением за грех. Но труд был почетным, если он

выполнялся для того, чтобы иметь возможность поделиться его плодами с нуждающимися братьями. Христианство опиралось на оба источника. Святой Фома Аквинский считал труд обязанностью, навязанной природой. Мы начинаем дрейфовать по опасной территории. Лютер поднял эту тему на новую высоту. Труд, несомненно, был моральным долгом для всех, кто способен работать, а законный труд - служением Богу: "Лютер возложил корону на потный лоб труженика. Из его рук выходил труд, наделенный религиозным долгом".

Для кальвиниста работа должна была выполняться для выполнения святой цели и ни для чего другого: Кальвин - "приверженец рынка". Труд - это не "богатство, имущество или мягкая жизнь": его плоды - это инвестиции. С точки зрения буржуазии, как заметил Энгельс, "там, где Лютер потерпел неудачу, Кальвин выиграл день". 19 век (это бесхитростная история) - золотой век труда. И тогда, и сейчас многие работают ради работы. Но Тилгер считал, что в его время (1920-е годы) желание работать стало ослабевать. Возможно, он прав. Но в 20-м веке, как раз в это время, главными выразителями трудовой этики, как заметил Х.Л. Менкен, были фашисты и коммунисты. Доктрина врожденной добродетели труда лежит в основе всех новых неевклидовых теологий, например, большевизма и фашизма, - хотя они и отвергают некоторые ее традиционные следствия. Все они горячо поддерживают труд и приберегают свои худшие анафемы для тех, кто стремится уклониться от него. В Хартии труда итальянских фашистов говорится: "Труд во всех его формах, интеллектуальный и ручной, является общественным долгом". На что Конституция СССР отвечает звучным антифоном: "Союз Социалистических Республик объявляет труд долгом всех граждан".

Согласно анархистской агиографии, анархисты во время Испанской революции (1936-1939) были самыми благородными, самыми героическими и самыми революционными рабочими, которых когда-либо видел мир: "Испанский анархизм оставался прежде всего народным движением, отражавшим заветные идеалы, мечты и ценности простых людей, а не эзотерическим кредо и тесно связанной профессиональной партией, далекой от повседневного опыта сельского жителя и фабричного рабочего" {Мюррей Букчин}. Фабричные рабочие Каталонии были сердцем и душой революции, гордостью и радостью того, что осталось от международного анархистского движения.

Я говорю клише, потому что именно так говорят анархисты, в том числе и на эту тему. Официальный анархизм, хотя и официально атеистический, превозносил трудовую этику, промышленные технологии, продуктивизм, идеологию солидарности и самопожертвования. А также самоуправление рабочих в промышленности. Официальный испанский анархизм продвигал эти принципы, возможно, даже более настойчиво, чем анархизм в других странах: "Прославляя труд как освободительный, доминирующие формы анархизма и, позднее, анархосиндикализма привели не только к принятию индустриализации, но и к ее поощрению". Большая часть современного анархизма идет тем же путем.

Однако появились шокирующие свидетельства того, что сами барселонские рабочие, независимо от того, были они анархистами или нет, часто не разделяли идеологию своих организаций и боевиков. У них не было трудовой этики ни при каких обстоятельствах. На практике рабочий контроль в Барселоне означал контроль над рабочими местами со стороны профсоюзных боевиков, которые не хотели, чтобы что-либо - даже интересы

рабочего класса - мешало увеличению производства для войны. До революции барселонские рабочие добились определенных успехов в повышении зарплаты и сокращении рабочего дня. Во время революции они защищали эти успехи и добивались еще более высокой зарплаты и еще более короткого рабочего дня. В конце концов, разве революция рабочего класса не должна быть выгодна рабочим? Если вы так считаете, то вы не понимаете, что такое рабочая революция. Правительство (в котором было несколько анархистов) и профсоюзы - как анархистский CNT, так и социалистический UGT - призывали к снижению зарплат и увеличению продолжительности рабочего дня. Как пишет историк Майкл Сейдман, у довоенного CNT было две стороны: это был не только профсоюз, боровшийся за сиюминутные выгоды своих избирателей, но и революционная организация, боровшаяся за контроль над средствами производства. Во время революции эти две функции Конфедерации вступают в конфликт, потому что рабочий класс Барселоны продолжит бороться, даже при более неблагоприятных обстоятельствах, за меньшую работу и большую зарплату.

В результате возник классовый конфликт между рабочими и представителями их класса, то есть именно то, что анархисты вроде Бакунина предсказывали в случае прихода к власти социалистического правительства. Рабочие сопротивлялись работе теми же способами, что и всегда: прогулами, саботажем, воровством, снижением темпов работы, отказом от сверхурочных, несанкционированными отпусками, односторонним принятием сокращенной рабочей недели и даже забастовками. Начальники - а как их еще назвать? - отвечали так, как всегда отвечают начальники: увещеваниями, угрозами, увольнениями, отправкой своих агентов для расследования подозреваемых случаев фальсификации, штрафами и уголовными преследованиями.

Однако были и новые меры, вероятно, вдохновленные советским примером. Министр юстиции CNT в центральном правительстве Гарсия Оливер - видный боевик из авангардной анархистской организации PAI - учредил трудовые лагеря (иногда называемые, даже их сторонниками, концентрационными лагерями) в качестве пенитенциарных учреждений: "Крайнее, но логичное выражение испанского анархо-синдикализма". Охранники были набраны из CNT.

Книга Сейдмана была опубликована в 1991 году. Я упоминал о ней то в одном, то в другом месте. Возможно, мне следовало бы ее просмотреть, потому что, насколько я знаю, ни один анархист или левый никогда этого не делал. Но, как люфтвафсмен, я не могу выполнять всю тяжелую работу. Я и так делаю слишком много. Для нынешних целей я привожу пример Испании как высшую драматизацию того факта, что трудовая этика предназначена для боссов, а не для рабочих.

Одна вещь никогда не менялась: "необходимость держать бедных в довольстве". Это заставляло богатых на протяжении тысячелетий проповедовать достоинство труда, заботясь о том, чтобы самим быть недостойными в этом отношении" (Бертран Рассел). Как сказал Уильям Моррис в 1884 году, "в вероучение современной морали вошло, что всякий труд хорош сам по себе - удобное убеждение для тех, кто живет за счет труда других".

Первоначальная теория Макса Вебера о протестантизме и капитализме касалась не трудовой этики рабочих. Речь шла о трудовой этике торговцев. Сомнительно, чтобы какая-либо трудовая этика когда-либо доминировала в сознании большинства рабочих. Большинство рабочих не так тупы, как их иногда выставляют интеллектуалы. А большинство интеллектуалов не так умны, как им кажется. По словам историка труда Герберта Гутмана, "во все периоды американской истории - когда страна была еще доиндустриальным обществом, во время индустриализации и после того, как она стала ведущей промышленной страной мира, - самые разные американцы, некоторые из них более известные и влиятельные, чем другие, давали понять своими мыслями и поведением, что протестантская трудовая этика не была глубоко укоренена в социальной ткани страны".

Другой сферой научных интересов Гутмана была история афроамериканцев. Не слишком удивительно, что он нашел свидетельства того, что рабы, хотя почти все они были благочестивыми протестантами, не придерживались протестантской трудовой этики. Я во многом согласен с этим суждением: "Если посмотреть на ситуацию с той самой исторической точки зрения, которая якобы ее породила, объяснения в терминах протестантской этики оказываются не более чем изобретением социальных наук двадцатого века с необоснованными претензиями на древнюю родословную. Вебер приводит мало доказательств, и слишком большая их часть состоит из бессодержательных, авункулярных сентенций из "Альманаха бедного Ричарда". Его автор, Бенджамин Франклин, не был кальвинистом и, вероятно, не был христианином. Он был вполне современным человеком: возможно, первым.

Есть одна вещь, которую протестантское христианство сделало: оно убрало веселье из субботы, дня отдыха. Оно предписывало воздерживаться от работы, конечно, но и от игр тоже, и обязывало слушать длинные проповеди. Даже работа может быть, как заметил Ницше, более приятным использованием времени: "Трудолюбивые расы с большим трудом переносят досуг: шедевром английского инстинкта было сделать субботу такой святой и такой скучной, что англичане начинают бессознательно снова жаждать своего рабочего и недельного дня". Но англичане не всегда были такими. Они стали такими, отчасти, возможно, благодаря религии, но в основном благодаря самой промышленной дисциплине.

Даже сейчас предпринимаются попытки, в основном академиками из школ третьего уровня, использовать религию для оправдания работы и использовать работу для оправдания религии. Я наткнулся на огромную книгу, антологию в 524 страницы, озаглавленную "Справочник по духовности на рабочем месте и организационной деятельности". Многие из 32 эссе категорически утверждают, что "духовность" - их эвфемизм для религии - повышает производительность. Они ссылаются на некоторые исследования. Однако ни одно из их собственных исследований не содержит прямых доказательств причинно-следственных связей. Они считают, что так и должно быть. Благочестивые люди вечно путают "есть" с "должно".

Но, возможно, они правы. Традиционная функция рабской морали - примирить бедных, слабых, изможденных, особенно трудящихся, с их жалкой судьбой. Если угнетенные будут терпеливы, то после смерти они получают "пирог с неба". Для этих социологов и профессоров менеджмента не должно быть слишком сложно провести исследование и сравнить

производительность труда духовных и недуховных работников. Вместо этого их утверждения и, когда они пытаются что-то утверждать, их аргументы основаны на столь грубых приемах, что они смутили бы любого компетентного карточного шулера или судью Верховного суда.

В конце концов, их тема - не субъективный опыт духовности отдельных работников (или то, что академики или сами работники принимают за священное или сверхъестественное). Их тема - духовность рабочего места, бессмысленная фраза. Как правило, цель рабочего места - делать деньги для владельцев. Не существует духовных рабочих мест. Духовность рабочего места относится к некоей культуре рабочего места. Их определение: "Духовность рабочего места - это система организационных ценностей, отраженная в культуре [фирмы], которая способствует переживанию сотрудниками трансцендентности в процессе работы, облегчая им чувство связи с другими людьми, что дает ощущение полноты и радости".

Таким образом, духовности на рабочем месте не существует - во-первых, потому что не существует опыта трансцендентности; во-вторых, потому что, даже если бы он существовал, не было бы такого опыта "через рабочий процесс". Даже христиане до сих пор не проповедовали и не практиковали никаких подобных духовных упражнений. Иисус был против работы, хотя современные христиане на этом не заикливаются. Истинно говорю вам, рабы, повинуйтесь господам вашим, да (св. Павел): но не ждите прозрений на работе. "Культура" означает многое - слишком многое, - но если она не имеет отношения к работе, то не может иметь отношения и к "организационной эффективности". Ни один из авторов антологии не сообщает о своем личном опыте трансценденции или о чувстве полноты и радости, которые он испытал при работе над антологией.

По делам их узнаете их. Существуют определенные "духовно связанные с работой практики, такие как разделение прибыли, гарантии занятости, поощряющие просчитанный риск, более узкие различия в зарплате и статусе, процессы эффективного участия в принятии решений в организации и гарантии прав отдельных работников, [которые] широко коррелируют с более высокими темпами роста производительности труда...".

Если эти практики повышают производительность, то они повышают ее независимо от того, испытывает ли кто-то трансцендентальные переживания. Все они относятся к реформам, которые ранее продвигались в рамках "прогрессивной концепции управления человеческими ресурсами (HRM)" в исследованиях производственных отношений, в которых не было ни слова о духовности на рабочем месте. Прогрессивная парадигма так и не была принята большинством работодателей. Ей нет места в современном мире труда с его более продолжительным рабочим днем, падением реальной заработной платы, сокращением штатов, аутсорсингом и надвигающимся упразднением карьеры в смысле постоянной, полной занятости с льготами. Легче повысить производительность труда с помощью новых технологий, интенсификации работы и увеличения продолжительности рабочего дня. Все эти авторы оторваны от реальности на рабочем месте, а возможно, и от реальности вообще. Слово "профсоюзы" не встречается в указателе к Справочнику. Духовность на рабочем месте - это окончательная, искаженная версия протестантской этики, загрязненная бизнес-бустеризмом, мистицизмом Нью-Эйдж, "12 шагов" и даже Трансцендентальной медитацией.

Рабочие, возможно, в целом и не приняли трудовую этику, но левые рабочие приняли ее и принимают до сих пор. Именно они были реальной, хотя и неявной, мишенью гнева Поля Лафарга. Возвеличивание труда не было свойственно сталинистам и фашистам, хотя они, возможно, до сих пор не превзойдены в этом. Бакунин провозглашал достоинство труда и позорность жизни без работы: "Труд есть фундаментальная основа достоинства и прав человека, ибо только посредством своего собственного свободного, разумного труда человек становится в свою очередь творцом, отвоевывает у окружающего мира и своей собственной животной природы свою человечность и права и создает мир цивилизации". Он был прав насчет труда как творца цивилизации, но она была достигнута подневольным трудом. Что касается анархистов Кропоткина и Малатесты, то, по словам Малатесты, они оба "с полным основанием превозносили морализирующее влияние труда", что еще раз подтверждает мое мнение о том, что критика морализма и критика труда тесно связаны, потому что морализм и труд тесно связаны. Они оба должны быть отвергнуты безоговорочно, ибо, если только один из них будет отвергнут безоговорочно, другой вернет его обратно.

Начиная с 1940 года (моя следующая тема) продолжительность рабочего дня постоянно увеличивалась, при этом работа не стала приносить больше удовлетворения - скорее наоборот. В работу как никогда легко верить как в суровый факт, но как никогда трудно верить как в идеал. Трудовая этика, вероятно, сохранилась лишь в нескольких буржуазных анклавах, таких как юридические фирмы и кабинеты руководителей, где часы работы длиннее, чем где-либо еще, хотя деньги лучше. В ходе опроса, проведенного в 1950-х годах, почти 90 % руководителей сообщили, что продолжали бы работать, даже если бы имели независимый доход, обеспечивающий их нынешний уровень жизни. Некоторые из яппи 1980-х и 1990-х годов, которых карикатурно называют самовлюбленными, работали по 60, 80 и даже 100 часов.

Несомненно, это происходит и сейчас. Когда человек втягивается в рабочую рутину, а затем берет на себя все больше и больше работы в ущерб остальной жизни, при этом зарабатывая много денег, ему приходится говорить себе, что он не такой уж саморазрушительный дурак, каким кажется. Вы лучше других людей, которые по сравнению с вами - вами, гордым хипстером-стахановцем, - бездельники. Вы можете позволить себе латте за 6 долларов в Starbucks, и вам понадобится их много, чтобы не заснуть так долго. Это не этика: это одержимость. Вы безумны.

Я уже рассказывал об этом анекдоте. Один мой старый друг - Том Конлон - работал программистом в Microsoft во времена ее расцвета и рано ушел на пенсию. Он рассказал мне, что, поскольку Билл Гейтс был либеральным боссом (а сейчас - самым богатым человеком в мире), в офисе ходила шутка, что вы можете работать "любые 60 часов, которые вам нравятся". Некоторые клинические психологи признают, что трудоголик, по сути, является наркоманом. Что бы ни побуждало работников всех уровней работать в наши дни, это, скорее всего, не трудовая этика. Скорее всего, это традиционные потребности в еде, одежде, жилье и респектабельности, а также сила привычки, обоснованная неуверенность в себе или какая-то безумная одержимость. В Японии настолько распространена практика, когда рабочие работают до смерти по 60-70 часов в неделю, 10 000 смертей в год, что для ее обозначения есть слово: "кароши".

Часы работы

Я уже обсуждал здесь и в других статьях продолжительность работы в примитивных обществах. Работа в доиндустриальных обществах, хотя иногда и была тяжелой, не всегда была продолжительной, поскольку у крестьян, по крайней мере в умеренном климате, было много времени для отдыха. Как заметил Джон Стюарт Милль, рассуждая о сельском хозяйстве: "Один и тот же человек может выполнять их все [пахоту, сев и жатву] подряд и иметь в большинстве климатов значительное количество незанятого времени". В средневековой Европе, по одним подсчетам, было 115 праздников и 52 воскресенья, которые были свободны от работы. Для Франции времен старого режима Поль Лафарг насчитал 52 воскресенья и 38 праздников. Для сравнения, рабочее время современных американцев и, я полагаю, большинства людей во всем мире стало еще хуже.

На ранних этапах индустриализации продолжительность рабочего дня значительно увеличилась, и, поскольку работа была ухудшена, пострадали и работники. Именно поэтому восьмичасовой день был, пожалуй, самым важным вопросом конца 19 века для промышленных рабочих. Именно за него заплатили жизнью анархисты с Хеймаркета в Чикаго. Как я расскажу далее, сокращение рабочего дня было самым важным требованием американских рабочих вплоть до конца 1930-х годов, как бы немыслимо это сейчас ни казалось. С 1900 по 1920 год "продолжительность рабочего дня резко сократилась с чуть менее 60 часов до всего 50. В 1920-е годы этот процесс замедлился, но снова ускорился, когда еженедельные часы упали ниже 35 часов". С 1900 по 1940 год средняя рабочая неделя штатных работников сокращалась примерно на 8 процентов за десятилетие".

В то время был принят закон о 40-часовой рабочей неделе, хотя он не распространялся на многих работников, которые больше всего в этом нуждались, например, на сельскохозяйственных рабочих. Он и сейчас не распространяется на сельскохозяйственных рабочих.

Во время Второй мировой войны, по понятным причинам, продолжительность рабочего дня увеличилась, поскольку миллионы мужчин были призваны в армию (например, мой отец). В то же время необходимо было значительно увеличить промышленное производство, потому что Соединенные Штаты стали Арсеналом демократии, поставляя военное снаряжение не только своим военным, но и нашим союзникам. Некоторые из них - например, Советский Союз и Китай - не дотягивали до демократии. На смену мужчинам пришли женщины, вдохновленные, возможно, культовой "Рози Клепальщицей", а возможно, необходимостью зарабатывать на жизнь без работающего мужа, и, что удивительно, оказалось, что женщины могут делать все, что могут делать мужчины. Профсоюзы приняли "обязательство не бастовать" в обмен на высокие зарплаты, в том числе за сверхурочную работу, хотя некоторые рабочие восставали против обязательства не бастовать, устраивая дикие забастовки (дикая забастовка - это забастовка, не санкционированная профсоюзом).

В условиях нормирования не на что было потратить все эти возросшие доходы - ни одного частного автомобиля, например, не было произведено с 1942 по 1945 год. Точно так же нашим не на что было тратить накопленную зарплату, кроме как на английских девушек,

которые стоили недорого. Именно по этим причинам после войны произошел массовый рост потребительских расходов, что привело к появлению общества потребления, которое мы имеем до сих пор. Многие рабочие процветали. Почти все профсоюзы выступали за повышение зарплаты и увеличение дополнительных льгот, а не за сокращение рабочего дня. Об этом я расскажу позже.

Здесь меня интересует то, что произошло с продолжительностью рабочего дня после Второй мировой войны. Сначала рабочая неделя стабилизировалась на уровне 40 часов. Согласно всем теоретикам производительности труда, она должна была постоянно снижаться. Согласно всем фактам, она постоянно росла. На самом деле она росла с 1940 года - временно, из-за войны, но затем постоянно. В 1980-х и 1990-х годах она увеличилась на один месяц: на 163 часа. Это объясняется как увеличением продолжительности рабочего дня, так и увеличением продолжительности рабочей недели. Рабочее время продолжает расти. Однако в 1961 году и позже эксперты все еще говорили: "В будущем нас ждет больше досуга и меньше работы".

Я обсуждал рабочее время наемных работников. Но это не единственные работники. Есть еще и домохозяйки. Поскольку большинство домохозяек к настоящему времени также являются наемными работницами, существует тенденция игнорировать часть их труда, связанную с работой по дому, как если бы она была остаточной. Либеральные феминистки считают, что массовая пролетаризация женщин с 1970-х годов - это прогрессивное развитие для женщин. Как же они ошибаются! Эти либеральные феминистки, замечу, сами не являются пролетариями. Некоторые из них, как я подозреваю, не являются домохозяйками. Наемный труд не заменил женщинам работу по дому. Для большинства женщин он лишь добавил бремя работы по найму к бремени работы по дому. Возможно, некоторые мужья делают немного больше работы по дому, но работающие жены, безусловно, делают гораздо больше работы по найму. Они работают больше часов, чем когда-либо. Этой теме не уделяется достаточно внимания.

Однако в первой половине XX века было проведено несколько исследований. Одно из них, сравнивающее работу по дому городских домохозяек в 1930 и 1947 годах, показало, что рабочая неделя увеличилась с и без того чрезвычайно высоких 63,2 до 78,5 часов в небольших городах и до 80,5 часов в больших городах. Другое исследование, проведенное среди сельских домохозяек в домах, где еще не было электричества, показало, что эти домохозяйки "тратили на работу по дому лишь [!] на 2 % больше времени, чем женщины, чьи дома были электрифицированы и которые пользовались многими трудосберегающими устройствами". Другие исследования показали, что домохозяйки в сельских общинах работали 62 часа в 1929 году и 61 час в 1964 году. Другое исследование, проведенное в городах: в 1929 году - 51 час. В 1945 году в маленьких городах - 78 часов, в больших - 81 час.

Неважно, что эти исследования расходятся в деталях или что их методология может быть безупречной по возвышенным стандартам исследований 21 века. Я пытаюсь обрисовать общую картину. Очевидный вывод заключается в том, что часы работы по дому уже давно стали даже больше, чем часы работы по найму, а зачастую и намного больше. А сейчас все еще хуже: "Домохозяйки остро осознают тот факт, что, как бы много или мало мужья ни

делили с ними домашние обязанности, ответственность за выполнение работы остается за ними".

В 1965 году исследование показало, что средняя американская женщина тратит 4 часа в день на работу по дому (28 часов в неделю) и 12 часов в день на работу по дому (26 часов в неделю), в общей сложности 54 часа в неделю. У матери было больше работы, в том числе потому, что ей больше не помогали горничные, прачки и посудомойки. Ей никогда не помогал отец, который также работал больше часов. После утомительного, нудного и унижительного дня он с нетерпением ждал, когда жена встретит его у входной двери, виляя хвостом, с газетой во рту. Немного позже женщины стали выходить из дома, чтобы заниматься наемным трудом. Но работа по дому по-прежнему ждала их, когда они возвращались домой: "Тридцатипятичасовая неделя (работа по дому), добавленная к сорокачасовой неделе (оплачиваемая работа), дает рабочую неделю, с которой не могут сравниться даже потогонные фабрики". Благодаря капитализму и небольшой поддержке феминизма современная женщина наслаждается худшим из двух миров. Но ей разрешено голосовать.

Короткие часы

Здесь я хотел бы пересказать историю, которая не была известна мне ни в 1985 году, ни в течение многих других лет. В 19 веке сокращение рабочего дня было главным вопросом для организованного труда. Именно об этом шла речь во время агитации в Хеймаркете: рабочие под руководством анархистов требовали 8-часового дня. Это было не просто требование сократить рабочий день, что означало бы требование снизить оплату. Это означало сокращение рабочего дня, чтобы рабочие работали меньше, но получали такую же или более высокую зарплату, чем при большем рабочем дне. Это понималось как требование заработной платы. И, как уже отмечалось, продолжительность рабочего дня действительно сократилась.

Во время Великой депрессии 1930-х годов сокращение рабочего времени стало еще более насущным требованием, и профсоюзы требовали как пятидневной недели (которую они получили), так и 30-часовой (которую они не получили). Не нужно быть сумасшедшим утопистом, чтобы найти что-то иррациональное, не говоря уже об аморальном, в ситуации, когда одни рабочие работали долго, а десятки миллионов других рабочих были безработными. (Любопытно, что именно такая ситуация сложилась сейчас.) Даже некоторые политики, журналисты и профессора колледжей считали, что здесь что-то не так. Очевидно, что необходимо разделить богатство и разделить труд. В 1933 году, когда президентом был избран Франклин Д. Рузвельт, считалось, что сокращение рабочей недели находится на грани принятия.

Однако президент решил иначе. Повременив с решением этого вопроса, он вскоре высказался за другое решение экономического кризиса. Ответ заключался не в сокращении продолжительности рабочего дня, а в увеличении количества рабочих мест и увеличении объема работы. С тех пор это стало общепринятым мнением. При его администрации была введена 40-часовая неделя, а также (очень низкая) федеральная минимальная заработная

плата. А также социальное обеспечение (пенсии по возрасту), которое представляет собой другой вид мер по сокращению рабочего времени. Организованный труд продолжал настаивать на сокращении рабочего дня, но в конце концов уступил.

Одна из ироний здесь - помимо того, что Рузвельт был избран и неоднократно переизбирался при сильной поддержке рабочих - заключается в том, что его политика, которая не привела к значительному сокращению рабочего времени, также не привела к значительному сокращению безработицы. Другое дело, что 40-часовая неделя была пустым жестом в то время, когда средняя продолжительность рабочей недели составляла менее 35 часов. Даже законодательно установленная 35-часовая рабочая неделя могла бы что-то значить. После Второй мировой войны продолжительность рабочей недели стабилизировалась на уровне 40 часов. 35-часовая рабочая неделя могла бы многое значить сейчас, когда 40-часовая неделя превратилась в фарс. Два экономиста подсчитали, что "при самых благоприятных условиях сокращение рабочей недели с 40 до 35 часов привело бы к увеличению почасовой заработной платы по меньшей мере на четырнадцать процентов, если бы рабочие сохранили свой уровень дохода".

Поражение лейбористов на законодательном уровне не должно было стать концом дела. Другая мера Рузвельта, Закон о национальных трудовых отношениях, легализовала и одомашнила профсоюзы. Закон узаконил организацию профсоюзов на рабочем месте, ведение коллективных переговоров и право на забастовку. Рабочие могли бы возобновить борьбу за сокращение рабочего дня на коллективных переговорах с конкретными работодателями. Но профсоюзы никогда не делали этого, ни в каком серьезном смысле. Здесь я привожу пример одного важного профсоюза, рядовые члены которого, но не его руководство, продолжали бороться за победу. Но проиграли.

После Второй мировой войны и в 1950-е и 1960-е годы, по крайней мере, в одном крупном профсоюзе United Auto Workers - локале 600 на заводе Rouge в Детройте - рядовые члены профсоюза постоянно оказывали давление на руководство, требуя сокращения рабочего дня в коллективном договоре. Здесь есть длинная и грязная история о том, как профсоюзные боссы - прежде всего Уолтер Ройтер, которого левые считают святым, - обманули членов профсоюза. Они притворялись, что ставят требование о сокращении рабочего времени на стол переговоров, только для того, чтобы каждый раз выторговывать его первым, делая при этом все возможное, чтобы уменьшить настроения рабочих в отношении сокращения рабочего времени. На переговорах по контракту с Ford Motor Company в 1958 году UAW даже не потрудились выдвинуть требование о сокращении рабочего времени.

Уолтер Ройтер, номинально социалист, был согласен с Рузвельтом в том, что американским рабочим нужно не сокращение рабочего дня, а больше работы. На протяжении всей своей профсоюзной диктатуры, хотя иногда он и лгал об этом, он последовательно выступал против требований о сокращении рабочего дня. Как обеспечить фабричных рабочих постоянной работой, причем в большом количестве? Тем же способом, что и Рузвельт: с помощью военного производства. Ройтер был либералом времен холодной войны, антикоммунистом и милитаристом, как и многие современные либералы, такие как Барак Обама и Хиллари Клинтон, только теперь угрозой якобы является исламизм, а не коммунизм. Военная экономика, начавшаяся во время Второй мировой войны, продолжается

и по сей день, хотя военного производства оказалось недостаточно, чтобы предотвратить массовое увольнение профсоюзных работников. Их рабочие места были ликвидированы или вывезены за границу.

Переговоры между руководством и трудовым коллективом больше не касаются того, сколько денег и льгот должен получить трудящийся в результате значительного повышения производительности и увеличения прибыли. Теперь речь идет о том, сколько труд будет отдавать. Когда профсоюзы отказались от требования сократить продолжительность рабочего дня, это стало началом конца для профсоюзов. Это была не единственная причина упадка профсоюзов, но в их упадке нет никаких сомнений. В 1953 году в профсоюзах состояло 35 % рабочей силы. В 1975 году - 25 %. К 2009 году их было менее 12 % - и только 7 % рабочей силы в частном секторе. Вероятно, большинство работников, состоящих в профсоюзах, теперь являются государственными служащими, которым запрещено бастовать. NLRA на них не распространяется. В моем детстве (в районе Детройта) забастовки были обычными новостями, о которых время от времени сообщали СМИ, не предполагая, что в забастовках есть что-то необычное. Теперь они редки. Учитывая фрагментацию работы за счет заёмного труда (см. ниже), невозможно представить, что профсоюзы когда-либо снова добьются чего-либо для рабочего класса. Вот вам и синдикализм.

Я не особенно сожалею об этом. Все профсоюзы олигархичны. Все профсоюзы контрреволюционны. Все профсоюзы сотрудничают с руководством и полицией для подавления несанкционированных "диких" забастовок, как они делали это в 1970-е годы, когда профсоюзы еще обладали некоторой властью. Мы никогда не отменим работу без какой-либо революции. Профсоюзы, если они еще существуют, не будут иметь к этому никакого отношения. Все, что выводит бизнес из бизнеса, выводит из бизнеса и профсоюзы. Профсоюзы - это, по сути, предприятия. Они гораздо больше похожи на страховые компании, чем на общественные движения.

Как политический или даже трудовой вопрос, сокращение рабочего времени давно умерло. Однако примечательно, как долго призрак сокращенного рабочего дня преследовал властную элиту. Президент Джон Ф. Кеннеди, либерал, в 1963 году отверг 35-часовую неделю. В 1964 году его преемник Линдон Б. Джонсон, еще один либерал, также отверг ее в своей речи "О положении дел в стране". И никто тогда даже не выступал за сокращение рабочего дня! Насколько мне известно, с тех пор ни один американский политик не упоминал об этом вопросе. Сокращение рабочего дня - это слон в рабочей комнате и в каюте.

Сокращение рабочего времени - это не отмена работы. Это не утопия. Но если существует такая вещь, как радикальная реформа, то сокращение рабочего времени - это радикальная реформа. Аристотель был прав: жизнь в труде не оставляет времени для лучших занятий. Она также не развивает способности к лучшей деятельности, а подавляет их. Адам Смит тоже это знал. Уильям Годвин добавлял: "Бедняков удерживает в невежестве отсутствие досуга". Мы знаем, что гораздо более короткий рабочий день возможен даже в условиях промышленного капитализма, потому что в этих условиях рабочий день был гораздо короче. К сожалению, я не представляю, как осуществить эту радикальную реформу.

А сколько времени - это слишком много? Большинство писателей-утопистов со времен Платона (которому было безразлично, сколько времени работают рабы и ремесленники) включали в свои планы сокращение рабочего дня. Для Томаса Мора (1516), который был первым настоящим утопистом: 6 часов. Более поздние утопии часто обещают 4 часа. Так же поступали некоторые анархисты и утопические социалисты. Уильям Годвин в 1793 году считал, что достаточно полчаса в день равного ручного труда. Для Этьена Кабета (1840): 7 часов летом, 6 часов зимой. Для Генриха Олериha и Хоакина Миллера (оба в 1893 году): обычно 2 часа. Для У. Д. Хоуэллса (1894): 3 часа в день на "обязаловку": для добропорядочного гражданина-утописта дальнейшие "добровольные труды, которым он уделял много времени или мало, не приносили ему увеличения этих необходимых вещей, а только кредит и расположение". Анархо-коммунист Александр Беркман обещал 3 часа. Для Олдоса Хаксли: 2 часа в день для профессоров и правительственных чиновников: но они также занимаются "мускульной работой" в свободное время, потому что сидячий образ жизни вреден для здоровья. Это тоже стандартная утопическая тема. Для книги Б.Ф. Скиннера "Уолден-2" (1948): 4 часа в день. Для "Экотопии" Эрнеста Калланбаха (1975): 20 часов в неделю. Другие не приводят статистики, но обещают сокращение рабочего дня - так поступают почти все, от философа-герметиста Валентина Андреаза в 1619 году до демагога Хьюи Лонга в 1935 году.

В анархистской утопии Урсулы К. Ле Гуин "Лишенные собственности" 1974 года - "неоднозначной утопии", согласно ее подзаголовку, - люди работают по 5-7 часов в день с 2-4 выходными каждые 10 дней. Ле Гуин не обещает луну - хотя ее общество находится на луне, - скорее, она описывает анархистское общество, подверженное суровым экологическим условиям. Но они не суровее, чем в пустыне Калахари, где сан - на самом деле, а не в вымысле - работали по четыре дня в день. Ле Гуин могла знать об этом, поскольку предварительные выводы Ричарда Б. Ли о бушменах были опубликованы в 1968 году в антологии "Человек-охотник". Статья Маршалла Сахлинса "Первобытное богатое общество" появилась в журнале Stone Age Economics в 1972 году. По иронии судьбы (я полагаю), отцом Ле Гуин был известный антрополог А.Л. Крёбер. Калифорнийские индейцы - область его наибольшей специализации - были обеспеченными охотниками-собираателями. Мы надеемся, что в антропологически обоснованной художественной литературе можно найти оттенок экзотики. Но эта книга, как говорит Майкл Муркок, "скучна и юмористична". По словам Лестера дель Рэя, концовка "плохо проскальзывает". Я бы сказал, что у книги нет концовки. Она просто останавливается.

Мало что указывает на то, что Ле Гуин хорошо знакома с анархистской или утопической литературой. Вопреки легенде, Ле Гуин не анархистка. А если и так, то где она была политически - ей сейчас 86 лет - последние сорок лет? Писала рассказы и зарабатывала деньги. Сейчас она написала хвалебное предисловие к новому сборнику старых эссе Мюррея Букчина. (Издательство Verso, однако, рекламирует их как "новые эссе", как будто Букчин не был мертв, как Марли, последние 9 лет). Ле Гуин действительно идентифицирует себя с левыми, предавая архаизм своей идеологии. Она называет Букчина "истинным сыном Просвещения" - да, как и Робеспьер, Наполеон и маркиз де Сад. Ее приветствует (издательство Verso) за ее "горячую поддержку писателя и политического теоретика Мюррея Букчина". Она знает, что Букчин "отошел от анархизма". Если ей это известно, то она знает, что предполагаемый анархизм Букчина подвергся серьезным нападкам, и не

только с моей стороны, за несколько лет до того, как он публично отрекся от него. Его "социальная экология" (фраза, которую он сплагатил) еще раньше вызвала резкую критику.

"Нетерпеливые, идеалистически настроенные читатели, - снисходительно говорит она, - могут найти его некомфортно жестким". Не у всех хватит смелости читать Мюррея Букчина, который скромно хвастался "мускулистостью мысли", которую он безуспешно пытался передать бесхарактерным, изнеженным, вежливым, кашеобразным, ничего не понимающим "зеленым". Нетерпеливым, идеалистичным читателям, привыкшим читать фантастику Ле Гуин, которая вся является фэнтези или очень мягкой научной фантастикой, даже Букчин может показаться сложным. У поклонников Гарри Поттера тоже могут возникнуть проблемы. Букчин не был жестким - он был просто однодумным и простодушным. Он был просто задиристым забиякой. Если бы он был крутым парнем, он бы опроверг "Анархию после левизны", но поскольку он не был крутым - и поскольку у него не было смелости, - он этого не сделал.

Теперь Ле Гуин утверждает, что "Анархизм постнехватки" Букчина вдохновил "Лишенных собственности". Это нелепо, поскольку ее "двусмысленная утопия" Анаррес - это анархизм дефицита, а не анархизм постнехватки, и даже его анархизм скомпрометирован. Если Букчин вдохновил Ле Гуин, то ее вдохновение было основано на недоразумении. Если верить ей на слово, она скрывала свой долг перед Букчиным (и, несомненно, скрывала его от самого Букчина) до тех пор, пока не получила свои премии "Хьюго" и "Небьюла", как Ноам Чомски скрывал свой анархизм в течение многих лет, пока анархизм не стал в некотором роде модным - или, по крайней мере, слишком важным, чтобы его игнорировать - для его левацких поклонников.

Технологии

Разумеется, я все это время обсуждал технологии. Потому что невозможно обсуждать работу, не обсуждая технологию. Впервые о труде и технологии заговорил Аристотель: если бы "челнок ткал, а медиатор касался лиры, то главным рабочим не нужны были бы ни слуги, ни рабы". На самом деле челнок и сейчас ткёт, и если гитары не совсем играют сами, то рояли играют сами, как и барабанные машины. Аристотель хотел высмеять идею о том, что культурное общество может обойтись без наемного труда и рабства. Мы по-прежнему "хотим" (то есть нуждаемся) в слугах и рабах. С тех пор официальное мнение с ним согласно.

Я согласен с Аристотелем в том, что технология никогда не заменит наемный труд и рабство. Я не согласен с ним и с официальным мнением, что труд никогда не может быть отменен. Это не просто технологическая проблема. Это даже не в основном технологическая проблема. В 1985 году я написал, что я "агностик", но скептически отношусь к возможной роли технологий в отмене труда. Если я был агностиком тогда, то сейчас я атеист. За последние 30 лет я не узнал о технологиях ничего такого, что позволило бы предположить, что они могут внести какой-то вклад в отмену труда. Некоторые утопии основаны на полном отказе от машинных технологий.

Я признаю, что это кажется просто здравым смыслом, что может существовать настоящая трудосберегающая технология. Подобные рассуждения велись по крайней мере со времен Томаса Мора, им предавались такие разные писатели, как Томассо Кампанелла, Уильям Годвин, Карл Маркс, Поль Лафарг, Уильям Моррис, Уэллс, Бертран Рассел, Хьюи Лонг, Б.Ф. Скиннер и Эрнест Калланбах. Так, Маркс ссылаясь на "экономический парадокс, заключающийся в том, что самый мощный инструмент для сокращения времени труда становится самым надежным средством для предоставления каждой минуты времени рабочего и его семьи в распоряжение капиталиста с целью увеличения стоимости его капитала". Хотя технологии продвинулись дальше самых смелых мечтаний утопистов, "существенное качество жизни едва ли улучшилось настолько, чтобы его можно было назвать утопическим". Что не так с этой картиной?

Технологии не изобретаются сами по себе, не возникают из ниоткуда, не появляются в подвалах и гаражах одаренных эксцентричных мастеров, таких как Руб Голдберг, Стив Джобс или Гиро Гирлус.

Даже Фрэнсис Бэкон, первый энтузиаст технологии, понимал это. Он призывал к созданию масштабных исследовательских лабораторий, контролируемых государством. Такие лаборатории есть и сейчас. Единственный способ понять, откуда берутся технологии, - это обратиться к истории. Греки совершали открытия в математике, а иногда и в науке, но их технологии оставались почти неолитическими. Когда у вас есть слуги и рабы для выполнения работы, как это было в древнем Китае, нет причин изобретать трудосберегающие технологии. На самом деле подневольным работникам было бы вредно наслаждаться отдыхом. Пустые руки, как говорится, делают дьявольскую работу. Вместо этого технологии использовались для изобретения игрушек, таких как петарды в Китае или автоматы, которые развлекали обеспеченные слои населения во Франции XVIII века.

Начать стоит с промышленной революции XVIII века. К тому времени Европа уже была знакома с технологическим прогрессом. Плуг с отвалом и хомут для лошади были изобретены в раннем Средневековье, а стремя было заимствовано с Ближнего Востока. Это был большой технологический прогресс, чем греки и римляне достигли за предыдущую тысячу лет, при всей их хваленой высокой культуре. Позже монах изобрел очки, голландцы - ветряные мельницы, Галилей - телескоп, были изобретены часы (зловещее событие) и так далее. Европейцы создали корабли и навигацию, а также пушки, с помощью которых они могли бродить по миру и грабить его. Были также важные усовершенствования в сельском хозяйстве, такие как трехпольная система, основанная на севообороте. Но промышленная революция, опираясь на эти достижения, изменила все - в том числе и труд.

Согласно официальной версии, технический прогресс в текстильном производстве в Британии положил начало промышленной революции. Официальная история вводит в заблуждение относительно того, почему это произошло. Эти технологии значительно повысили производительность и прибыль. Это единственное, что всегда делает технический прогресс. В Британии уже существовала процветающая экспортная индустрия шерстяных и хлопчатобумажных изделий, но они не производились на фабриках. В соответствии с системой "путтинг" купцы поставляли сырье сельским рабочим, которые трудились дома. Это было выгодно для них.

Однако рабочие, не являвшиеся поденщиками, не были вполне удовлетворительной рабочей силой. Они соглашались на работу, когда нуждались в деньгах, и отказывались от нее, когда не нуждались. Они работали без надзора. Они работали тогда и столько, сколько им хотелось. Но новая механизированная технология прядения (а позже и ткачества) сделала возможным, а для производителей предпочтительным и выгодным принуждение рабочих к работе на фабриках, где, подчиняясь дисциплине и надзору, они трудились гораздо дольше, чем когда-либо прежде. Однако рабочие сопротивлялись, что хорошо описано Э. П. Томпсоном и другими историками. Они сопротивлялись индивидуально и коллективно. Они заметили, что эти вредоносные новшества не происходили бы с ними, если бы не новые машины, которые они иногда уничтожали (в свое время некоторых из этих непокорных рабочих называли луддитами). Многие из них стали классово сознательными. Из этой истории в Британии и других странах возникли социалистические, коммунистические и анархистские движения.

Технология, особенно если она навязана сверху, не освобождает рабочих от труда. Э. П. Томпсон, писавший об Англии, показал это. Герберт Гутман, писавший об Америке, тоже показал это. Конечно, технологический прогресс не делает труд большинства рабочих более приятным и не сокращает продолжительность рабочего дня. Олдос Хаксли жаловался, что изобретатели и техники уделяют больше внимания оснащению крупных концернов дорогими машинами массового производства, чем "обеспечению отдельных людей или сотрудничающих групп дешевыми и простыми, но эффективными средствами производства для собственного пропитания и удовлетворения потребностей местного рынка". Изобретатели и техники обращают внимание на то, за что им платят. Я не слышал ни об одной корпорации, ни об одном правительственном агентстве или фонде, не платящем налогов, которые бы очень много платили изобретателям и техникам за изобретение расширяющих возможности, децентрализующих, малых, прекрасных, промежуточных, подходящих или объединяющих технологий. Билл Гейтс и Джордж Сорос не направили ни одной из своих либеральных филантропий в эту сторону.

То, что главная цель развития технологий - повышение производительности и, следовательно, прибыли, я никогда не отрицал. Но есть не один способ увеличить прибыль, и увеличение прибыли не всегда является единственной целью бизнеса. Индустриализация развилась из ремесленного производства и вскоре вступила в конфликт с ценностями и практикой ремесленников, которые привыкли сами контролировать свою работу и делать ее по собственному графику. В свое время ремесленники контролировали производство. Даже в период ранней индустриализации некоторые промышленные процессы включали в себя элементы ремесленной практики или зависели от готовых изделий, произведенных в ремесленных мастерских.

Например, в 1860-1870-х годах компании Standard Oil Company требовалось большое количество бочек, которые первоначально приходилось закупать на открытом рынке у многих независимых бондарей. Производство бочек было искусным ремеслом, бочки изготавливались вручную, а некоторые бондари состояли в Международном союзе бондарей (основанном в 1870 году). Джон Д. Рокфеллер, когда он, как учитель воскресной школы, не прививал трудовую этику, используя различные методы - от скупки бондарей до внедрения оборудования для производства бочек и вызова полиции для разгона забастовок, -

уничтожил бондарное дело как квалифицированное ремесло и разрушил профсоюз. У него были некоторые причины для недовольства бочками ручной работы, потому что огромный новый спрос на бочки (в значительной степени вызванный Standard Oil) привел к поспешному, ускоренному производству бочек, которые иногда были бракованными. Но было и нечто большее. Ручные коперы, люди "упрямого и беззаботного нрава", фактически наслаждались четырехдневной неделей, потому что в день зарплаты (субботу) они почти не работали. Приезжали фургоны с пивом, чтобы продать "гусиные яйца". Мужчины пили пиво, пока оно не кончалось и пока им не платили, а затем отправлялись на ночь в город. По понедельникам они не работали.

Как сказал Прудон: "Машина, или мастерская, унизив рабочего, дав ему хозяина, завершает его вырождение, низводя его из ранга ремесленника в ранг неквалифицированного рабочего". Он добавлял: "Нужно быть экономистом, чтобы не ожидать таких вещей". Прогресс механизации, "весьма далекий от того, чтобы освободить человечество, обеспечить его досуг и сделать производство всего безвозмездным, не будет иметь другого эффекта, кроме как умножить труд, вызвать рост населения, сделать цепи крепостного права более тяжелыми, сделать жизнь все более дорогой и углубить пропасть, разделяющую класс, который командует и наслаждается, и класс, который подчиняется и страдает".

Гарри Браверман - самый известный сторонник тезиса о том, что промышленные технологии были изобретены и разработаны с главной целью усиления контроля работодателя над рабочими. Этот аргумент продолжил с дополнительными доказательствами и в XX веке Ричард Эдвардс. Насколько я могу судить, за последние 40 лет тезис Бравермана ни разу не был серьезно оспорен. Я нашел одного академика, который утверждает, что рассказ Бравермана об этом разрушительном навязывании рабочим отрицает их "агентность" и сводит их к автоматам. Я не нахожу этого у Бравермана. Как марксист и бывший профсоюзный боец, он, вероятно, имел непосредственный опыт классовой борьбы, тогда как его критик, марксистский профессор колледжа, жаждущий получить должность, скорее всего, не имел. Его тезис не имеет никакого значения. Что он сказал, то и произошло.

Левые историки приложили немало усилий, и с некоторым успехом, чтобы выявить "агентство" в сопротивлении рабов рабству на Юге в эпоху антисемитизма. Тем не менее, рабы были освобождены не по собственному почину, а армией Союза. Ни одна армия не освободила армию труда от рабства по найму. Конечно, рабочие сопротивлялись. Но они проиграли. Как проигрывают и сейчас. Я устал от почитания проигранных дел, как это делают анархисты и примитивисты. Я хочу, чтобы на этот раз мы победили. Если это не приведет к свершениям, агентство или его иллюзия лишь порождают ложные надежды. Кейс, подтверждающий тезис Бравермана, о котором (как и о книге Бравермана) я упоминал все это время, принадлежит Кэтрин Стоун. Ее аргумент заключается в том, что новые технологии были внедрены в сталелитейной промышленности (1890-1920 гг.) для того, чтобы отобрать у рабочих контроль над производственным процессом. Сначала она описывает систему труда в сталелитейной промышленности XIX века, при которой квалифицированные рабочие контролировали производственный процесс и производили сталь, используя капитал работодателей. Эта система вступила в противоречие с потребностью работодателей расширить производство, не предоставляя рабочим

существенной доли в доходах. Поэтому они попытались сломать власть рабочих над производством и все институты, которые были ее частью - профсоюз квалифицированных рабочих, контрактную систему, скользящую шкалу заработной платы и систему ученичества и помощи. Они добились успеха, и власть, которую они завоевали, заключалась во внедрении трудосберегающих технологий [выделено мной]. Контролировать производственный процесс и становиться единственным бенефициаром инноваций.

Одна из удивительных для меня вещей в этой статье - рассказ о том, насколько ремесленным может быть даже производство стали. Возможно, оно может стать таким снова. Но промышленники радикально ухудшили его. Как объяснял печально известный Фредерик У. Тейлор, изобретатель "тейлоризма", которым восхищался Ленин: "Одно из самых первых требований к человеку, пригодному для постоянной работы с чугуном, состоит в том, что он должен быть настолько глуп и настолько флегматичен, чтобы больше походить на быка, чем на какой-либо другой тип". Сталелитейщики, хотя и пережили некоторое оживление в эпоху профсоюзов, в конечном итоге стали жертвами технологических инноваций после того, как потеряли контроль над ними и отказались от любых претензий на них. В 1960 году в американской сталелитейной промышленности насчитывалось 600 000 производственных и ремонтных рабочих. В 1992 году их было менее 200 000.

Я хотел бы сделать еще одно замечание. Авторитарный социальный контроль на рабочем месте, как и авторитарный контроль в школе, - это не просто что-то, что вы можете полностью оставить позади после окончания рабочего дня. Особенно если вы работаете дольше! Он оказывает побочное влияние на всю остальную жизнь. Как я уже говорил, если вы привыкли к иерархии, это повлияет на все ваши социальные отношения, в сторону от личной автономии и подчинения авторитету. Это связано с тем, что Аристотель и Адам Смит, а также Фредерик В. Тейлор говорили нам об ухудшающем влиянии работы на человеческие способности и о том, как работа отнимает время, которое можно было бы посвятить другим занятиям.

Аристотель считал, что человек, занимающийся ручным трудом, не может быть хорошим гражданином. Меня это не слишком беспокоит, поскольку я сам не являюсь хорошим гражданином. Но демократическому государству, которое тесно сотрудничает с крупным бизнесом к их взаимной выгоде, не нужны хорошо информированные, вдумчивые граждане. Я бы хотел, чтобы граждане были настолько хорошо информированы и настолько вдумчивы, что распались бы на братских индивидуумов, которые отвергают роль гражданина, отвергают государство и отвергают работу. Конечно, работа делает правящий класс богатым, и я не недооцениваю этот аспект классового правления и несправедливости. Но работа делает для властной элиты еще больше. От перегруженных работой, недоплачиваемых, одурманенных и отупевших рабочих нельзя ожидать серьезного сопротивления государству или капитализму. Я уже говорил это раньше: Им нужно ваше время. Если они располагают вашим временем, они располагают вами. Если преувеличить, то "производство не сейчас, а всегда было прежде всего средством контроля. Прибыль была лишь алиби для идеологии производства и стимулом для обучения новичков этой идеологии".

Историк Рут Шварц Коуэн рассмотрела два примера предполагаемых трудосберегающих технологий, которые на деле оказались совсем не такими. Один из них - плита. Другой - стиральная машина. Обе эти технологии, как ошибочно полагают, сократили объем женского труда. Это не так.

В Америке XIX века приготовление пищи первоначально происходило на открытом очаге (по сути, в камине). В течение века большинство семей перешли на чугунную плиту. Она была более эффективной и универсальной, но для женщин - домохозяек или слуг - "печь означала скорее больше работы, чем меньше". В отличие от открытого очага, чугунная печь позволяла готовить на одном огне разные блюда. Это приводило к тому, что мать меньше готовила в одной кастрюле, что означало больше работы для матери. Печь было сложнее чистить, и ее приходилось часто мыть, чтобы она не заржавела: еще больше работы для матери. Однако плита позволила сэкономить немного труда - для мужчин, после того как дровяные печи уступили место угольным. Мужчинам больше не нужно было рубить и носить дрова. Уголь доставляли к их дверям.

А еще есть стиральная машина. Все привыкли считать, что стиральная машина просто обязана отнимать меньше сил, чем спускать грязную одежду к ручью, тереть ее о камни и так далее. Как это часто бывает, все ошибались. Как пишет Коуэн: "Если стиральная машина упростила домашнюю стирку, она также могла сделать ее более требовательной, повысив стандарты чистоты; в начале века мало кто из фермеров ожидал, что у него каждый день будет чистый костюм из белья". Раньше в семьях среднего класса домохозяйки вообще не стирали: это делали прачки (слуги), так же как слуги мыли полы. Теперь мама стирает, а пол моет пылесосом. Это главная причина, по которой - я уже приводил доказательства - домохозяйки среднего класса в 1900-1940 годах выполняли столько же работы по дому, сколько и их матери. В семьях рабочего класса не было ни слуг, ни трудосберегающих устройств. Там матери работали еще больше. Очарование технологией, которое сейчас является всеобщим, всегда было железной мечтой, лежащей в основе американской мечты: "Эта готовность принять обещание изобилия, эта вера в плоды машины типичны для американской мечты. На протяжении ста лет и более, - а сейчас уже гораздо больше, - "мы тешили себя видениями утопии, которая была своего рода механическим раем, где товары, сходящие с конвейеров, всегда были больше, лучше и функциональнее". Насколько далеко зашло это заблуждение, я сейчас расскажу.

Я тщетно искал техноутопию *zerowork*, которая не была бы невольной самопародией. Вместо этого посмотрите, что я нашел. Есть "Экстропия", которая является частью более крупного "трансгуманистического" движения. В книге "Принципы Экстропии" доктор философии с метким именем Макс Мор, представляющий ультрарационалистом, обещает чудеса: нанотехнологии, генную инженерию, крионику, "неограниченную продолжительность жизни" и многое, многое другое. Он обещает - в буквальном смысле - Луну: колонизацию космоса, причем не только Солнечной системы, но и, в конечном счете, всей галактики. Потребуется много времени, чтобы добраться до остальной части галактики. Но у людей, которые живут вечно, есть, поистине, все время в мире, "и мира достаточно, и времени". Как и все футурологи, доктор Мор считает, что тенденции всегда продолжаются, если они ему нравятся. Одной из таких тенденций, по его словам, является "повышение уровня жизни". Никакого повышения уровня жизни не существует, за исключением 1 %. Его вера в

неизбежный прогресс - единственное, что он разделяет с Марксом и Кропоткиным. Но они были лучше информированы.

Это всего лишь подогретый Сен-Симон, который писал: "В самом деле, мы хотим только облегчить и осветить неизбежный ход событий; в будущем мы желаем, чтобы люди сознательно, с более непосредственными усилиями и более плодотворно делали то, что они до сих пор делали, не зная этого, медленно, нерешительно и без особых результатов". А вся грандиозная экстропианская амбиция - это подогретый Фрэнсис Бэкон: "Цель нашего основания - познание причин и тайных движений вещей, а также расширение границ человеческой империи для осуществления всех возможных вещей". Среди "возможных вещей", которые уже были изобретены в воображаемом Бэконом Храме Соломона, был напалм. Но некоторые вещи лучше все-таки не делать.

Такие слова, как "работа" и "труд", отсутствуют в Принципах. Доктор Макс-Аут "Больше-лучше" все же намекает, призывая "договариваться, а не сражаться", "торговать", что все эти чудеса будут реализованы капитализмом, о котором он явно ничего не знает. Думаю, будет справедливо сказать, что ни один из фактов, приведенных в этой книге - фактов, которые были общедоступны в течение многих лет, - ему не известен, и ни одна из его идей никогда не приходила ему в голову. Он, должно быть, совершенно не знает об увеличении продолжительности рабочего дня, снижении заработной платы, росте стоимости жизни, сокращении большого количества рабочих мест, структурной безработице, заёмном труде и огромном росте неравенства доходов и богатства. Однако он не совсем не осведомлен об экономике, поскольку заявляет: "Дальнейшее улучшение ситуации будет связано с экономическим ростом". Каким-то образом доктор Мор знает все о будущем и при этом ничего не знает о настоящем. В Томасе Море больше полезных социальных мыслей, чем в Максе Море.

За излияниями безумного Макса скрывается его позитивистская, айн-рандовская преданность $A = A$ "объективной реальности", которую отвергают Фридрих Ницше, квантовая физика, рефлексиирующие ученые и все философы науки. Даже историки знают об этом лучше. И я тоже: "Наука - это социальная практика с характерными методами, а не накопление официально подтвержденных "фактов". Не существует голых, внеконтекстуальных фактов. Факты всегда соотносимы с контекстом. Научные факты соотносимы с теорией или парадигмой (т. е. с формализованным контекстом)". Любой настоящий ученый понимает это - например, Стивен Хокинг. Эпистемология доктора Мора устарела более чем на столетие. Трудно верить уверенным пророчествам будущего, якобы основанным на науке и технологиях, от человека, который не является ученым, не понимает философии науки и, очевидно, не имеет никакого образования или практического опыта работы с технологиями. Это научная фантастика (устаревшая как минимум на 60 лет) за вычетом науки и за вычетом фантастики.

Но если уж Экстропию можно отвергнуть за капитализм, то почему бы не коммунистическую полную автоматизацию? Почему бы не "Полностью автоматизированный роскошный коммунизм"? Таков лозунг Аарона Бастани из компании Novara Media, которая, судя по всему, выпускает в Британии теле- и радиопередачи на актуальные темы. "В капитализме существует тенденция к автоматизации труда, к превращению того, что раньше делали

люди, в автоматические функции", - объясняет он. "Признавая это, единственным утопическим требованием может быть только полная автоматизация всего и общая собственность на то, что автоматизировано". Он продолжает: "Требованием будет 10- или 12-часовая рабочая неделя, гарантированная социальная зарплата, гарантированное всем жилье, образование, здравоохранение и так далее. Возможно, какую-то работу все же придется выполнять людям, например, контроль качества, но он будет минимальным". Говоря насмешливыми словами Прудона: "Что это за система, которая заставляет делового человека с восторгом думать о том, что общество скоро сможет обойтись без людей! Машины освободили капитал от гнета труда!"

Это старое видение Страны Кокейн: общество потребителей без производителей. До сих пор "в каждом полувеке со времен промышленной революции появляются мудрые люди, предсказывающие, что в будущем будет больше свободного времени. Одна из причин, которая заставляет нас с осторожностью относиться к радужным пророчествам о будущем свободного времени, заключается в том, что до сих пор все они ошибались на этот счет". Мы знаем, каковы на самом деле тенденции: темпы технического прогресса и производительность труда, вероятно, будут продолжать расти. Но эти тенденции, нарастающие в течение длительного времени, не привели к сокращению рабочего времени. Одновременно наблюдается тенденция к увеличению рабочего времени. Упразднение некоторых рабочих мест - это не то же самое, что упразднение труда. При упразднении некоторых рабочих мест многие работники оказываются в состоянии временной или постоянной безработицы, а большинство оставшихся рабочих мест становятся хуже. "Вот почему, - объясняет Карл Маркс, - самая развитая техника заставляет рабочего работать дольше, чем дикарь или чем сам рабочий, когда у него были только самые простые и примитивные орудия труда".

Бастани говорит о "спросе". Требование кого? Корпорации? Государства? Кем? Профсоюзами? Эти тенденции в значительной степени ликвидировали профсоюзы, и если они продолжатся, то ликвидация профсоюзов продолжится. Чего требуют благонамеренные мечтатели вроде Бастани? Кого волнует, что он требует? Мне вспоминается бедный старина Фурье, который каждый день выделял час для визитов промышленников, заинтересованных в финансировании фаланстеров. Они никогда не приходили.

Мне также вспоминается объяснение Эдварда Беллами в "Взгляде назад", как монопольный капитализм 1887 года без насилия и революции превратился в благодушный государственный коммунизм 2000 года. Путем слияния и консолидации крупные корпорации в конце концов свелись к одной большой корпорации, которой не с кем было конкурировать, и которая фактически, а вскоре и по названию, стала правительством. У Маркса была похожая идея, но он считал, что потребуется революция рабочего класса, чтобы убедить капиталистов в том, что они сами уже создали социалистическое государство. Очень вероятно, что в противном случае это не пришло бы им в голову. Бастани упоминает Беллами как предшественника. Естественно, с его стороны было бы неосмотрительно упоминать Маркса в качестве предшественника, если Бастани вообще слышал о Марксе. Джереми Рифкин, который привел более скромный аргумент в пользу конца работы, проявил аналогичное благоразумие.

По словам Ленина (1917}: "Все общество превратится в одну контору и одну фабрику, с равным трудом и равной оплатой". Если это и утопия, то утопия лайт. По мнению владельца утопического универмага, написанного несколькими годами ранее (1900), утопия - это мир как универмаг (Вернон Л. Паррингтон замечает: "Это не хороший роман; это очень плохой роман, даже для владельца универмага"). Один либертарианец выступал за "сообщества собственников" как хорошую жизнь. Его примером были торговые центры. Сегодня мы бы обновили этот пример: хорошая жизнь - это торговые центры плюс закрытые сообщества, которые умело защищает частная полиция вроде Джорджа Циммермана. По состоянию на 2001 год насчитывалось 30 000 закрытых сообществ, в которых проживало почти четыре миллиона человек. Сейчас их гораздо больше. Но это не повод для сожаления, потому что, по словам Мюррея Букчина, "даже эти анклавов открывают степень зарождения, которая в конечном итоге может быть использована в прогрессивном смысле". Глупости Беллами и Маркса - ничто по сравнению с глупостями экотопистов и элитных коммунистов. Мы знаем, что произойдет с рабочими, пока история движется к их технологическому раю, потому что это уже происходит на протяжении многих лет: нищета, перегрузки, деградация труда, увеличение продолжительности рабочего дня, снижение автономии и отсутствие гарантий занятости. Рабочего не утешает тот факт, что кто-то другой автоматизировал его работу. Деньги, сэкономленные благодаря трудосберегающим устройствам, никогда не делятся с оставшимися работниками. Рабочий знает, что он может стать следующим; и, по словам Бастани, который это одобряет, он им станет. Должна ли она терпеть страдания на работе, пока у нее есть работа, и еще большие страдания, когда ее не станет, ожидая прихода роскошного коммунизма - на современном фабричном языке, точно в срок? Почему кавалерия должна появиться как раз вовремя? С таким же успехом она может ждать Второго пришествия Христа.

Если экстропия/трансгуманизм - это безумный край технофилического бреда, то "загрузка" - это безумный край безумного края. Экстропианское мышление достигает своего предельного абсурда - пока что в идее "загрузки": отказа от наших тел и раптирования наших умов в некий центральный компьютер, который навсегда, без суеты и шума, обеспечит нас любыми тактильными или интеллектуальными стимулами, или симулякрами, которые мы только пожелаем. В реальном мире загрузка означает просто перемещение файла с одного компьютера на другой. Загрузчики стремятся к бессмертию: как файлы. Они - программы, запечатанные в телах программистов. Помимо того, что для этой извращенной ботанической фантазии нет никакой технологической основы, это, возможно, единственный способ, которым некоторым из этих белых мальчиков когда-либо перепадет секс, есть еще и вопрос о том, насколько бедным и детским является это будущее. Загрузчики хотят попасть в рай без необходимости быть хорошим или верить в Бога. Но загрузка меньше похожа на попадание в рай, чем на возвращение в утробу матери, что напоминает мне научно-фантастический рассказ Филипа Хосе Фармера. Загрузка (которая, несомненно, невозможна) упразднит работу, конечно, вместе с упразднением всего, что делает жизнь достойной жизни, включая жизнь. Если компьютер, предоставляющий им виртуальную вселенную, сломается, их данные - их самих - будут потеряны. Это не будет большой потерей. Или кто-то вроде меня может отключить их от сети. Если в компьютер Бога попадет злобный вирус, он может удалить их файлы или испортить их. Вместо вечности на небесах они могли бы провести вечность в аду. На эту тему есть научно-фантастический рассказ Харлана Эллисона. Загрузчики должны смутно представлять себе эти риски,

поскольку научная фантастика - это, вероятно, единственная фантастика, которую они когда-либо читали. Говоря это, я пренебрежительно отношусь не к научной фантастике, а к загрузчикам. Автор научной фантастики написал предисловие к этой книге, что, возможно, заставит нескольких пользователей купить ее. Но он, вероятно, не согласится ни со мной, ни с Майклом Муркоком в том, что большинство научной фантастики было реакционным, милитаристским, расистским, сексистским, шаблонным и, прежде всего, беспардонным.

Самый важный факт о реально существующих технологиях заключается в том, что они уничтожают рабочие места, ухудшают труд, лишают права голоса работников и разрушают окружающую среду. Вопреки официальной мудрости, но очевидно для всех, высокие технологии уничтожают больше рабочих мест, чем создают: "Хотя каждое поколение технологических изменений делает некоторую работу более сложной и интересной и повышает уровень подготовки или квалификации, требуемый (уменьшающейся) долей интеллектуального и ручного труда, для подавляющего большинства работников этот процесс упрощает задачи или устраняет их, а значит, устраняет и работника". Я говорю об этом уже 30 лет.

Здоровье, безопасность и благополучие

То, что работа вредна для здоровья, - идея не новая. Маркс писал о фабричном труде: Мы ограничимся здесь лишь указанием на материальные условия, в которых протекает фабричный труд. Каждый орган чувств в одинаковой степени страдает от искусственного повышения температуры, от насыщенной пылью атмосферы, от оглушительного грохота, не говоря уже об опасности для жизни и конечностей среди густой толпы машин, которая с регулярностью времени года составляет свой список убитых и раненых в промышленной битве.

Задолго до Маркса Адам Смит заметил, что работа "разлагает даже деятельность тела [рабочего] и делает его неспособным к энергичному и настойчивому применению своих сил в любом другом занятии, кроме того, к которому он был приучен". По словам замечательного анархо-социалиста Густава Ландауэра: "Пределы технологии, как она была включена в капитализм, уже вышли за пределы человечности. Жизнь и здоровье рабочих мало кого волнуют (здесь не следует думать только о машинах; следует также вспомнить об опасных металлических отходах в загрязненном воздухе рабочих цехов и заводов, об отравлении воздуха над целыми городами), и уж точно нет заботы о радости жизни и комфорте рабочих во время работы.

Охрана труда - это тема, по которой статистика всегда устаревает еще до ее публикации. Это также тема, по которой, как я уже говорил, официальная статистика, как правило, неполноценна и обманчива. Тем не менее, о безопасности труда никогда нельзя забывать, и она всегда заслуживает свежего взгляда. То, что некоторые виды работ опасны, знают все, даже Дэвид Рэмси-Стил. То, что некоторые виды работ более опасны, чем должны быть,

известно многим, и, вероятно, это смутно ощущают некоторые из остальных. Но масштабы этой опасности, как правило, не осознаются.

В 1910 году, по словам этой бунтарки Эммы Голдман, на работе было 50 000 убитых и 100 000 "раненых". Не знаю, где она могла найти эту статистику, но военная метафора все равно уместна. Карл Маркс и Эдвард Беллами с одобрением писали о промышленных армиях, и Маркс, как уже цитировалось, упоминал об их потерях. В начале 1970-х годов Ивар Берг писал: "В 1968 году в результате несчастных случаев на производстве погибло в общей сложности 14 300 человек - примерно столько же, сколько погибло в США во Вьетнаме в том году". У работы на фабрике и войны есть как минимум две общие черты: опасность и дисциплина. В 1917 году 1 363 000 рабочих получили травмы в обрабатывающей промышленности.

В цитированной мною книге, опубликованной в 1973 году, читаем: "Среди 80 миллионов рабочих в Соединенных Штатах ежегодно регистрируется более 14 000 смертей на производстве и около 2,2 миллиона травм с потерей трудоспособности. Вероятно, это минимальные цифры, поскольку каждый работник знает, с помощью каких средств промышленность скрывает или маскирует несчастные случаи на производстве и подтасовывает свои показатели безопасности. В одном из недавних отчетов было подсчитано, что реальные цифры могут достигать 25 000 смертей и 20-25 миллионов травм с потерей трудоспособности". Эта статистика касалась очевидного - несчастных случаев и травм, но "не профессиональных заболеваний, которые развиваются в результате длительного воздействия шумных, грязных, горячих или холодных условий труда, а также различных токсичных химических веществ и опасных физических факторов". Миллионы других работников умирают от болезней, которые не обязательно вызваны только условиями труда (например, многие формы сердечно-сосудистых заболеваний, болезни легких и рак) в том смысле, что у них есть и другие причины, но которым, на самом деле, условия труда вносят существенный вклад.

Книга, из которой я привожу цитату, "Работа опасна для вашего здоровья", не является академической (хотя ее авторы - ученые). Ее подзаголовок - "Справочник по опасностям для здоровья на рабочем месте и тому, что вы можете с ними сделать". Он был написан для рабочих. Он был написан после принятия в 1970 году Закона о безопасности и гигиене труда, который номинально исполнялся Администрацией по безопасности и гигиене труда (OSHA). С момента создания OSHA испытывает недостаток финансирования и персонала. Судя по количеству проверок, проведенных за первые восемь месяцев действия закона, "им потребовалось бы 230 лет, чтобы посетить все рабочие места в нашей стране". "Поэтому книга была написана как руководство для рабочих, как защитить себя на рабочем месте от конкретных угроз здоровью". Я не обратил особого внимания на эту часть, когда впервые прочитал книгу. Теперь обратил.

В книге есть список "Некоторые виды воздействия на здоровье, перечисленные по профессиям". Только некоторые, заметьте, и только некоторые профессии. Он занимает 51 страницу. Вот некоторые примеры. Работники автосервисов и авторемонтники: 19 опасностей. Вы можете сказать: ну конечно, автомобильные заводы более опасны, чем большинство рабочих мест. То же самое касается работников доков (13 опасностей). Но

рассмотрим еще несколько примеров. Пекари: 9 опасностей. Ветеринары: 10 опасностей. Парикмахеры и парикмахерские: 22 опасности. Фермеры и сельскохозяйственные рабочие: 29 опасностей. Работники больниц (включая врачей и медсестер): 23 опасности. Список для металлистов, которые делятся на несколько категорий, как и список для производителей пластмасс, занимает три с половиной страницы. Офисные работники: 10 опасностей. Теперь мы знаем, что в офисе опасностей гораздо больше. Тогда никто не знал о синдроме запястного канала.

Отсутствие работников государственного сектора - лишь один из способов подтасовки статистики. Стереотипный правительственный работник - это разносчик бумаг, но и это не так уж безопасно (см. ниже). К относительно опасным государственным профессиям относятся уборщики мусора, социальные работники, пожарные и полицейские. Хотя работа полицейских опасна почти в той же степени, что и их собственное безрассудное вождение, а не жестокие преступники. А почему потери среди военнослужащих не считаются потерями на рабочем месте? Для солдат поле боя - это рабочее место.

Большинство из этих рабочих мест относятся к более или менее ручным профессиям, как квалифицированным, так и неквалифицированным. Другие виды работ также опасны. Более старые исследования "людей, занятых в профессиональных категориях с высоким уровнем стресса", показали, что эти специалисты чаще страдают сердечно-сосудистыми заболеваниями и что их работа является более важным фактором, чем диета, ожирение, семейная история болезни, уровень физической активности или даже курение. Их обязанности "влияют на развитие язвенной болезни". "Удовлетворенность работой" оказалась лучшим предиктором их долголетия - даже лучше, чем оценка здоровья врачами или употребление табака, и оставалась сильным предиктором даже при статистическом контроле других факторов. Работа убивает по-разному.

Существует тенденция, от которой я не полностью застрахован, когда мы думаем о работе, считать фабричный труд чем-то парадигматическим. Возможно, в конце XIX века она и была парадигмальной, хотя незадолго до этого типичным наемным работником был домашний слуга. Единственным фабричным рабочим, которого я когда-либо встречал, был мой дед. Стиллман и Даум знали гораздо больше о рисках для здоровья фабричных рабочих, чем о рисках для большинства других видов работников. Сейчас в Соединенных Штатах число офисных работников и работников сферы обслуживания значительно превышает число фабричных рабочих. Но и эти виды труда могут быть опасными. Для начала давайте ознакомимся с последними статистическими данными Бюро трудовой статистики Министерства труда США. Я стараюсь быть справедливым. Ну, ладно, я не очень стараюсь.

Все новости, как всегда, хорошие. В 2013 году на рабочих местах произошло всего 4 405 смертельных случаев, что "почти на 25 процентов меньше, чем за последнее десятилетие". Правда, общее число "Несмертельных травм и заболеваний, частная промышленность" составило более 3 миллионов. Некоторые из этих происшествий были не такими уж серьезными. Но 917 100 из них повлекли за собой "дни отсутствия на работе": в среднем 8 пропущенных рабочих дней. Я называю это серьезным. "Тяжелые производственные травмы и заболевания" - те, которые влекут за собой пропуски рабочих дней - немного снизились для всех работников вместе взятых, но статистика (109,4 случая на 10 000) не дает повода

для самодовольства. Обратите внимание, что нет никакого определения "тяжелых производственных травм и заболеваний", кроме того, что они привели к потере рабочих дней. А как быть с пострадавшими, которые выживают, но так и не могут вернуться к работе? У молодого работника с постоянной инвалидностью количество потерянных рабочих дней может достигать 15 000 и более. Нетрудно придумать несколько таких травм и заболеваний, которые по каким-то независимым медицинским критериям не считаются тяжелыми. Работники имели бы полное право на жалобы, если бы существовали такие вещи, как права. Еще легче придумать другие травмы, которые можно было бы считать тяжелыми, даже если бы работники все равно вернулись на работу, потому что им была нужна эта работа. Большинство травмированных работников легко заменить. Все травмированные работники знают об этом.

"Работодатели частного сектора сообщили о 3,0 миллионах несмертельных травм и заболеваний на рабочем месте в 2013 году, что снизило уровень заболеваемости до 3,3 случаев на 100 эквивалентных работников с полной занятостью по сравнению с 3,4 случаями в 2012 году". Другими словами, было около 3 миллионов в 2012 году и около 3 миллионов в 2013 году. Обратите внимание, что правительство по-прежнему полагается на отчеты работодателей. Эта статистика, без сомнения, неполна и неточна, систематически занижает все показатели. Это отвечает интересам как бизнеса, так и правительства. Они не хотят, чтобы кто-то думал, что безопасность на рабочем месте - это серьезная проблема, иначе могут возникнуть требования что-то с этим сделать.

Если рабочие места становятся немного безопаснее, что не было доказано, то для этого есть, по крайней мере, одна причина. Причина в том, что на американских рабочих местах работает гораздо меньше людей. Если их нет, то несчастный случай на рабочем месте невозможен. Последние несколько лет в Соединенных Штатах были временем Великой рецессии. Сейчас утверждается, что рецессия идет на спад, но странным образом: это "восстановление без работы". Индекс Доу-Джонса растет, корпоративные прибыли увеличиваются, дивиденды растут, зарплаты и бонусы руководителей компаний значительно увеличиваются, арендная плата растет, стоимость жизни растет, но зарплаты не растут, и занятость не увеличивается очень сильно. Даже кажущееся сокращение безработицы - фальшивка. Безработными считаются люди, не имеющие работы и активно ее ищущие. Но многие из безработных покинули рынок труда, так определяемый, потому что они знают, что у них нет надежды найти работу. Некоторые люди никогда не выходят на него по той же причине. Они не ищут работу, потому что знают, что зря потратят время. Если их учесть, реальный уровень безработицы окажется как минимум на 50 % выше. Таких людей очень много. И будет еще больше.

Правда заключается в том, что "уровень несчастных случаев на промышленных предприятиях подскочил, поскольку традиционные меры защиты безопасности и здоровья на рабочем месте и другие ограничительные правила труда были изменены или отменены как слишком дорогие для поддержания позиций "своего" работодателя на мировом рынке". Именно этого я и ожидал. Эти работники, у которых больше нет никаких гарантий занятости, вряд ли будут подавать жалобы в OSHA, поскольку OSHA вряд ли успеет проверить их рабочее место до того, как их уволят. Их профсоюзы не будут подавать жалобы, потому что у них обычно нет профсоюзов.

Главная причина того, что несчастных случаев и смертельных исходов на производстве стало меньше, заключается в том, что здесь стало намного меньше промышленных рабочих. Большая часть промышленности выведена за рубеж, где рабочим платят еще меньше, а защищают их еще хуже, чем здесь. Мы можем быть уверены, что уровень несчастных случаев на заводах в Малайзии или Мексике выше, чем на таких же заводах у нас, на тех же видах работ, за более низкую оплату. Но те рабочие места, которые у нас еще есть, по-прежнему опасны.

Офисные работники сталкиваются со своими опасностями для здоровья, которые усугубляются все более длительным пребыванием на работе. Одна из опасностей заключается в том, что длительное пребывание в сидячем положении приводит к "диким колебаниям метаболизма". Другие исследования показали, что у тех, кто сидит не менее 11 часов в день, на 40 % выше вероятность умереть в течение трех лет - независимо от того, сколько физических упражнений они выполняют. Даже если вы сидите всего восемь часов в день, риск смерти все равно на 15 % выше, чем у тех, кто сидит вдвое меньше". Еще один вывод: 15 миллионов американцев, которые работают в послеобеденную или полуночную смену, поскольку такой график нарушает естественные циклы сна, подвержены повышенному риску развития диабета второго типа, рака, сердечно-сосудистых заболеваний и других недугов.

Еще одна забытая опасность офисной работы для здоровья заключается в том, что она способствует нездоровому поведению, например, курению и употреблению алкоголя, меньшим физическим нагрузкам и меньшему количеству медицинских осмотров. В 1998 году во Франции сократили продолжительность рабочего дня с 39 до 35 часов: "работники на 4,3 % реже курили сигареты. Они также реже злоупотребляли алкоголем. А за каждый час сокращенной рабочей недели участники исследования на 2,2 % чаще занимались физическими упражнениями". Эти данные, как правило, дискредитируют алармизм, о котором я говорил ранее и который преобладал среди ученых с 1920-х по 1950-е годы, о том, что если у рабочих будет больше свободного времени, то они будут больше пить и вообще погрузятся в разгул и лень.

Я считаю неопровержимым утверждение, что работа, особенно по найму, опасна для здоровья. Но безработица тоже вредна для здоровья. В 2012 году насчитывалось почти 15 миллионов безработных. Из них 5,3 миллиона были долгосрочными безработными (без работы 27 недель и более). В целом, несмотря на то, что у них было меньше карманных денег, чтобы оплачивать вредные привычки, "у людей, ставших безработными, риск смертности повысился на 63 %". Чем дольше человек остается без работы, тем выше риск развития депрессии". Европейские исследования также связывают безработицу с ожирением и сердечно-сосудистыми заболеваниями. "Сокращение рабочего дня с сохранением зарплаты - это ограниченное улучшение. Оно обеспечивает больше досуга. Но отсутствие часов без оплаты не дает ничего, кроме тревоги, депрессии и отчаяния, не говоря уже о голоде. Безработица - это не отдых, если только у вас нет трастового фонда, аннуитета или кучи денег в банке. Долгосрочные безработные находятся в еще худшем положении, чем занятые, особенно те, кто работает нестабильно. Давайте ликвидируем безработицу, ликвидировав занятость.

Хотя насилие на рабочем месте - это больше повод для сенсаций, чем для серьезных событий, его нельзя игнорировать. Убийства боссов рабочими все еще относительно редки. Какой анархист, кроме Льва Толстого, не восторгался историей о неудачной попытке Александра Беркмана убить промышленника Генри Клея Фрика? (который, однако, не был работодателем самого Беркмана). Бюро трудовой статистики сообщает лишь о 397 убийствах на рабочем месте в 2013 году. Однако по другим данным, за этот год было совершено почти 800 убийств на рабочем месте. Это самая быстрорастущая категория смертей на рабочем месте, а также ведущая причина смерти женщин на рабочем месте. Тем не менее, много внимания уделяется тому, от чего правительство отмахивается как от незначительной проблемы: "Книжные полки заполнены десятками книг о насилии на рабочем месте [это правда] - все они написаны в виде научно обоснованных справочников, пособий и руководств, предназначенных специально для генеральных директоров, заместителей генеральных директоров и руководителей среднего звена". Некоторые из этих убийств нельзя свалить на рабочее место, они просто происходят там. Обманутые любовники убивают своих бывших там, где они работают, потому что именно там, по их мнению, их можно найти. Но и "постовые" тоже случаются.

Однако "работа, по своей природе, связана с насилием - как над духом, так и над телом. Она связана с язвами и несчастными случаями, с криками и потасовками, с нервными срывами и пинками собаки. Это, прежде всего (или ниже всего), ежедневные унижения". Любое место, где долгие часы сосредоточено принуждение, потенциально является местом насилия. "Отклонения на рабочем месте - в большинстве своем не связанные с насилием - являются самым быстрорастущим видом преступлений в США и Канаде. Кто в этом виноват - начальник ("организационные переменные") или работники ("личные переменные")?

Согласно "поведенческой науке": и то, и другое. Это как природа и воспитание: всегда и то, и другое. В целом, в научной литературе несколько больший вес придается организационным переменным, то есть самой работе. Работа виновата больше, чем работники. Ученые-бихевиористы сделали несколько открытий, которые если и не очень удивительны, то все же представляют определенный интерес. На рабочем месте мужчины более жестоки, чем женщины, а менеджеры более жестоки, чем сотрудники. Общий вывод, сделанный авторами исследования, таков: "Чем больше сотрудник воспринимал процессы и процедуры, используемые для принятия решений и определения результатов, как несправедливые, тем чаще он проявлял физическое насилие". Когда он думает, что его надули, он иногда наносит ответный удар.

В исследовании, на которое я ссылаюсь, определены три основных организационных предиктора насилия на рабочем месте: "организационная справедливость, организационная приверженность и фрустрация на рабочем месте". Организационная справедливость, "восприятие индивидом обращения, которое он получает в своей рабочей среде", состоит из "процедурной справедливости - восприятия того, что справедливые процессы и процедуры используются для принятия решений и определения результатов" - и распределительной справедливости - восприятия справедливости распределения результатов... "Распределение результатов". "Распределение результатов" - какой эвфемизм! - означает, кто и сколько получает за что. Предположительно, работник может считать, что он - или, что более вероятно, она - не получает равной оплаты за равный труд. Если это так, то, скорее всего,

она права. Или же она просто считает, что начальство "делится" с работниками слишком малым количеством "результатов" и слишком много забирает себе.

Следующая переменная - "организационная приверженность". Она означает, насколько сильно работник привержен своей работе, по какой бы причине это ни происходило: (1) аффективная приверженность: вам нравится работа и люди, (2) нормативная приверженность: относится к лохам, которые преданы боссу, потому что считают, что так и должно быть, и (3) непрерывная приверженность: еще один замечательный эвфемизм, который означает, что работник чувствует себя запертым в организации, но он боится, что с ним может случиться, если он уйдет или потеряет работу. Я подозреваю, что (3) более важен, чем (1) или (2), и он, несомненно, постоянно становится относительно более важным. Наконец, "фрустрация, [которая] является аффективной реакцией, предшествующей различным формам агрессии, таким как девиации на рабочем месте..." Старая добрая теория фрустрации/агрессии: как известно социальным психологам, с ней невозможно ошибиться. Она объясняет все и ничего. Фрустрация не предсказывает агрессию. Все фрустрированы. Но не все агрессивны. Почему работник фрустрирован на работе? (1) объясняет, почему он фрустрирован. (2) объясняет, почему, несмотря на это, он не агрессивен. (3) не объясняет ничего, что (1) не объясняло бы лучше, что могли бы объяснить и некоторые другие, не упомянутые объяснения (классовое сознание? ценности свободы, достоинства и чести?).

В этом конкретном исследовании есть что-то особенное, хотя его выводы совпадают с выводами всех остальных и столь же банальны. Все остальные основаны на опросе жертв. Это исследование основано на опросе преступников. Менеджеры - источник вывода о том, что руководители более жестоки, чем сотрудники. Мужчины - источник вывода о том, что мужчины более жестоки, чем женщины. В юриспруденции мы называем это "признанием против интересов". Людям больше верят, когда они говорят о себе плохо, чем когда они говорят о себе хорошо. Ответы, полученные в ходе опроса жертв, согласуются с этим, поэтому я склонен принять все эти выводы. Они имеют смысл.

В 1985 году, перечислив некоторые из зол работы, я определил работу как отягченную форму труда: "Один человек выполняет одну продуктивную на основе "или-или". Даже если задание имеет долю внутреннего интереса (а многие виды работы не имеют такого интереса), монотонность его обязательной исключительности истощает его лудический потенциал" и т. д. В то время я полагал, что парадигматическая работа - это: всего лишь одна работа, на которой занят полный рабочий день и которая, как ожидается, будет постоянной. Такая работа - это карьера с ожиданием регулярного продвижения на более ответственные должности с более высокой зарплатой. Теперь я уже знал, что многие рабочие места являются "заёмными" - в эту категорию входят временные работники, работающие неполный рабочий день, независимые подрядчики и наёмные работники. Тогда я и сам был заёмным работником. На самом деле я никогда не был никаким другим работником. Я никогда не продавался. Они никогда не делали мне предложения.

С тех пор заёмные работники множатся (и делятся) во всё больших масштабах. Одно из следствий: "Карьера, как институт, находится в неизбежном упадке". Жизнь среднего класса, какой мы ее знаем, уходит в прошлое. Гарантия занятости уходит в прошлое. На

смену "хорошей работе" (это не мой выбор слов) пришла низкооплачиваемая, работа на неполный рабочий день или временная работа. Когда я возражал против трудоемкости работы, я критиковал монотонность работы на полную ставку всю жизнь в одной профессии, которая - даже если она в какой-то степени приносит удовлетворение - нарушает то, что я, наряду с Фурье, Моррисом и многими другими, считаю естественным стремлением к разнообразию в деятельности. Я не делаю много сильных предположений о человеческой природе, но это одно из них. Исследования показывают, что разнообразие деятельности приносит удовлетворение и фабричным, и офисным работникам, "а среди последних часто упоминается дружелюбие рабочего коллектива (особенно женщинами)".

"Подработка", как раньше называли работу на двух работах, - не такое уж новое явление. В 1950-х годах, когда штатные работники трудились по 40-47 часов в день, "подрабатывающие" - те, у кого была полная и неполная занятость, - работали по 47-60 часов в день. У нас по-прежнему много подсобных рабочих, но также много людей, работающих на двух работах по совместительству. Поскольку рабочие места в целом сократились, и эта тенденция сохраняется, наличие двух работ обычно не удовлетворяет то, что Фурье называл инстинктом "бабочки", инстинктом разнообразия. Теперь это часто две работы на полставки. Это может быть одна и та же работа. Или это могут быть два разных вида низкооплачиваемой, каторжной работы. А работа по совместительству оплачивается не так хорошо, как работа по полной ставке, даже за точно такую же работу. Частичная занятость обычно влечет за собой компенсационный "штраф" в размере 8-15 %. Дополнительный штраф заключается в том, что частичная занятость обычно предоставляет меньше льгот - если вообще предоставляет, - чем некоторые виды работы с полной занятостью.

Заёмный труд в целом не нов - уже давно существуют сезонные работники (например, бродяги и сельскохозяйственные рабочие-мигранты) и работники, занятые неполный рабочий день. Новым является то, что это единственная форма занятости, которая выросла за последние 30 лет и продолжает расти: "С начала XXI века мы вступили в эпоху, когда наемный труд переполняет значительную часть среднего класса, получающего зарплату". И это позволяет правительству еще одним способом пополнить свою статистику занятости. Оно учитывает частичную, временную и заёмную работу так, как если бы это была полная занятость. Правительство всегда так делало, но чем важнее становится заёмный труд, тем длиннее становится нос Пиноккио.

Временные работники не могут сопротивляться коллективно. Они не работают достаточно долго и являются расходным материалом. Они изолированы друг от друга, что "способствует индивидуальному сопротивлению", а точнее, как правило, исключает всякое сопротивление. Они также изолированы от "основных" работников, у которых есть "постоянная" работа, хотя на самом деле таких рабочих мест с разумной надеждой на постоянство существует немного, по крайней мере для канцелярских работников. Часто более монотонная работа поручается временным работникам, к выгоде основных работников. Иногда руководство физически разделяет основных и временных работников. Но независимо от этого, основные работники знают, что временные работники хотят получить их рабочие места. Они также знают, что временные работники могут заменить их, и тогда они станут временными работниками. Они могут знать или не знать - как и

временные работники могут знать или не знать, - что подавляющему большинству временных работников никогда не будет предложена постоянная работа. И все же временные работники глупо надеются, а основные работники иррационально боятся. Американский офис: какое прекрасное место для работы!

Кажется, я как-то заметил, что в мире труда нет прогресса. Смею предположить, что в этом эссе я привел множество доказательств. Не думаю, что я когда-либо предсказывал отмену работы или выявлял какие-либо тенденции, направленные в эту сторону. Но я не ожидал, что "30 лет снижения реальной заработной платы, приватизация государственного сектора, разрушение профсоюзов и превращение хороших рабочих мест во все более низкооплачиваемые, неполные или временные, что стало возможным благодаря новым технологиям и деиндустриализации в США, Канаде и Западной Европе". Мы даже стали свидетелями возвращения потогонных цехов, людей, работающих не по правилам, по 10-12 часов в день и за зарплату меньше минимальной.

История умеет заставить пессимистов вроде меня выглядеть оптимистами. Бунт против работы, несомненно, продолжается, но во все более неблагоприятных условиях. Рабочий, ведущий классовую борьбу, может обвинить меня в отставании от времени или даже в легкомысленном, безответственном анархическом образе жизни. История, похоже, вернула мир труда в некотором роде к условиям 1880-х годов, что можно использовать как аргумент в пользу форм сопротивления 1880-х годов, таких как организация профсоюзов и социалистическая политика. По крайней мере, один из левых считает именно так.

На это я отвечу, что эти тактики никогда не были более чем частично успешными, а в долгосрочной перспективе они были абсолютно безуспешны, что известно даже левым. Между нынешним временем и Позолоченным веком есть важные различия: например, глобализация. Перспектива организации рабочих в своих отраслях на всемирной основе еще более надуманна, чем перспектива организации заёмных работников на любой основе. Организация - это не выход.

В той мере, в какой профсоюзы были когда-либо более чем локально и спорадически эффективны, они полагались на государство - не только для того, чтобы воздержаться от репрессий, но и для того, чтобы признать их и содействовать им посредством законодательства. Сейчас государство этого не делает. И никогда не сделает. Кто может всерьез заниматься организацией работников, чьи рабочие места - те, что остались, - были распылены заёмным трудом? И все профсоюзы являются прорабочими и антиреволюционными. Они всегда были такими - даже в Барселоне в 1936 году. Они даже не требуют права на труд, не говоря уже о праве на лень.

Что касается так называемого революционного профсоюзного движения, то его не существует. Что касается избирательной политики, то рабочая партия или массовая левая политическая партия, за которую выступают такие глупцы, как Ральф Нейдер, Мюррей Букчин и Ноам Чомски - которые, однако, не были настолько глупы, чтобы сделать хоть что-то для ее создания, - была бы почти такой же утопией, как отмена работы, но не такой привлекательной. Такая партия никогда не поднимет рабочих на всеобщую забастовку и тем более не созовет их на баррикады. В этой стране никогда не существовало такой

политической партии, даже когда условия были гораздо более благоприятными для ее создания. Сейчас такой партии нет нигде в мире.

Есть ли основания для надежды? Продолжающаяся эрозия трудовой этики - это благоприятная тенденция. Но трудовая этика, вероятно, никогда не была главным стимулом для работы. Я считаю более благоприятным предвестием "упадок оплачиваемого труда как определяющей деятельности для самоопределения". Несомненно, в наше время многие работники стали воспринимать работу не только как важную часть того, что они делают, но и как важную часть того, кем они являются. Для взрослых это была основная сфера деятельности и главная претензия на то, чтобы быть конструктивными членами общества. Это была их главная претензия на то, чтобы быть членами общества. Сейчас, когда работа не является такой, как прежде, становится все более невозможным определять себя подобным образом и сохранять самоуважение. Одна из моих целей - ускорить это разочарование в работе.

Авторы, которых я цитирую, ошибаются в одном отношении. Включение работы в определение себя - это не самоопределение. Это скорее вторжение и колонизация "я" извне. Как выразился Макс Стимер: "Человек, тебя преследуют; у тебя в голове колеса!". Там, где искаженное работой самосознание глубоко укоренилось, его нелегко изгнать, и оно оставляет пустоту, которую нелегко заполнить. Я хотел бы подготовить людей к тому дню, когда они потеряют, может быть, не работу - пока нет, - но веру в работу. И подсказать, что работа не всегда означала для людей именно это и не обязательно должна означать это сейчас. Я пытаюсь развеять иллюзии о работе, но в основном это иллюзии, которые развеивает сама работа. Когда-нибудь наступит кризис. Если он не будет решающим, позже наступит другой кризис. Разочарованные будут готовы действовать.

Я не знаю, что нужно делать. Я могу назвать несколько вещей, которые делать не следует (например, голосование и организация профсоюзов). У меня нет стратегического совета, который я мог бы предложить. Я, как и все, опечален тем, что во многих отношениях, и, конечно, в отношении работы, за мою жизнь мы стали жить все хуже и хуже. Лично я ничего не могу сделать, кроме как, подобно кинику Диогену, испортить валюту.

Такова цель этой книги, как и всех моих книг. Однако я по-прежнему убежден в одном:

“ Никто и никогда не должен работать.